

Лариса Миллер

*Поэтическая
библиотека*

СЕРИЯ
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Лариса Миллер

«Где хорошо? Повсюду и нигде...»

Москва
2004

ББК 84Р7-5
М 60

Оформление
Валерий Калмыгин

В оформлении использован рисунок
Елены Колат

Миллер Л. Е.

«Где хорошо? Повсюду и нигде...» / Сост. Б. Л. Альтшулер. —
М 60 М.: Время, 2003. — 560 с. — (Поэтическая библиотека).
ISBN 5-94117-061-0

Эта книга — практически полное собрание поэтических произведений Ларисы Миллер, итог работы за 40 лет. В неё вошли стихи из сборников «Безымянный день», «Земля и дом», «Между облаком и ямой» и других, а также новые стихотворения.

ББК 84Р7-5

ISBN 5-94117-061-0

© Л. Е. Миллер, 2003
© Б. Л. Альтшулер, составление,
предисловие, 2003
© Издательский дом «Время», 2003

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Имя Ларисы Миллер хорошо известно любителям русской поэзии, которые теперь впервые могут ознакомиться с её стихами не по разрозненным изданиям и публикациям.

В книге представлено более 800 стихотворений — практически полное авторское собрание за 1963—2002 годы. Сборник построен по хронологическому принципу. Не случайно в нём выделено 40 поэтических циклов, каждый из которых совпадает с календарным годом. Время для Ларисы Миллер — не движение стрелки по циферблату часов и не только сумма прожитых лет, но вполне ощутимая материальная субстанция. Приход Нового года или смена сезонов — всегда рубеж, в том числе творческий, и стихи в рабочих тетрадях, как правило, сгруппированы по сезонам: зима-весна-лето-осень-зима. Эти «годовые кольца» в книге, в свою очередь, объединены в пять разделов. Первые два — «Безымянный день» и «Земля и дом», названные по одноимённым сборникам 1977 и 1986 гг., включают также стихи, в своё время не допущенные цензурой к публикации и напечатанные значительно позже в других книгах автора.

В сборник вошли лишь поэтические произведения, за его пределами остался важный пласт творчества Л. Миллер — проза и эссеистика: автобиографические повести и рассказы, статьи о поэтах и поэзии, воспоминания об Арсении Тарковском и многое другое.

Вниманию читателей предлагается подборка откликов разных лет на стихи Ларисы Миллер — рецензии Арсения Тарковского, Григория Померанца, Зинаиды Миркиной, Натальи Трауберг и другие, а также выдержки из интервью Ларисы Миллер, в котором она сама говорит о своей поэзии.

Книга снабжена алфавитным указателем и примечаниями.

Безымянный день
1963–1976

* * *

*В допотопные лета
Мир держали три кита.
А потом они устали
И держать нас перестали
На натруженном хребте.
И в огромной пустоте
Держит мир с того мгновенья
Только сила вдохновенья.*

1963

* * *

О, кто бы взялся, кто бы мог
Распутать старенький клубок
Обид, любвей, страстей, печалей,
Понять, что после, что вначале
И в чём причина слёз, морщин,
И вытянуть из ста причин
Хотя б одну на Божий свет, —
Но свой клубок обид и бед
Мы начинаем — только тронь —
Катать с ладони на ладонь.

* * *

У всех свои Сокольники
И свой осенний лес —
Тропинки в нём окольные,
Верхушки до небес.

С любовью угловатой,
С её вихрами, косами
Бродили мы когда-то
В дождях и листьях осени.

Сокольники осенние,
Тропинки наугад.
Стал чьим-то откровением
И этот листопад.

1964

* * *

Скоро стает, скоро стает снег.
Будет небом целый мир запружен,
И растреплет небо человек,
На ходу расплёскивая лужи.

Разорвёт он облака в клочки...
А когда уймётся и застынет,
От далёкой незадетой сини
Снова станут синими зрачки.

Скоро стает, скоро стает снег,
И коснётся неба человек...

* * *

Я прячусь в сонную подушку
От белой полночи в окошке,
И снится, снится мне морошка
И всё в морошке, как в веснушках.

А утром вёдер перезвоны
И тает сон, как мягкий пряник...
Своей морошке класть поклоны
Идут по тропке северяне.

И перед нею на колени,
В тепло и влагу мшистых кочек, —
Да будет на зиму варенье,
Чтоб коротать длинноты ночи!

Я вёдер полных столько, столько
Встречаю нынче на Мезени,
Что доверять примете только б —
И ждать везенья, ждать везенья.

Мезень

* * *

На приполярном белом свете
Белы ночами кочки мхов.
Опять не сплю до самых третьих,
Горластых самых петухов.

И никуда глазам не деться
От беспокойной белизны.
Сейчас бы, как в давнишнем детстве,
Уткнуться носом в чудо-сны

И позабыть, что мир огромен,
Суров и бел в моём окне,
И ничего не видеть, кроме
Лукошка с ягодой на дне,

И отыскать в клубничном чреве
Парные запахи лесов...
Ну подари мне, север, север,
Хоть каплю тьмы для этих снов.

1965

* * *

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда —
И твой отходит эшелон!

И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

* * *

Стынут стёкла телефонных будок,
На замке газетные ларьки,
Засветились малые мирки,
На земле ни грохота, ни гуда,

Будто не бывало войн и бед.
Слышу, как шуршат страницы,
Вижу, как на мир ложится
От настольной лампы тихий свет.

* * *

Сползает снег, как одеяло,
За пядью обнажая пядь.
Земле озябшей и усталой
С азов апрельских начинать,
Чтоб наши считанные вёсны
Мы получили все сполна.
...А если не светло, не росно,
То это не её вина.

* * *

Совсем одни в большом и неуклюжем
Пустынном городе с тобою кружим;
Приходим на покинутую площадь,
Где в лужах перья голуби полощут,
На площадь с опустевшими домами,
Как в комнату, где мебель под чехлами;
Блуждаем, переулками кружа,
Владыки города и сторожа;
Для нас одних и тополиный пух,
И птичьи голоса тревожат слух;
Когда же ночь безлунна и крута,
Стеречь нам городские ворота.

* * *

Хрустит ледком река лесная,
И снег от солнца разомлел...
А я опять, опять не знаю,
Как жить на обжитой земле.

Опять я где-то у истока
Размытых мартовских дорог,
Чтоб здесь, не подводя итога,
Начать сначала, — вот итог.

* * *

Теплом опутана, как тинной,
Живу и жмурюсь на свету,
И пух июньский тополиный
Ловлю ладонью на лету,
И речки медленную нитку
Лениво тереблю веслом,
И погибаю от избытка
Тиши и трав на дне лесном,
И сини, и лугов, и пуха,
И бликов на речном песке,
И жду осеннюю разруху,
Чтоб лист висел на волоске.

* * *

От маеты, забот и хвори,
Раздвинув дни, я улизну,
Как между планками в заборе,
И, окунувшись в тишину,
У осени по самой кромке,
Где листьев ржавые обломки
Покрыты коркой ледяной,
Пройду и стану тишиной.

* * *

Чередуя чёт и нечет,
День за днём уходит год.
И ложится нам на плечи
Сероватый небосвод.

Вот он, мир наш без иллюзий,
Как изжитая судьба, —
От дождя рябые лужи
Да деревьев голытьба.

Был он жёлтым, будет белым,
Как падут снега на грудь.
Я люблю — пропахший прелым,
Оголившийся, как суть.

* * *

Памяти Бориса Николаевича Симолина

В Москве стоит сентябрь с ветрами.
Москву от листьев чистят, чистят.
На Вашей на оконной раме
Дрожит, прильнув, залётный листик.

...Ну, что же, что же Вы пропали?
Вы, верно, задержались где-то.
И, может, нынче на вокзале
Вы покупаете билеты...

Вы где-то есть. И скоро, скоро
Мелькнёт знакомая беретка...
Наверно, это – малый город,
И поезда оттуда – редко.

* * *

Над сараем белые голуби –
Всё, что белого у зимы,
Я взяла бы у них займы
Белых перьев для леса голого.

И Голутвинским, Мытной, Лиховым,
О делах забыв, о речах,
В лес да в поле перо это тихое
Унесла б на своих плечах.

1966

* * *

На лист бумаги, как следы на снег,
Ложатся строки. Делаю разбег.
Но, разбежавшись на листе на белом,
Увы, взлетаю за его пределом.

* * *

Январский сумрак затяжной,
Сугробы хрустки, как суставы,
И тянутся по Окружной
Запорошённые составы.

Снега, как дни мои, несметны.
Я в этом мире — на века.
Но снег стряхну с воротника
И в дом войду. И снова — смертна.

* * *

Я верю: всё предрешено
И весь наш путь, что крут и сложен,
Не знаю кем давным-давно
Подробно на листе изложен.

И как ни бейся среди стен,
Ни верь в спасительность отсрочки,
Проставлены на том листе
Все вехи до последней точки.

Но если непогожим днём
Пришлют мне этот лист в конверте,
Будь даже о бессмертье в нём,
Он станет приговором к смерти.

* * *

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не переча.

* * *

А у нас ни двора ни кола.
Тихо тают в ночи купола,
Тихо таем с тобою в ночи —
Пришлый люд. Ни к кому и ничьи.
Светом в окнах не ждёт городок.
Не зовёт у причала гудок.
До зари никаких переправ.
Можно где-то меж неба и трав
Привалиться к берёзе плечом
И не думать совсем ни о чём.
Пересуды, и сборы, и путь —
Всё потом. Всё потом. Как-нибудь!
Ночь тепла, точно ворох пера.
Всё потом. Как пойдут катера.

Плѣс

* * *

Горячей галькой к морю выйду —
И прах земной, и жар, и гнёт,
И боль, и праздность, и обиду
Смывают волны горьких вод.

И жизнь из суток не кроя,
Живу. Ступни ласкает тина.
И всё сомкнулось воедино,
Как моря и небес края.

Коктебель

* * *

После бури ночной на суше
Груда щеп, черенок от груши,
В липких водорослях полено,
На песке бахромою пена,
Створки мидий, клешни кусок
Да русалочий волосок.

Коктебель

* * *

Ни пристаней и ни границ,
Ни колоколен, ни бойниц,
Ни слуг, ни голи, ни элиты.
В степной траве — надгробий плиты.
И обнажают стен остатки
Одну лишь тайну — тайну кладки.

* * *

Сентябрьская ржа
Притупит страх и боль,
Сухой листвой шурша,
Уйду в лесную голь,
Чтоб слышать ветра свист
И чтоб не знать утрат,
Грустней, чем поздний лист,
Погибший в листопад.

* * *

Полосой неудач, полосой неудач,
Вдоль ослепших окон заколоченных дач
И линиялых заборов, и вымокших пней,
Сквозь разор и разлад предсентябрьских дней,
Ветром загнанный лист подыму, приручу,
И осеннему Богу поставлю свечу.

* * *

А меж осин витает осень,
И ветер задувает свечи
Минувших пиршеств, лет и вёсен,
И глуше смех, и глуше речи,
И, как над чистою страницей,
Сентябрьским днём склоняем снова
Чуть затуманенные лица
Над белизной непрожитого.

* * *

Маме

О душа твоя... Дым да завал,
После бала неприбранный зал.
Кто здесь не был, не грелся и не пил,
Рассыпая рассеянно пепел.
А тебе убирать недосуг —
Ни охоты, ни сил и ни слуг.
Ты не мучься и не разбирай,
Только сдвинь всё легонько на край,
Только место освободи
Для всего, что ещё впереди.

1967

* * *

А у меня всего одна
Картина в рамке побелённой:
Июньский день и сад зелёный
В квадрате моего окна...
И дуба тень. И дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, —
Омытый ливнем подорожник.

* * *

Что там — пир ли, затишье ли, плач по кому —
У тебя, у меня, в том незримом доме,
Где надежда, что лампа на ветхом шнуре,
Светит ночью и в тусклые дни на заре,
Где живёт и живёт по дремучим углам
Давних встреч и разлук неразобранный хлам,
Где тоска оседает бесшумно, как пыль,
Где на равных правах сновиденья и бль,
Где, пока бытия не оборвана нить,
Ни раздать ничего, ни продать, ни сменить.

* * *

Я в новый день вступаю не спеша,
Когда луны растает в небе долька,
От холода сробев и не дыша,
В него вхожу по щиколотку только,
Как в реку, что светла и велика;
И наклоняюсь, не пройдя и пяди,
Чтобы коснуться пальцами слегка
Незамутнённой неподвижной глади.
Глядит ли кто вослед иль не глядит,
Как ухожу из обжитого края
Минувших дней? И, бликами играя,
Грядущее мне пальцы холодит.

* * *

На Беговой ли, на Садовой
Всё что-то роют криво-косо,
Колотят гирей стопудовой
И подвергают ветошь сносу
Под гуд и рёв машинной туши.
А по ночам, в глухой тиши, —
Ни звука. Ночью жгут и рушат
В пределах собственной души.

* * *

Я не иду сегодня на уловки,
Чтоб обогнать спешащих впереди.
Шатаюсь по заезженной Петровке,
Где лес витрин, прохожих — пруд пруди,
Где до всего на свете каждый падох
И ни один не обойдён лоток,
И плод лоточный, как эдемский, сладок,
И бесконечен страждущих поток.
И в том потоке я шатаюсь праздно
Средь сотен душ. Со мною — ни души.
И постигаю города соблазны,
Как девочка, что родом из глуши.
И суетных страстей своих не прячу
И растворяюсь в сутолоке дня,
И чувство ожидания удачи
Вселяется невидимо в меня.

* * *

Помоги мне уйти от запутанных троп,
Непролазных завалов, дремучих чащоб,
Опостылевшей битвы за каждую пядь.
Дай мне дверь и порог – буду дом охранять.

На одной из дорог отыщи, помани –
Стану преданным другом на долгие дни.
Буду сон твой хранить и не спать до зари,
Ни на шаг не уйду от привычной двери,
Чтобы новой тропы не распутывать нить
И не выть на луну, и тебя не будить.

* * *

А воды талые кругом
Светлы, как слёзы умиления.
И впору, бросив зимний дом,
Пуститься в путь без промедленья
И заплутаться где-нибудь
В лесах за станцией «Лосинка»,
И незаметно соскользнуть
С земли, как со щеки слезинка.

* * *

Купальщиков схлынул поток,
Забвение – грустный итог
Сезонных забав и пирушек.
И к берегу стынущих вод
Сегодня никто не придёт
Для отдыха и постирушек,
Не ступит на мокрый песок
И в тот приозёрный лесок,
Где дуб и берёза с осиной
На склоне осеннего дня
Своею печалью меня
Опутали, как паутиной.

* * *

И говорим о том о сём,
Покуда в сумерках пасём
Сухой листвы стада овечьи.
И бесконечны наши речи
О будущем, о вечных снах,
Об ускользяющих годах,
Неизживаемых обидах...
О том, о чём и вдох и выдох.

* * *

Я в детстве жаждала чудес
И перечитывала сказки,
В которых непролазный лес
Вдруг расступается к развязке.

Но чудеса не шли в мой дом,
Без них привыкла обходиться
И над нехитрым пустяком
Подолгу мучиться и биться.

Сильна привычка. И теперь
Явись, божественная сила, —
Её, пожалуй, верь — не верь,
Я б ни о чём не попросила.

* * *

От привычного мне отдохнуть бы обличья
И примерить чужую красу и величье,
И примерить чужую судьбу и удачу,
И вздыхать, и ступать, и смеяться иначе.
Но боюсь, кто-нибудь для потехи ли сдуру
Вдруг возьмёт да сожжёт мою прежнюю шкуру.

* * *

Без доуки к тебе, без корысти,
Просто так – поглядеть старину,
Ни блокнота со мною, ни кисти –
Я в твоём безоружна плену.

Отчего ж, белокаменный город, –
Или это привычка веков? –
Недоверчиво поднял ты ворот –
Белоснежную грудку снегов?

Псков

* * *

А кругом туман густой,
Ни домов и ни созвездий,
На невидимом разъезде
Дребезжит трамвай пустой.

И ни неба, и ни дна.
Ни конца и ни продленья,
Предстоит ночное бденье
Под луной, что не видна.

Просветлеет ли к шести?
Или же, бывает всяко,
И не выбраться из мрака,
И пути не обрести?

* * *

Что до меня тебе за дело,
Коль я все сказки рассказала,
Коль я тебе все песни спела,
Которые когда-то знала,

Коль я, что зала нежилая,
В которую лишь ради смеха,
Быть может, забегут, желая
Средь голых стен послушать эхо.

* * *

А. А. Тарковскому

Поверить бы. Икону
Повесить бы в дому,
Чтобы внимала стону
И вздоху моему.
И чтобы издалёка
В любое время дня
Всевидящее око
Глядело на меня.
И в завтра, что удачу
Несёт или беду,
Идти бы мне незрячей
У Бога на виду.

1968

* * *

Злые спутники сумеречной полосы –
Неотвязные мысли – бродячие псы,
Семящие тупо за мной по пятам,
Как отважу я вас, чем задобрю, что дам,
Как потрафить смогу, коли этой зимой
Ничего кроме вас у меня у самой?

* * *

И как шар наш земной ни кругл,
Всё же ищем на нём мы угол,
Чтоб хранить там тряпье, посуду,
Старых книг и привычек груду,
И причуды, и ахи, вздохи,
Пуд обид и надежды крохи,
Чтоб ступить, когда мир кренится,
На обжитую половицу.

* * *

Пройдёт и этот день, в небытие он канет,
Кого-то исцелит, а чью-то душу ранит,
И кто-то поутру пробудится от блика,
А кто-то, может быть, от собственного крика.

* * *

И снова я заговорила
Тогда, когда молчать бы надо.
Какая-то глухая сила
Велит мне третьи сутки кряду
Искать слова и всё, что нлыло,
Бумаге поверять без толку.
Когда всего-то надо было
Лишь выплакаться втихомолку.

1969

* * *

Жить на свете — что может быть проще? —
И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить,
И, беседы утративши нить,
Всё брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.

* * *

И всякий день — всё та же спешка,
И всякий день — орёл иль решка,
И то везёт, то не везёт
В том мире, где подтаял лёд
И где снега под вечер сизы,
Где каплет под лучом с карниза
И стало небо голубым,
И клонит южным ветром дым.

* * *

Когда это было — вчера, не вчера —
От ливня ночного разбухла кора
И грустное всё приходило на ум,
Покуда мы по лесу шли наобум,
И длился, и длился, и не иссякал
День тусклый, как лампы вагонной накал.

* * *

Доводы, всё доводы,
Старых истин проводы,
Ушедших без следа.
В рассужденьях гибкие
Говорим с улыбкою,
Терпимы, как всегда.
Что же вы, так что же вы
Пугаете прохожего,
Срываетесь на крик?
Пожили вы, прожили,
Мы только подытожили
Ваш опыт в краткий миг.
Истинное, ложное
Распознать не сложно вам
Было бы, когда б
В те дни вы сами не жили,
Не ваши зори брезжили,
В те дальние года.

* * *

Феликсу Розинеру

Во времена до нашей эры
Всё делали не зная меры —
Как пили, пели, пировали,
Слагали гимны о Ваале!

В каком цветистом бурном стиле
Любили и клялись, и мстили!
А нынче, как дела ни плохи,
Почти бесшумны наши вздохи,

Почти бесстрастны наши лица,
Когда нам впору удавиться!
А может, лучше, предкам вторя,
Рвать на себе одежды в горе,

А может, станут легче муки,
Коли стенать, ломая руки,
И пеплом посыпать волосы,
Дожив до мрачной полосы.

* * *

Ах, всё о том же — как пою и плачу,
Как улыбаюсь, как улыбку прячу,
И про тоску свою и про смятенье,
А если о чужом полночном бденье
И о чужой улыбке и судьбе,
То всё равно — и это о себе.

* * *

Такая тишь и благодать среди берёз,
Что верить в брeнность и судьбу нельзя всерьёз.
Зелёно-жёлто-голубые дни пестры,
И на опушках вечерами жгут костры.
И ни сомнений, ни трагедий, ни разлук —
А только влажный от росы вечерний луг
И только ночи, что теплы и коротки,
И станционные далёкие гудки.

* * *

Не увидеть своего
наивысшего полёта,
Потому что мутен взор
от струящегося пота.
Не изведать, не узнать,
что такое завершённости,
А изведать боль в висках,
пустоту, опустошённость.
Да и есть ли тот полёт
и свершение в виде чистом
Или только пот и кровь
и дыхание со свистом?

* * *

В старой голубятне
С навесным замком
Одинокий голубь —
Белоснежный ком.

Горемычный голубь,
Нет судьбы черней,
Чем навек зависеть
От шальных парней.

Нет судьбы печальней,
Чем под свист и ор
Познавать манящий
Голубой простор.

Да и разве можно
Высоко взлететь,
Если дом твой всё же
Запертая клеть.

* * *

Тусклый свет и робкий танец
Облетевшего листа.
В мире все об эту пору
Уже розданы места.
Всяк при деле, всяк при деле,
И пылают очаги,

И работают усердно
Все на свете рычаги.
Всяк спешит своей дорогой
И гремит своим ключом.
Ну а тем, кто за порогом,
Кто остался ни при чём,
Кто остался там, за зоной
Доброй снеди и тепла, –
Запустелые газоны,
Листья, жжёные до тла.

* * *

Позови меня негромко.
Голубого неба кромка
Показалась в серый день.
Позови туда, где ломкий
Лёд хрустит и снег бахромкой
Лёг на ветви, куст и пень.
Позови смотреть на дали.
Всё давным-давно сказали
Мы друг другу, ты да я.
Мы пойдём с тобой в иные, молчаливые края,
Где значенье в каждом хрусте
И спастись нельзя от грусти
В хороводе слов и дел,
И никем не обозначен нашего пути предел.

* * *

Для грусти нету оснований,
Кочуем в длинном караване
Всех поколений и веков,
Над нами стая облаков,
А перед нами дали, дали...
И если полюбить детали,
Окажется, что мы богаты
Восходом, красками заката
И звуками, и тишиной,
И свистом ветра за стеной,
И тем, как оживают листья
Весной. И если в бескорыстье
Земных поступков наших суть,
Не так уж тяжек этот путь.

1970

* * *

Мне говорят и говорят,
А я не вслушиваясь вторю,
А я иду дорогой той,
Которая уводит к морю.

Оно качается вдали —
Я упаду в него с разбегу,
Всё то, что было до сих пор,
Земное всё, оставив берегу.

Тропа петляет без конца,
И я то в гору, то под гору —
То нету синей полосы,
То вновь она открылась взору.

* * *

Ну вот и мы умудрены,
И мы познали груз вины
И гнёт любви, и вкус страданья,
И горечь позднего свиданья,

И жизни праздной благодать,
И полный тягот год недужный,
И знаем, чего стоит ждать,
И знаем, чего ждать не нужно.

И, Боже, как прекрасно жить
Вот так, с открытыми глазами,
Умея пренебречь азами
И не боясь утратить нить.

Какой бывает тишина
И как она взрываться может,
Когда душа искушена,
Когда кусок немалый прожит,

Когда знакомо всё кругом —
Листа осеннего прожилки,
Пушок у сына на затылке
И лестница при входе в дом.

И я, распахивая дверь
И точно зная, что за нею
Ждала вчера и жду теперь,
В неё вхожу, благоговей.

* * *

Дети, дети, наши дети,
Руки — тоненькие плети,
Шейка — слабый стебелёк, —
Путь ваш длинен и далёк.
Убережь бы вас, да как,
От обид и передряг.
Лето, осень. День да ночь —
Улетите гордо прочь
В неизвестность, в темноту,
Напевая на лету.

* * *

Завершается всё полосой закатной:
И уклад многолетний, и риск многократный,
И любовь, и раздолье, и праздник, и встреча...
Свод небесный багряною краской расцветен.
И чем ближе к закату, чем ближе к развязке,
Тем тревожней тона, тем багровее краски.

* * *

То ли слёзы, то ли смех,
То ли вызов, то ли шалость.
Отвращенье или жалость,
Добродетель или грех.

И ответ мой, как вопрос.
Сны мои на грани бреда,
Не ходи за мной по следу –
Ненадёжен тонкий трос.

Мне дороги не дано,
Балансирую вслепую,
То терзаюсь, то ликую
И не ведаю давно,

Где везение, где крах,
Где случайность, где причина,
И вот-вот сорвусь в пучину,
Повисая на руках.

* * *

Феликсу Розинеру

Как всё сложится, как обернётся,
Что совсем позади, что вернётся,
Что утратим и что обретём,
Нам страдать или сеять страданье,
Или просто во всём мирозданье
Оказаться ни с кем, ни при чём?
Разобраться отчаявшись в сущем,
Всё спешим очутиться в грядущем,
Слепо тыча случайным ключом.

* * *

Тоненькая женщина,
Жрица и пророчица, —
Ей любви нескованной
И свободы хочется
От канонов мрачного
Танца ритуального,
От всего усохшего,
От всего фатального.
И она по-своему,
Как умеет, борется —
То флиртует с ересью,
То усердно молится.
И в любви то хищница,
То голубка кроткая.
Вот она скользящую
Двигается походкою.
Вокруг ног колышется
Полотно воздушное...
Кто же тебя выдумал,
Дщерь великодушная?
Кто же тебя выдумал,
Мелкая и злобная?
Сколько жертв спровадила
Ты на место лобное...
Без тебя немислимы —
Чьё ты озарение? —
Ни любовь небесная,
Ни земное бдение.

* * *

Ложатся дни, как чуждые слои
На подлинник и редкий, и бесценный.
И что ни день — почти живые сцены
Разлук и встреч и мелкие бои
За миг удачи, слаженность, успех —
Подобье драм, улыбок и печалей.
И вдруг понять: была лишь там, в начале,
Единственная истина из всех.
И безоглядно устремиться к ней,
Туда, где всё пронзительно и остро,
Скоблить, счищать ненужный хаос пёстрый,
Немало проведя без сна ночей,
Не мешкая на длительном пути,
И обнаружить, кончив труд упорный,
Что подлинник — потрескавшийся, чёрный
И линии невидимы почти.

* * *

Вот он, омут моей души.
Обмани меня, веры лиши,
Оттолкни меня, выдай, ограбь —
Только рябь на воде, только рябь.
Всё, что ценно мне, брось и рассыпь —
Только зыбь на воде, только зыбь.
Все деянья мои сокруши —
Только слабые всплески в тиши.
А войдёшь в эти воды — кричи,
Так ожгут ледяные ключи.

* * *

В пору долгих и тёмных ночей,
Когда нет ничего, никого, —
Мне бы лампу в пятнадцать свечей,
Чтобы видеть тебя одного.
И тогда всё опять на местах,
Всё имеет и смысл, и суть,
И ничтожны тревога и страх,
И надёжен к дальнейшему путь,
И не так уж черна темнота,
И, как божия птичка в раю,
Позабыв про труды и лета,
Безмятежные песни пою.

* * *

Наверно, прекрасно за тою горою,
Куда мы ещё не ходили с тобою,
Там вольная воля, покой и прохлада
Туда нам, наверно, давно уже надо.
Там множество чистых стремительных речек,
Там добрый бы нас приютил человечек,
Там в праздник под звёздами крупными пляшут,
Там птицы крылами огромными машут.
Не знать нам, не ведать тоски и напасти,
Пока в те края убежать в нашей власти.

* * *

Всё серьёзно — каждый шаг, каждая улыбка,
Как в младенчестве гремим крашеною рыбкой,
Как ступаем по земле, как уходим в землю,
Как бушуем и клянём, как смолкаем, внемля.
Как прощаем, чем корим — всё весома, свято,
А не только миг, когда, на кресте распятый,
Застывает надо всем Мученик Великий
С выражением тоски на бескровном лице.
Был Он свят и был велик до распятия, прежде,
Когда хаживал с людьми в будничной одежде.
Не в Голгофе лишь одной пафос и мученье,
Есть обычной жизни ход и судьбы течение.
И не просто распознать, что есть миг обычный,
Что есть самый главный миг, самый патетичный.

1971

* * *

Почти затоплена земля,
Та, на которой мы стояли,
И золотятся под лучом
Уже затопленные дали.
На обречённом острове
Нет смысла оставаться доле,
Уходит почва из-под ног,
И мы — нигде, и мы — на воле.
И, не заботясь о пути,

Ступаем, небосвод колебля,
И обведают ноги нам
Ушедшие под воду стебли,
И не предвидится нигде
Ни пяди благодатной суши,
И замирают от тоски
И от восторга наши души.

* * *

И что за странный вздор —
Весь груз привычный свой,
Всё прошлое своё
Всегда нести с собой.
Без ноши и без слёз,
Без тягот — налегке
Сбегаю я к тебе,
Как под гору к реке.
И вот уж до тебя
Почти подать рукой...
Пусть ясность навсегда
Заменит нам покой.
А край, где так светло
И хорошо вдвоём,
Ничем не оградим,
Никак не назовём.

* * *

Ну вот и мы внесли свои пожитки
В огромный дом, где было всё в избытке
Ещё до нас, где гибли и цвели,
В любви клялись и клятву нарушали,
Впадали в ересь, берегли скрижали
И верили, что лучшее вдали.
Но что нам тяжкий опыт всех веков
И знание иных тысячелетий,
Когда мы снова не находим слов
И немые, точно первые на свете,
Перед лицом и счастья, и утрат.
И в доме, что Овидий и Гораций
Воспели и оплакали стократ,
Как братья за перо? И как не братья?

* * *

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах —
Вот ещё один взмах и ещё один взмах —
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность —
Всё неважно, когда есть безмерная нежность.

Мы не снегом — небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.

* * *

Б. А.

Всё в мире есть: и пыльный тракт, и стёжки,
И сад в цвету, и хижина в огне,
И отпечаток маленькой ладошки
В морозный день на ледяном окне,
Могильный крест и воробьиный крестик
На самом чистом утреннем снегу;
И чудо быть и днём и ночью вместе
С тем, без кого едва ли жить смогу.

* * *

Где ты тут в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом —
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье,
Слух не тронув самый чуткий;
Незаметно и невнятно,
Как смещаются за сутки
Эти солнечные пятна.
Где ты в снах своих и бдений?
В беспредельности пространства
Только видимость владенья,
Обладанья, постоянства.

* * *

Не горечь, не восторг, не гнев
И не тепло прикосновений —
Лишь контуры домов, дерев,
Дорог, событий и явлений.
У тех едва заметных рек,
Тех еле видимых излучин
Ещё и не был человек
Судьбою и собой измучен.
И линией волосяной

Бесплотный гений лишь наметил
Мир, что наполнен тишиной,
Без шёпота и междометий.
Да будут лёгкими штрихи,
Да будет вечным абрис нежный
И да не знать бы им руки,
Излишне пылкой иль прилежной...
Да научиться бы войти
В единый мир в час ранней рани,
Не покалеча по пути
Ни малой черточки, ни грани...

* * *

И вновь, как все века назад,
Белым-бело, пустынно, глухо,
Ничто не остановит взгляд,
Ничто не потревожит слуха,
Нигде ничей не вьётся след,
А только матовый и ровный
Невозмутимый льётся свет
С небес на этот мир огромный,
Где не было ещё никак
Совсем — ни хорошо, ни плохо,
Где только будет — вздох и шаг,
И облачко у губ от вдоха.

* * *

Проникнуть в тайны бытия —
Желанье дерзкое какое.
Мир и в движенье, и в покое
Пребудет, главное тая,
Нам оставляя сто личин,
Сумятицу причин и следствий
И хоровод пиров и бедствий,
И цепь рождений и кончин.
Сегодня сер он, точно прах,
А завтра весь он — нараспашку
И дарит белую ромашку
С розинками на лепестках.

* * *

И ночью дождь, и на рассвете,
И спят благословенно дети
Под шепоток дождя.

Покуда тишь и дождь, как манна,
Идёт с небес — всё безымянно
Окрест. А погода

Вновь обретёт и знак, и дату
И двинется опять куда-то,
Неведомо куда.

И распадётся, раздробится
На силуэты, жесты, лица,
Миры и города.

И станет зыбким и конечным
Все то, что достояньем вечным
Как будто быть должно.

И будут новые потери
Нас укреплять в нелепой вере,
Что так заведено.

Устав от собственного ига,
Мы будем ждать иного мига,
Напрягши взор и слух

И позабыв за ожиданьем,
Что мы владеем мирозданьем
И что бессмертен дух.

* * *

Всё предстоит, лишь предстоит.
И этот путь еще не начат.
И в нас ещё ничто не плачет,
Не стонет, душу не томит.
Покуда где-то вдалеке
То, с чем немыслима разлука,
Из тех краев пока ни звука.
И мы легки и налегке.
И никаких не знаем уз,
И никаких не знаем тягот
Из тех, что нам на плечи лягут,
Наш с миром сим скрепив союз...
К такой поре, к тем давним нам
Теперь испытываю зависть:
Тогда лишь предстояла завязь
И чаша лишь плыла к губам.
А нынче пьем и жаль глотка,
Поскольку не бездонна чаша
И бесконечно коротка
Превратная дорога наша.

* * *

Дней разноликих вьётся череда,
Приходит срок – пустеют города
Улыбок, встреч и долгих разговоров,
Согласья тихого и молчаливых взоров.
Но я земли не уступлю ни пяди
В том нежилом и опустевшем граде

И не сожгу его, и не разрушу —
И ничего, что было, не нарушу.
Он будет мною охраняем свято.
Я помню краски каждого заката.
Я буду приходить туда в мечтах,
Распугивая оголтелых птах,
За долгий срок привыкших к запустению,
И, наклоняясь к каждому растению,
Касаться лепестков в знакомых крапах,
И медленно вдыхать забытый запах.

* * *

Опять мы днём вчерашним бредим,
Тем, что неслышим и незрим,
Минувшее сквозь память цедим,
Минувшего вдыхаем дым
И в то, что ливнями размыто,
Ветрами порвано в клочки, —
Во всё, что жито-пережито,
Глядим, как в тёмные зрачки, —
И блещут высохшие реки,
Давно угасший луч игрив,
Пока не опустились веки,
Зрачки бездонные прикрыв.

* * *

А лес весь светится насквозь —
Светлы ручьи, светлы берёзы,
Светлы после смертельной дозы
Всего, что вынести пришлось.
И будто нет следов и мет
От многих смут и многой крови,
И будто каждая из бед
На этом свете будет внове.
Вот так бы просветлеть лицом,
От долгих слёз почти незрячим,
И вдруг открыть, что мир прозрачен
И ты начало звал концом,
И вдруг открыть, что долог путь —
И ты тогда лишь не воспрянешь,
Когда ты сам кого-нибудь
Пусть даже не смертельно ранишь.

* * *

И всё равно я буду помнить свет.
И в пору тьмы, и на пороге смерти
Я не скажу, что в мире света нет,
А если и скажу, то мне не верьте.
Сплошная тьма у самого лица.
Но стоит сделать два нетвёрдых шага,
И вот уж под лучом струится влага
Какого-то лесного озерца.
Мираж и сон? Воображенья плод?
И ночь кругом, и свет совсем не брезжит;
Но значит, где-то день и солнце нежит,
И огненно настурция цветёт.

* * *

Измена, смута, изгнан, взят под стражу...
Аукаюсь с тобою древней, Русь.
А вот с собою связи не налажу
И до самой себя не достучусь.
И что мне до терзаний Аввакума?
Глаза б закрыть, плотнее сжать виски
И наконец понять, додумав думу,
Чему верна до гробовой доски,
Чему служить, чтоб стало всё прозрачно
И осветился предстоящий путь,
А может, так и есть, и в том лишь суть,
Что многолико всё и многозначно.
А может, в том великое из благ,
Что, хоть и жизнь не из сплошного света,
Но и темницы абсолютной нету,
И не бывает непролазным мрак.
Но так хочу незыблемых границ
И чёткости, и чтобы не рябило,
И чтоб средь многих мне приятных лиц
Не стёрлось то, которое любила,
И чтоб средь ста занятий, слов и дел
Не измельчало то, с чем связан кровно.
Я обнимаю этот мир любовно.
А он не прост — не чёрен и не бел.
И нет недвижимых и надёжных вех.
Всё сметено и сдвинуто, и смыто:
Где нищенство, где роскошь, где избыток,
Где чистота, где праведность, где грех.

И как неслышно, плавно, без рывков
Подчас одно в другое переходит,
И из конца начало происходит
Невидимо, как смена всех веков.

* * *

Существует та черта, за которой нива Божья,
А для смертных — пустота, немота и бездорожье.
Всё туманно, что до нас, и туманно всё в грядущем,
И равно неясно всем — впереди, в хвосте идущим.
И прекрасна, и редка роль пророка и провидца,
Но насущнее пока неподкупность очевидца,
Свято верящего в свой драгоценный горький опыт
Отличать добро от зла, от веселья стон и ропот.

* * *

Когда садилось солнце в пять,
В те снежные недели,
Всё то, о чём нельзя мечтать,
Случалось на деле.
И я, приемля все дары,
Растерянно молчала,
Предчувствуя иной поры,
Иных времён начало,
Когда кругом и вдалеке
Всё снова станет глухо,
И попросить о пустяке —
И то не хватит духа,
Когда не сыщешь днём с огнём
Окрест иного чуда
Кроме того, что мы живём
И не всегда нам худо.

* * *

Ничего из того, что зовётся бронёй, —
Ни спасительных шор, ни надёжного тыла...
Как и прежде, сегодня проснулась с зарёй,
Оттого что мучительно сердце заныло,
То ль о будущем, то ли о прошлом скорбя...
А удачи и взлёты, что мной пережиты,
Ни на грош не прибавили веры в себя,
Но просеялись будто сквозь частое сито.
Так и жить, как в начале пути, налегке —
Неприкаянность эту с тобою поделим.
Тополиная ветка зажата в руке —
Вот и руки так горько запахли апрелем.

* * *

На рассвете, на закате
Думы те ж. И всё некстати.
Спасу нет от них.
Дни проходят чередую,
Каждый день чреват бедою —
Шумен или тих.
Как там будет: так ли, сяк ли?..
Может, нет нас. Мы иссякли —
Так шаги легки.
Вздых не слышен — с ветром слился.
Путь не виден — он продлился
Змейкою реки.

* * *

Сегодня чёт, а завтра нечет —
Нам пташка божия щебечет,
На землю глядя свысока, —
Мол, все течёт, и жизнь — река,
Сегодня так, потом иначе,
А значит, нет причин для плача,
И миг любой, как лист с дерев,
Проносится, едва задев.
Едва задев, летит мгновенье...
Под этот свист, под это пенье
Идем, свершая путь свой крестный,
Походкою тяжеловесной,
Приемля всё, что день принес,
И близко к сердцу, и всерьёз.

* * *

Люблю такой прекрасный бред,
Что будто в этой свистопляске
Мы сами выбираем краски
И сводим, что хотим, на нет,
И возвращаем с полпути
Всех уходящих тихим зовом,
От нас зависят — мир под кровом
И всё, что плещется в сети.
Люблю такой прекрасный бред,
Что нами близкие хранимы
И потому неуязвимы
И не подвластны морю бед.

* * *

Я не знаю пути до небесного рая.
Три обычных ступеньки до рая земного,
Где огромные дни, постепенно сгорая,
Из-за дальних лесов занимаются снова;
Где, спустившись с крыльца прямо к яблоням влажным,
Плод росистый вкушаешь во время восхода,
Где раздумья о вечном и жизненно важном
Не сулят непременно дурного исхода,
И простая потребность добраться до сути
Не ведёт непременно к страданию и смуте.

* * *

И я испытывала страх,
Живя, как на семи ветрах,
Не находя себе опоры
Среди всеобщего разора.
И я искала утешенья
В ежесекундном мельтешеньи,
Средь шумных орд, на тропах торных,
В делах и планах иллюзорных.
Ни света не нашла, ни блага.
Нашла, что воля и отвага,
И утешенье — в нас самих.
Безумен мир окрест иль тих —
Лишь в нас самих покой и сила.
Чума какая б ни косила,

Мы до известного предела
Сберечь способны дух и тело,
Распорядясь судьбой земной...
А вдруг всё вздор, и голос звонок
Лишь оттого, что ты со мной
И не хворает наш ребёнок?

* * *

Осенний дождик льёт и льёт —
Уже и ведра через край,
Не удержать — все утечёт.
И не держи — свободу дай.
Пусть утекают воды все
И ускользают все года —
Приснится в сушь трава в росе
И эта быстрая вода.
В промозглую пустую ночь
Приснится рук твоих тепло.
И этот миг уходит прочь.
И это лето истекло.
Ушла, позолотив листья,
И эта летняя пора,
Прибавив сердцу чистоты,
Печали, нежности, добра.

* * *

Живём на волосок мы от всего на свете,
Но прочен волосок, и мы давно не дети,
Давно не так нежны, податливы и хрупки —
Обдуманы слова и взвешены поступки.
И лишь в ночном бреду свершает дух наш вольный
Любой желанный шаг, и дикий и крамольный:
И мы в слезах летим в сладчайшие объятия,
И мы кому-то шлём безумные проклятья,
И с кем-то рвём навек, кому-то гладим руку,
Иверяем всю тоску свою и муку,
Волнуясь и спеша. До мига пробужденья
Диктуют волю нам порывы, побужденья.

* * *

Любовь — не прах. И жизнь — не прах.
И этот рук прощальный взмах,
И этот лист в осенний час —
Всё повторится после нас:
О твердь земную яблочек стук
И весь запас страстей и мук,
Которым не грозит конец
С концом вкусивших всё сердец.

* * *

Как ручные, садятся на грудь
Листья дуба и клёна.
Что такое наш жизненный путь,
Бесконечно продлённый?
Миллионы концов и начал
В непрерывной цепочке —
От листа, что сегодня опал,
И до завтрашней почки.
Это цепь бесконечных утрат,
Бесконечных находок,
Это вечно восход и закат
С обещаьем восхода.
Это вечно то сушь, то дожди,
То пустыни, то реки,
Это вечное вслед — «подожди» —
Уходящим навеки.

* * *

Вот и на этом пепелище
Возникнет новое жилище.
Иди же, не сбавляя шаг,
Тки дальше нити жизни вечной
И не держись, сверчок запечный,
За свой разваленный очаг.
Жизнь не выносит проволочек
И гонит прочь живой комочек
От стен сгоревших в край жилой,
Маня и красками, и пеньем,
Грозя оставшимся забвеньем
И погребеньем под золой.

* * *

Всё фантазии и бредни,
То, что было год последний,
Безнадёжно утекло,
Затуманил дождь стекло,
За окошком — веток шорох.
В памяти — туманный ворох
Полюявей, полуснов,
Полувысказанных слов.
Под немые причитанья
Возникают очертанья,
Те, что душу бередя,
Растворятся погода
Где-нибудь на полдороге,
На полвздохе, на полслоге.

* * *

О том, что было, не жалей,
Утешься белизной полей
И белизной грядущих дней.
А впрочем, самому видней,
О чём жалеть и не жалеть,
Что позабыть и чем болеть.
И думы эти не затем,
Чтоб истерзать себя совсем,
А чтоб всему, что рвётся прочь
Из наших рук и день и ночь
В простор печально-голубой,
Сказать: «Ступай. И Бог с тобой».

* * *

И всё же уговор жестокий —
Не оглянуться на истоки,
На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,
На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Вослед глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам
И не простившись даже взором?

* * *

Не подводи черты.
Не думай об итоге.
Несметных дней гурты
Белеют на дороге.

Гони их пред собой,
Гони к холмам волнистым,
Дорогою любой
К долинам травянистым.

Не верь дурной поре,
А верь, что за долиной
Вдруг вспыхнет на заре
Твой куст неопалимый.

* * *

Я вхожу в это озеро, воды колыша,
И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти взоры и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Всё покойно и мирно. И — вольному воля —
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдёте, что канете. Глухо. Без срока.
Всё, что дорого, — в памяти. Прочно. Глубоко.

1972

* * *

Порою мнится, будто всё знакомо,
Весь дольний мир на фоне окоёма
Давно изведен и обжит вполне.
Но вот однажды музыка иная,
Невесть откуда еле долетая,
Вдруг зазвучит, напоминая мне
О том, что скрыт за видимой личиной
Прекрасный лик, пока неразличимый, —
Как хочешь это чудо нареки —
А всё, что осязаемо и зримо,
Миражней сна, неуловимей дыма,
Подвижней утекающей реки,

Напомнит мне, растерянной и слабой,
Что высь бесплотна и бездонны хляби,
Которых и желаю, и страшусь,
И прошепчу я: Господи помилуй,
Как с этим жить мне, брэнной и бескрылой,
И как мне жить, коль этого лишусь?

* * *

Муза. Оборотень. Чудо.
Я тебя искала всюду.
Я тебя искать бросалась —
Ты руки моей касалась.
Ты всегда была со мною —
Звуками и тишиною,
Талым снегом, почкой клейкой,
Ручейка лесного змейкой.
Без тебя ломала руки,
Ты ж была — мои разлуки,
Смех и слёзы, звук привета,
Мрак ночной и столбик света,
Что в предутреннюю пору
Проникает в дом сквозь штору.

* * *

О нимфе этот древний миф,
О нимфе, что зовётся Эхо,
Чья доля, даже полюбив,
Остаться отголоском смеха,
Чужой улыбкою цвести,
Длить вздох чужой. Какая мука,
Когда нет сил произнести
Ни слова своего, ни звука,
Когда, будь темень или горе,
В смятенье, радости и горе
За кем-то движешься вослед,
Лишь подпевая, внемля, вторя
И разнося по всем углам,
По всем окрестностям и весям
Лишь отголоски чьих-то драм
И отзвуки запетых песен.
Да будь благословен тот миг,
Когда мы исторгаем слово,
Пускай похожее на крик,
На стон, на вой глухонемого.

* * *

Все эти солнечные маки июньским днём,
Все эти явственные знаки, что мы живём.
И что с того, что жить дано нам отсель досель?
Дана и эта с тихим лоном река-купель.
Ни чуждых благ, ни чуждой муки, ни чуждых вод —
Объять бы то, что прямо в руки само плывёт.
Не преступить ничьих владений и жить, поправ
Лишь листьев зыблемые тени да стебли трав.

* * *

Нас годы предают,
Нас годы предают...
Нас юность предаёт,
Которой нету краше...
И птицы, и ручьи
Весенним днём поют
Не нашу благодать,
Парение не наше.

Лети же, юность, прочь!..
Я не коснусь крыла
И не попомню зла
За то, что улетела.
Спасибо, что была,
Спасибо, что вольна —
И улетела прочь
Из моего предела.

И я учусь любить
Без крика «подожди!»,
Хоть уходящим вслед
С отчаяньем гляжу я.
И я учусь любить
Весенние дожди,
Что нынче воду льют
На мельницу чужую.

* * *

Я себя едва ли знаю,
А другого тщусь понять.
Из-под спуда вынимаю
Старый томик с буквой «ять».

Давний мир. Но снова едок
Очага бывшего дым.
Чем ты был, мой дальний предок,
И терзаем и томим?

Как ты прожил, предок бренный,
Свой земной недолгий срок?
Преподай мне откровенный
Всех превратностей урок.

Ты погонщик, скот ли вьючный?
Раб ли, жертва ли, палач?
И о чём твой смех беззвучный?
И о чём бесслёзный плач?

* * *

Всё поправимо, поправимо.
И то, что нынче горше дыма,
Над чем сегодня слёзы льём,
Окажется прошедшим днём,
Полузабытым и туманным,
И даже, может быть, желанным.
И будет вспоминаться нам
Лишь белизна оконных рам

И то, как в сад окно раскрыто,
Как дождь стучит о дно корыта,
Как со скатёрки лучик ломкий
Сползает, мешкая на кромке.

* * *

Жизнь побалуует немного —
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.

* * *

И день и ночь, и день и ночь
Я вижу дальних крыльев трепет
И слышу отдалённый лепет
Всего, что улетает прочь.

И не могу остановить,
И взять, как бабочку, за крылья,
И бесполезны все усилия,
И безнадёжно рвётся нить.

А если б даже и могла,
Кому нужна такая доля —
Сжимать два бьющихся в неволе,
Два рвущихся из рук крыла?

* * *

Что плакать ночи напролёт?
Уж всё менялось не однажды,
И завтра там родник забьёт,
Где нынче гибнешь ты от жажды.

И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

* * *

Точно свет на маяке,
Чей-то голос вдалеке,
Чей-то слабый голосок,
Как под ветром колосок.
Сквозь белёсый полумрак
Я иду за шагом шаг,
Я иду и не дышу,
И на голос тот спешу.
Отгорели все лучи.
Тихий голос, ты звучи.
В этом мире без лучей
Дальний голос, чей ты, чей?
Глас людской ли, пенье ль птах,
Пенье ль ветра в проводах?

* * *

Я знаю лицо и изнанку,
Как жгут и как дуют на ранку,
Как любят, как рубят на части —
Минуй меня суд и участие.
Хочу, чтобы в душу глядели
Одни молчаливые ели,
Хочу, чтоб со мной говорили
Дорог бесконечные мили,
Внимали мне и сострадали
Одни бессловесные дали.

* * *

Не пишется, не пишется.
И тщетны все уловки.
Не пишется без помощи
Таинственной диктовки.

Ни шороха, ни шепота
В доме, забытом Богом.
Глухонемые хлопоты
О бренном да убогом.

Неужто же воистину
Под этой самой крышей
Я голос тот единственный
Ещё хоть раз услышу?

И он порой чудесною
Поделится со мною
И тайною небесною,
И тайною земною?

* * *

Что с того, что всё уж было,
Что сегодня не впервой
В поле бабочка кружила
Над июньскою травой,

Что на хоженной планете,
Рытой вдоль и поперёк,
Прогнозируемый ветер
Клонит к стеблю стебелёк.

Всё равно пою, тоскую,
Прямо с листьев пью росу
И тебе, пролить рискаю,
Каплю зыбкую несу.

* * *

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Почему не летишь, коли отперты все ворота?
Почему не идёшь по холмам и по чистому полю,
И с горы, что полога, и на гору, ту, что крута?
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.
Позолочен лучами небесного купола край.
Время воли пришло, время вольности, время исхода —
И любую тропу, из лежащих у ног, выбирай.
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,
На привольные дали, на цепи неведомых гор?

* * *

Что ж! Пой и радуйся дарам
Своей долины плодородной.
Да только жизнь осталась там,
Где был ты тварью инородной.
Да только жизнь осталась там,
Среди шатров и пыльных скиний,
Где выпадал по временам
Небесной манны сладкий иней,
Где пепла горсть, где близких прах,
Где нет ни молока, ни мёда —
В навек покинутых краях,
На горестных путях исхода.

1973

* * *

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне вёсны мои, зимы —
Всё, что мною с детства познано и зримо, —
Зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влечи меня ты под чужую крышу,
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далёком.

* * *

Откуда знать, важны ли нам
Для жизни и для равновесья
Родные стены по утрам,
Родные звуки в поднебесье,
Родная сень над головой.
А может, под любую сенью
Быть можно и самим собой,
И чьей-нибудь безвольной тенью.
А может, близ родной души
Любые веси — дом родимый.
Но чтоб ответить — сокруши
Очаг, столь бережно хранимый,
Свой прежний дом покинь совсем,
Сойди с дороги, той, что вьётся,
Стерпи, что завтра будет нем
Тот, кто сегодня отзовется,
И перейди в предел иной,
С иным укладом и разором,
Где чуждо всё, что за спиной,
И чуждо всё, что перед взором.

* * *

Сама себя я стерегу
И ни на шаг не отпускаю,
Лишь взглядом медленным ласкаю
Всё, что на дальнем берегу.

И лишь в мечтах сто тысяч раз
Переплываю эти воды
И обретаю ту свободу,
Которой нет у смертных нас.

Но всё на том же берегу
Средь тех же трав, сцепив ладони,
Гляжу, как в воду солнце тонет,
И шевельнуться не могу.

То слышу голос: «Встань. Лети».
То слышу: «Полно. С чем играешь?
Себя навеки потеряешь
И не найдёшь назад пути».

* * *

Всё уходит. Лишь усталость
Не ушла. Со мной осталась.
Стали в тягость встречи, сборы,
Расставанья, разговоры,
Страдный день и вечер праздный,
Свет и сумрак непролазный,
В тягость шорох за стеной,
В тягость крылья за спиной.

* * *

Белый день мой в чёрной рамке двух ночей,
Мельтешенье белых хлопьев и лучей.
Белый день мой. Только что же в нём моё,
Кроме этого пути в небытиё?
Вот иду я, на проталинах скользя,
Ни остаться, ни замешкаться нельзя.
Замирают на губах моих слова,
Тают хлопья, лишь коснувшись рукава.

* * *

Каждый шаг с трудом даётся,
А тропа моя всё вьётся,
Убегает от крыльца,
Будто нету ей конца,
Будто нету мне предела,
И душа, покинув тело,
Станет каплей дождевой
Иль былинкой полевой,
Или звонкой песней вешней
Снова в край вернётся здешний.

* * *

Я хочу ходить по струнке.
Как покорный шар из лунки
В лунку новую лететь,
Не ступая через силу,
Не вникая в то, что было,
Или в то, что будет впредь.
Всё смешалось — дни и ночи,
И шагать уж нету мочи,
Что ни шаг, то тяжкий труд.
А дорога длится, длится,
Извивается, и птицы
Заливаются, поют.

* * *

Всё исчезнет — только дунь:
Полдень, марево, июнь,
Одуванчиково поле,
Полупризрачная доля
Жить вблизи лесов, полей,
Крытых пухом тополей.

* * *

Засилье синевы и трав.
И ветер, веткой поиграв,
Стихает сонно.
И всё вокруг — чудесный сплав
Того, что сгинет, прахом став,
И что бездонно.

И даже малый лепесток —
Итог явлений и исток.
И жизнью брэнной
Мы вносим свой посильный вклад
В не нами созданный уклад
Земли нетленной.
А вся земля белым-бела,
Роняют пух свой тополя,
И меж стволами,
Покинув брэнные дела,
Летают души и тела,
Шурша крылами.

* * *

Ветер клонит дерева.
Пробивается трава,
Пробиваются слова,
Точно из-под спуда.

Хоть и девственна трава,
Да затасканы слова
Про земное чудо.

Всё воспето до клочка,
До зелёного сучка,
Что колеблем птахой.

Что слова? Молчком живи,
Словом Бога не гневи,
Вешний воздух ртом лови
Да тихонько ахай.

* * *

Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть,
Что боязно шагнуть и скрипнуть половицей.
Зачем сквозь этот рай мой пролегает путь,
Коль не умею я всем этим насладиться.
Коль я несу в себе сумятицу, разлад,
Коль нет во мне конца и смуте и сомненью,
Сбегаю ли к реке, вхожу ли в тихий сад,
Где каждый стебелёк послушен дуновенью.
Вокруг меня покой, и детская рука
Привычно поутру мне обвивает шею.
Желаю лишь того, чтоб длилось так века.
Так почему я жить не мучась не умею?
И давит и гнетёт весь прежний путь людской
И горький опыт тех, кто жил до нас на свете,
И верить не даёт в раздолье и покой,
И в то, что мы с тобой избегнем муки эти,
И верить не даёт, что наша благодать
Надёжна и прочна и может длиться доле,
Что не решит судьба всё лучшее отнять
И не заставит вдруг оцепенеть от боли.

* * *

Не знаю. Не узнаю впредь,
Зачем живу на белом свете
И для чего мгновенья эти
Опять стремлюсь запечатлеть.

Неужто плачу и пою,
Приемлю и дары, и муки,
Чтобы однажды чьи-то руки
Перелистали жизнь мою?

* * *

Ты кто, смятенная душа,
И кто тебе велит скитаться
Средь лип и клёнов, и акаций,
Дорожным гравием шурша.

Велит без устали шептать
Невнятные чудные речи,
Ладонь незримую на плечи
Кладёт, ведя и вкось, и вспять.

Кто эту сладость, боль — бог весть —
Придумал для тебя, чтоб снова
Всего лишь немощное слово
Ты смог в итоге произнести,

Придумал вдохновенья дрожь.
Ведь то, что мнится мессой строгой,
Быть может, песенкой убогой
Спустя мгновенье назовёшь.

Но твой ещё восторжен лик,
И, может, суть всего явленья
Вот этот — то ли озаренья,
То ль помраченья краткий миг.

* * *

И от начала далеко.
И до конца еще далёко.
И ни предела, и ни срока,
И жить просторно и легко.

Голубизна и ширь, и высь,
И путь ничем не ограничен,
И шорох листьев с пеньем птичьим
В одну мелодию слились.

Держать бы в памяти всегда,
Что мир огромен и чудесен,
И эту лучшую из песен
В себе нести через года.

Держать в уме, что мир велик
И жизнь бездонна, хоть и шаток,
Неудержим, конечен, краток
Бездонной жизни каждый миг.

* * *

Да будет память справедливой —
Не даст забыть, как рдел над нивой
Минувшим летом алый мак;
Не даст забыть, как солнце рдело,
Как обо мне судьба радела
И подавала добрый знак;
Не даст забыть в кромешном мраке
Те польхающие маки —

И, долгой тьмы нарушив гнёт,
Любой из них, давно истлевший,
Вдруг нестерпимо заалевши,
На чёрный день мой свет прольёт.

* * *

Лететь, без устали скользить
По золотому коридору.
И путеводна в эту пору
Осенней паутины нить.
И путеводен луч скупой,
И путеводен лист летучий.
И так живётся, будто случай
Уже не властен над судьбой.
Принесена с лихвою дань
Страстям, превратностям, порывам.
И если держит терпеливо
Своих детей земная длань,
То, значит, существует час,
В который то должно свершиться,
Что превращает в лики лица
И над судьбой подьемлет нас.

* * *

Наступают сна неслышной
Снегопада времена —
Невесомые Всевышний
Густо сеет семена.
И кружится нам на зависть,
Не страшась судьбы своей,
Белый снег, едва касаясь
Крыш, заборов и ветвей;
И зовёт забыть усердые,
Пыл, отчаянье и страсть,
Между облаком и твердью
Тихо без вести пропасть.

1974

* * *

Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд
И проливных дождей, и льдом покрытых вод.
Ещё шуршать травой и увязать в снегах.
И безмятежно жить. И жить в бегах, в бегах.
Дремать под стук колёс. Шагать под песнь скворца.
И в общем хоре петь о том, что нет конца
Ни жизни, ни любви. И будет песнь звенеть,
Когда уж мы с тобой её не будем петь.

* * *

В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву
От родных берегов в неизвестность плыву,
В неизвестность плыву от родного крыльца,
От родных голосов, от родного лица.
В неизвестность лечу, хоть лететь не хочу,
И плотней к твоему прижимаюсь плечу.

Но лечу. Но иду. Что ни взмах, что ни шаг —
То невиданный свет, то невиданный мрак,
То невиданный взлёт, то невиданный крах.
Мне бы медленных дней на родных берегах,
На привычных кругах. Но с утра до утра,
Заставляя идти, дуют в спину ветра.

Сколько раз ещё свет поменяется с тьмой,
Чтобы гнать меня прочь от себя от самой.
Умоляю, на спаде последнего дня
Перед шагом последним оклихни меня.

* * *

Расклевала горстку дней.
Бог послал другую.
Души, коих нет родней,
Чутко стерегу я.
Только я никчёмный страж.
Нет в дозоре проку.
Не подвластна жизни блажь
Бдительному оку.
Над ребёнком, как всегда,
Тихо напеваю.
На счастливые года
Втайне уповаю.
И витает мой напев
Над младенцем сонным,
Растворяясь меж дерев
В мареве бездонном.

* * *

Непознаваемая вечность —
Есть мигів познанных конечность —
И на стекле зимы рисунки,
И на песке от ливня лунки,
И трепет бабочки в сачке,
Зажатом в детском кулачке,
И краткий вздох, и краткий шорох
На нескончаемых просторах.

* * *

Хоть рождён в иные лета
И для новых дел рождён,
К прошлым дням своей планеты
Ты навеки пригвождён.

Попирая землю в пору
Мирных вёсен, чистых зим,
Дышишь воздухом, в котором
Растворён Треблинки дым.

* * *

О жизнь, под говор голубиный
Веди меня в свои глубины,
Веди меня на свой простор,
Веди со мною разговор
Неиссякаемый и длинный,
Влеку в глухие тайники.
Благословляю всё живое —
Любое деревце кривое
И горизонт, и тупики,
И омуты, и родники,
Полёт, терзанье у развилки,
Биение височной жилки.
Не выпускай моей руки.
Хоть я всего лишь из мирян
И не пророк, и не предтеча,
Даруй и мне простые речи
Лесов и солнечных полей.
Ничем не стану донимать.
И лишь в одном моя гордыня —
Что жить хочу. Хочу, как ныне,
Во все века тебе внимать.

* * *

Dahin, dahin!..
И.В. Гёме

Легко дышать на вешнем сквозняке.
В набухших почках даже сук тщедушный.
И дни мои светлы и простодушны,
Как белые стволы в березняке.

Дахин, дахин, — твержу себе, — туда,
Где ранний луч сияет всё бесстрашной.
Не меряй завтра горечью вчерашней,
И всё дурное сгинет без следа,

Как льда остаток, что лучом согрет.
И оттого лишь на пути заминки,
Что, мять жалея, обхожу травинки,
Едва-едва увидевшие свет.

* * *

Просто быть травой, межой,
Снега белого щепотью.
Тяжко быть живою плотью
С уязвимою душой.

Белым облаком витал,
Был ты птичьей песней звонкой
До того, как стал ребенком,
До того, как плотью стал?

Как хочу я, как хочу,
Чтобы были все невзгоды
Нипочём тебе, как водам,
Ветру, воздуху, лучу.

* * *

Чем кончить и с чего начать,
И чем заполнить середину?
Заря иль полночь — всё едино,
На всём усталости печать.
Аз есмь... Но полно, что за вздор,
Когда ни страсти и ни рвения,
Ни пыла и ни вдохновенья
Лететь в распахнутый простор;
Когда ни ветка и ни луч
Не подают мне тайных знаков,
И каждый день мой одинаков —
Без бурь, без всплесков и без круч.

Аз есмь — когда благую весть
Несут в себе любые миги,
Когда сулят любые сдвиги
Лишь лучшее, чем то, что есть.
Ещё остался на губах
Вкус тех времён, совсем недавних,
Но наглухо закрыты ставни,
А там за ними крыльев взмах.
А там, в предугрненной тиши,
Витают песни зарева,
Но я ее не прозреваю
В потёмках собственной души.

* * *

Так хрупок день — сосуд скудельный.
И, бредя далью запредельной,
Летят по небу облака.
Хоть ощутима твердь пока,
Но ей отпущен срок недельный.
И с талым льдом сойдёт на нет
Всё то, под чем таятся хляби,
И будет вешней водной ряби
Неуловим и зыбок цвет.
По шалым водам поплывут
Жилища, изгороди, щепки
И облака невнятной лепки.
И распадётся наш уют.
И сгинут кровля и порог.
Взамен устойчивой опоры
Придут текучие просторы
Без верной меты, без дорог.

* * *

Покину землю, так и не объяв
Всего, что есть прекрасного на свете.
Быть может, донесёт однажды ветер
Шум дальних вод и шелест дальних трав.
Привычное улавливает слух.
Привычное окидываю взором.
Но если я тоскую по просторам,
То лишь по тем, где окрылённый дух
Поэта пребывал, когда с пера
Текла строка: «Пора, мой друг, пора...»

* * *

Было всё, что быть могло
И во что нельзя поверить.
И какой же мерой мерить
Истину, добро и зло?..

Кто бесстрашен — взаперти,
Кто на воле — страхом болен,
Хоть, казалось бы, и волен
Выбирать свои пути.

Свод бездонен голубой,
Но черны земли провалы,
Кратковременны привалы
Меж бездонностью любой.

Чёрных дыр не залатать.
Всяко было. Всё возможно.
Может, завтра в путь острожный —
Пыль дорожную глотать.

Мой сынок, родная плоть,
Черенок, пустивший корни
Рядом с этой бездной чёрной,
Да хранит тебя Господь

От загула палачей,
От пинков и душегубки,
От кровавой мясорубки
Жути газовых печей.

Ты прости меня, прости,
Что тебя на свет явила.
И какая может сила
В смутный час тебя спасти...

Эти мысли душу жгут,
Точно одурь, сон мой тяжкий.
А в твоём — цветут ромашки.
Пусть же век они цветут.

* * *

Жизнь до ужаса проста:
Свет — и снова угасанье,
Чуть заметное касанье
Облетевшего листа.

Ветер, буен и ретив,
Гонит ропщущее племя...
Задержаться б хоть на время,
Ствол руками обхватив.

СОН

Вне уз, вне пределов, вне времени, вне
Привычного. Чуждые тени в окне.
Чужие шаги в переулке горбатым,
В порту, на молу, освещённом закатом,
Невидящий взгляд незнакомых очей,
Неведомый смысл гортанных речей,
Чужое веселье, чужое молчанье
И вод густо-чёрных немое качанье,
И чуждые запахи тины и йода...
Свобода, — с тоской повторяю, — свобода...

* * *

Хоть трудны пути земные,
Нам неведомы иные.
Ничего иного нет.
Только здесь и тьма и свет.
Здесь и поле, и ложбина,
И отчизна, и чужбина.
Здесь и воздух. Здесь и твердь.
Здесь и вечность. Здесь и смерть.

* * *

А ветки сквозь осенний дым
Торчат, как рёбра у худышки,
По ветру пущены излишки,
И только остов невредим.
И света и тепла – в обрез.
И редкий дар – покой и воля.
И словеса не весят боле.
И время обретает вес.
И миг слетает, тих и нем,
Незримо на плечо садится,
Чтоб воплотить и воплотиться,
Переставая быть ничем,
Верней, переставая быть
Запасом времени, простором,
Далёкой далью – тем, что взором
Не угадать, не охватить.

1975

* * *

Казалось бы, всё мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождём промыто.
И всё же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, —
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.

* * *

Пойдём же под птичий неистовый гам
По синим кругам, по зелёным кругам.
Под шорох листвы и дождя воркотню
С любым из мгновений тебя породню.
Лишь из дому выйди со мной на заре,
Рукой проведи по намокшей коре,
Росою умойся — ты узнан, ты свой.
И путь твой покорною устлан травой.
Легко ли нам будет? Легко ль не легко,
Но эта дорога ведёт далеко,
Туда, где горят и сгорают дотла
И травы, и крона, что ныне светла,
И дальше, сквозь область костров и золы,
Туда, где снега, как забвенья, белы;

И дальше, туда, где, срываясь с кругов,
Над областью мороси, трав и снегов
Свободные души взлетают, чтоб впредь
И вечное слышать, и вечное зреть.

* * *

Пусть манна Божия была
Всего лишь видом тамариска,
И не по Божьей воле низко
Летали те перепела,
Не бил родник в горе Хорив
И не бывало броду в море —
Но есть и было: гнев и горе,
И озаренье, и порыв,
И вера в чудо. Мир наш пуст,
Бесцветен, если умирает
В нём вещей голос и сгорает
Таинственно горящий куст.

* * *

Жизнь моя — цветочный луг.
Под ногою стебли гнутся.
Жизнь моя — порочный круг,
Неспособный разомкнуться.
Жизнь моя светла, длинна —
Сто дорог шагами меряй.
Жизнь моя — порог, стена,
Заколоченные двери.
Гнёт и праздник — жизнь моя.
Дар и гнёт. И небосвода
Моего светлы края
В час заката и восхода.

* * *

На заре и на закате
Хлопочу вокруг дитяти.
Такова моя стезя,
И с неё сойти нельзя.
Разноцветными лужками
Ходим мелкими шажками.
И когда земля бела,
Длится та же кабала.
Кабала ли, рай ли Божий,
Только ты меня стреножил.
И теперь, моё дитя,
Тают дни, как снег летя.
Для тебя я свет добуду,
Даже если темень всюду.
Можно ль думать о конце
При лепечущем птенце?

Можно ль думать об упадке,
Если рядом жизнь в зачатке?
День, как школьная тетрадь,
Разлинованная гладь.
В сети поймана с рассвета,
И такого часа нету,
Чтоб свою святую сеть
В одиночестве воспеть.

ЗАКЛИНАНИЕ

Земля бела. И купола
Белы под белыми снегами.
Что может приключиться с нами? —
Чисты и мысли и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван белым светом,
Где меж запылённых веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рождённое дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте, где зачатъе —
Единственный и светлый грех.

* * *

Обобщаем, обобщаем.
Всё, что было, упрощаем.
Хладнокровно освещаем
Века прошлого грехи.

И события тасуя,
Имена тревожим всуе.
Нам история рисует
Только общие штрихи.

Суть, причина, вывод, веха.
А подробности – помеха.
Из глубин доносит эхо
Только самый звучный слог.

Лишь любитель близорукий,
Том старинный взявши в руки,
Отголоски давней муки
Обнаружит между строк.

А детали, оговорки,
Подоплёка и задворки,
Потайная жизнь подкорки —
Роскошь нынешних времён,

Принадлежность дней текущих,
Привилегия живущих,
Принадлежность крест несущих
Ныне страждущих племён.

Это нам, покуда живы,
Смаковать пути извивы
И оттенки нашей нивы.
А потомки, взявши труд

Оценить эпоху в целом,
Век, где мы душой и телом,
Чёрной ямой иль пробелом,
Может статья, назовут.

* * *

Тлело. Вспыхивало. Гасло.
Подливали снова масло.
Полыхало пламя вновь.
Полыхают в душах властно
Гнев и вера, и любовь.
На просторах ветры дуют —
Тут погасят, там раздуют,
Дуют, пламя теребя.
И живут сердца, враждую,
Негодую и любя.
Боже правый, сколько пыла
Израсходовано было
И во благо и во зло.
И давно зола остыла,
Ветром пепел унесло,
Время скрыло в домовину,
И о том уж нет помину.
Но не дремлют Бог и бес:
Снова свет сошелся клином,
Снова пламя до небес.

* * *

Какие были виды
В садах Семирамиды!
Какие пирамиды
Умел воздвигнуть раб!
Какой владеем речью!
Но племя человечье
Всегда венчало сечей
Любой земной этап.
И то, что возвышалось,
Со страстью разрушалось,
С землёю кровь мешалась.
Была бы благодать,
Когда б с таким усердьем
Учили милосердью,
С каким на этой тверди
Учили убивать,
Под кличи боевые
Вставать живым на вью,
Кромсать тела живые.
Зачем ранима плоть? —
Нелепая уступка
Вселенской мясорубке,
Которой и не хрупких
Под силу размолоть.

* * *

От жажды умираю над ручьём...

Франсуа Вийон

Научи меня простому —
Дома радоваться дому,
Средь полей любить простор,
И тропу, какой ведома
По низинам, в гору, с гор.

Но кого прошу? Ведь каждый,
Может статься, так же страждет.
Что ж прошу я и о чём,
Если ближний мой от жажды
Умирает над ручьём?

* * *

Творились дивные дела:
На свете яблоня цвела.
Затем, венчая вечный круг,
Звучал созревших яблок стук.

Венчая круг, кончая кон,
Менялся цвет осенних крон.
О, быть бы в силах, как листва,
Жить по законам естества —

Прошелестеть и точно в срок
Слететь бесшумно, как листок,
Того не зная, что летим
И этот путь необратим.

* * *

А там, где нет меня давно,
Цветут сады, грохочут грозы,
Летают зоркие стрекозы
И светлых рек прозрачно дно;
И чья-то смуглая рука
Ласкает тоненькие плечи.
Там чей-то рай, там чьи-то встречи.
О юность, как ты далека!
Вернуться в твой цветущий сад
Могу лишь гостем, чтоб в сторонке
Стоять и слушать щебет звонкий
И улыбаться невпопад.

* * *

Но дали свет. И высветили всё.
И там, где тени робкие скользили
И таяли, видна лишь горстка пыли,
Которую по ветру унесёт.

Где жили блики и полутона,
Где было всё оттенком и намёком,
И тайною, — там нынче перед оком
Белёсая и плоская стена.

Проставлены все точки до одной.
Всё понято буквально и дословно
При свете немигающем и ровном,
Спугнувшем тайну с плоскости земной.

* * *

Пела горлица лесная.
Над костром струился дым.
Сладко жить, цены не зная
Дням просторным, золотым;

Жить, как должное приемля,
Что ласкают небеса
Невесомой дланью землю,
Горы, доли и леса.

Сладко жить... И всё же слаще,
Будь ты молод или стар,
Каждый луч и лист летящий
Принимать как редкий дар.

* * *

За концом, пределом, краем,
За чертой, где умираем,
Простираются края,
Протекает жизнь земная,
Тропы новые вия.
Годы, скрытые от взгляда,
Станут чьим-то листопадом,
Чьей-то болью и тщетою,
Чьим-то домом с тихим садом,
Чьей-то памятью святой.
И таит земное лоно
Лета будущего крону,
Вёсен будущих траву,
Лист, которого не трону,
Плод, который не сорву.

* * *

О, были б эти сны и бденья
Лишь пробой голоса и зренья,
Лишь пробой кисти и пера,
Когда лишь робкой светотени
Идёт бесшумная игра.
Ещё не дали ходу драме.
Оркестр в оркестровой яме
Ещё играет вразнобой,
И нету связи меж мирами,
Грядущим, прошлым и тобой;
Ещё не вышел в полумраке
Маэстро в дирижёрском фраке,
Чтоб в наступившей тишине
Нам показать безмолвным знаком,
Что мы с судьбой наедине.

* * *

Когда звучала сонатина,
Казалось, в мире всё едино
И нет начала и конца —
Лишь золотая середина.
Слетали звуки, как пыльца
Летит весной с ветвей ольховых.
И таял звук, рождая новый,
Неповторимый. И финал
Казался не прощальным зовом,
А провозвестником начал.

Так, силой звуков, тоник, пауз
Был побеждён вселенский хаос,
Всё, что веками намело,
Всё, от чего душа спасалась,
Стремясь укрыться под крыло.
Так победил однажды гений.
И всё же плод его борений,
Его прозренья сладкий плод
Нас не избавит от мучений,
От тяжких бдений не спасёт.
Прозренье Моцарта и Грига
Нам не поможет сбросить ига.
И чтобы озарился путь,
Должны мы собственную лигу
От мига к мигу протянуть.

* * *

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.

Но отныне на века —
Жить на тверди, небу внемя,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.

* * *

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки —
Миражные труды невидимых подёнок?
Спасение моё — живая плоть, ребёнок.
Дитя моё — моих сумятиц оправданье.
Осмысленно ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя — труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной,
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

* * *

Ещё и нет в черновиках
Того, что будет жить в веках.
Но есть огонь, вода, и трубы,
И трубный глас, и окрик грубый,
Всё, от чего горят дотла
Или парят, раскрыв крыла.

* * *

Наверно, нехитра наука
Для смертного придумать муку:
Так много точек болевых.
Но нынче о дурном — ни звука.
Мне жизнь протягивает руку
С букетом маков полевых.

И я уже забыть готова,
Как беды сыпались на Йова,
Чей нрав и кроток был, и тих,
Готова верить в прочность крова,
В прозрачность бытия земного,
В неузвимость чад своих...
О, человек, живой, живучий,
Как ни терзай его, ни мучай,
Пиная, взаперти гноя,
Едва разгонит ветер тучи
И луч мелькнёт во тьме тягучей,
С надеждой шепчет: «Жизнь моя...»

* * *

Казалось мне, я песнь пою
Про счастье и про боль свою,
Про маету и душ и тел, —
А это дождик шелестел.
Казалось, песнь моя нова, —
А это пели дерева.
Казалось, в песне всхлип и стон, —
А это был лишь лепет крон...
Гремели дальние грома,
И только я была нема.

* * *

Какое странное желанье —
Цветка любого знать названье,
Знать имя птицы, что поёт.
Как будто бы такое знанье
Постичь поможет мирозданье
И назначение твоё.

Не всё ль равно, полынь или мята
На той тропе ногой примята,
Не всё ль равно? В одном лишь суть —
Как сберегаем то, что свято,
Когда с заката до заката
Незримый совершаем путь.

Не всё ль равно, гвоздика, льнянка
Растут в пыли у полустанка,
Где твой состав прогромычал?
В одном лишь суть — с лица ль, с изнанки
Увиден мир, где полустанки,
Гвоздики и полоски шпал.

Не всё ль равно?.. И всё же, всё же
Прозрачен мир и не безбожен,
И путь не безнадёжен твой,
Коль над тобою сень серёжек
И травы вдоль твоих дорожек
Зовутся «мятлик луговой».

* * *

На планете беспредельной
Два окошка над котельной.
Это — дом давнишний мой.
В доме том жила ребёнком.
Помню ромбы на клеёнке.
Помню скатерть с бахромой.

Скинув валики с дивана,
Спать укладывали рано.
И в умолкнувшем дому
Где-то мыслями витала
И в косички заплетала
На скатёрке бахрому.

Мне казались раем сущим
Гобеленовые кущи —
Пруд, кувшинки, камыши,
Где, изъеденные молью,
Меж кувшинок на приволье
Плыли лебеди в тиши.

Стало пылью, прахом, тленом
То, что было гобеленом
С лебедями. Но смотри —
По стеклу стучат ладошки.
А войдёшь — стоят галошки
С байкой розовой внутри.

* * *

Мир ловил меня, но не поймал...
Григорий Сковорода

Мир ловил и поймал меня в сети.
И не сети ли — малые дети?
И не сети ли, и не тенёта —
О ранимых и малых забота?
Я навеки от мира завишу.
И, латая без усталы крышу,
Безмятежной не зная минуты,
Всё ж люблю драгоценные пути.
И судьба, мне как будто мирволя,
Из тенёт не пускает на волю,
На простор, в беспредельность, в бездонность,
В неприкаянность, в опустошённость.

* * *

О разнотравье, разноцветье.
Лови их солнечною сетью
Иль дождевой — богат улов.
А я ловлю их в сети слов —
И потому неуловимы
Они и проплывают мимо.
И снова сеть моя пуста —
В ней ни травинки, ни листа.
А я хотела, чтоб и в стужу
Кружило всё, что нынче кружит,
Чтобы навеки был со мной
Меня пленивший миг земной;

Чтобы июньский луч небесный,
Запутавшись в сети словесной,
Светил, горяч и негасим,
В глухую пору долгих зим;
Чтоб всё, что нынче зримо, зряче,
Что нынче и поёт, и плачет,
А завтра порастёт бильём,
Осталось жить в стихе моём.

1976

* * *

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем
И добротный строим дом,
И рожаем в доме том.
И цветёт над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пеленки кружевной.

* * *

Так память коротка.
Так сладостно забвеньё.
Жизнь кратче дуновенья,
Мгновеннее глотка.
Что было здесь до нас,
Мы знаем только вкратце.
Нам заросли акаций
Ласкают нынче глаз.
А тех, чья кровь лилась,
Кого сажали на кол,
Предшественник оплакал.
И с ним слабеет связь...
Наверно, в том и суть,
Затем и сроки кратки,
Чтоб не было оглядки
На слишком долгий путь.
Еще два-три витка —
И мы сойдём со сцены.
И пустят за бесценок
Наш опыт с молотка,
Чтоб жить своим умом
И, пережив кануны,
Опять глядеть на юных
В отчаянье немом.
А время бьёт отбой
И топит очевидца.
И вновь дитя родится
Под сенью голубой.

И на земных кругах
Опять живётся сносно.
Речная гладь и сосны
Всего в пяти шагах.

* * *

Жить не тяжело дурочке —
Собирает чурочки,
В беспорядке пряди,
Тишина во взгляде, —
Собирает чурочки
Для своей печурочки.
Погоди, послушай,
Твой очаг разрушен.
Погляди, блаженная,
На останки бранные —
Лишь поёт негромко,
Вороша обломки.

* * *

Наверно, на птичьих правах
Живётся легко и привольно:
Расстаться с птенцами не больно
И дом на любых островах.
А наш изнурителен быт,
Оседлая жизнь трудоёмка.
И что ни излука — то ломка,
А ломка разлуку сулит.
Иметь бы такие права,
Усвоить бы птичьи повадки,
Чтоб так же летать без оглядки
И петь «трын-трава, трын-трава».
Но мне говорят — не о том
Поют эти вольные птахи,
И вечно живут они в страхе
За временно слепленный дом.

* * *

Диаспора. Рассеянье.
Чужого ветра веянье.
На чуждой тверди трещина.
Чьим богом нам завещано
Своими делать нуждами
Дела народа чуждого
И жить у человечества
В гостях, забыв отечество?
Мне речки эти сонные
Роднее, чем исконные.
И коль живу обидами,
То не земли Давидовой.

Ростовские. Тулонские.
Мы — толпы Вавилонские,
Чужие, многоликие,
Давно разноязыкие.
И нет конца кружению.
И лишь уничтожение
Сводило нас в единую
Полоску дыма длинную.
Но вечно ветра веянье
И всех дымов рассеянье.

* * *

Шито белыми нитками наше житьё.
Посмотри же на странное это шитьё:
Белой ниткой прошиты ночные часы,
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дёргая нить.
Шито всё на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдётся по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад,
Но сегодня тишайший густой снегопад.
Белоснежные нитки попытке отсрочить разор,
В драгоценной попытке отсрочить разор,
Всё земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

* * *

Мне земных деяний суть
Кто-то мудрый толковал.
Но расслышать что-нибудь
Мир гудящий не давал.
И когда слетали с губ
Драгоценные слова,
Завывали сотни труб,
Скрежетали жернова.
Я ждала: наступят дни
Тишины. Но в тишине
Только шорохи одни
Оказались внятны мне.

* * *

Туда. За той цветущей веткой,
За тем лучом, за серой сеткой
Того дождя, за той листвой —
Неповторимый праздник мой.
Там благодать. И в том далёко
Прозрачна даже подоплёка,
Там ни оглядки, ни оков,
Ни страха, ни обиняков.
Туда. Но вдруг услышу: «Хватит.
Какой ты ищешь благодати?
И лист шершавый под рукой
Есть благодать. Не жди другой».

* * *

Пишу — ни строчки на листе.
Рисую — пусто на холсте.
И плачу, не пролив слезы
Под небом цвета бирюзы.
Мой белый день — дыра, пробел.
Мой добрый гений оробел
И отступился от меня,
И жутко мне средь бела дня.
Пробел... А может, брешь, пролом,
Просвет, явивший окоём,
Счастливый лаз в глухой стене,
И добрый гений внемлет мне?

* * *

Заварила целебную травку.
Дело сразу пошло на поправку.
Так стремительно мне полегчало,
А вчера ещё на крик кричала.
На душе ни рубцов и ни вмятин,
И целебный настой ароматен.
С каждой каплею жизнь моя краше.
До конца бы испить эту чашу,
Не пролив и не звякнув о блюдце,
Чтоб от звука того не проснуться.

ОРФЕЙ

Не оглянись. Иди вперед.
Всего лишь тень тебя зовёт,
Твоей любимой призрак, дух.
Не оглянись. Будь нем и глух.
Коль хочешь к жизни тень вернуть,
Будь нем и глух весь долгий путь
Из тьмы на свет. И прежний вид
Ей на земле вернет Аид.
Но за спиной и стон и плач.
И если ты не глух и зряч,
Не оглянуться нету сил.
Несчастный, кто тебя просил
Умерших жизнью искушать,
Уклад исконный нарушать,
Тревожить вечности покой,
Тянуться к вечности рукой.
Осталась тень среди теней.
Ступай к живым. И плачь по ней.

* * *

Всё переплавится. Всё переплавится.
В облике новом когда-нибудь явится.
Нету кончины. Не верь в одиночество.
Верь только в сладкое это пророчество.
Тот, кто был другом единственным преданным,
Явится снова в обличье неведомом —
Веткой ли, строчкой. И с новой силой
Будет шептать тебе: «Милая, милая...»

* * *

Станет темою сонатной
Этот полдень благодатный,
Встреч и проводов нюансы
Превратятся в стансы, стансы,
И картиною пастозной
Станет этот плач бесслёзный.
Но родился ты в сорочке,
Коль твои штрихи и строчки,
Краски, паузы и звуки
Станут вновь тоской и мукой,
Небом, талою водою,
Светом, счастьем и бедою.

* * *

А вместо благодати — намёк на благодать,
На всё, чем вряд ли смертный способен обладать.
О, скольких за собою увлёл ещё до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведёшь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю — и над бездной ты не подашь руки.
Хоть знаю — только этот почти неслышный глас —
Единственная радость, какая есть у нас.

* * *

Безымянные дни. Безымянные годы.
Безымянная твердь. Безымянные воды.
Бесконечно иду и холмом, и долиной
По единой земле, по земле неделимой,
Где ни дат, ни эпох, ни черты, ни границы,
Лишь дыханье на вдох и на выдох дробится.

Земля и дом
1977–1985

* * *

*А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, – говорят в ответ, –
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, – говорят устало, –
Что ни отдай, всё будет мало.*

1977

* * *

В час небесного обвала
Всё, чего недоставало,
Вдруг польётся через край.
День обычный, догорай.
Завтра облачную лавой
Станет этот путь шершавый
И затопят облака
Эту землю. И рука
Тронет то, что только око
Смело тронуть. И «далёко» —
Испарится, только «здесь»
Нам оставив. Только днесь,
А не после и не где-то, —
Будет здесь избыток света.
Будут звёзды и лучи;
И от райских врат ключи
Не нужны. Седьмое небо
Станет явственнее хлеба.
И на уровне ключиц
Будут крылья райских птиц.
И пройдёт томленье духа
Среди облачного пуха...
Но потянется рука
Отодвинуть облака,
Чтоб оставить хоть полшага
До немислимого блага.

* * *

У тебя прошу прощенья
За такое обращенье.
Обращаюсь я с тобой,
Как с полоской голубой.
Невозможно в дружбе тесной
Быть с полоскою небесной.
Можно только днесь и впредь
Чуть сощурившись глядеть
На полоску ту, что манит
И ничем потом не станет,
Лишь растает и опять
Возродится, чтоб сиять,
Удаляясь и гранича
С перелётной стаей птичьей.

* * *

Да будет душа терпеливой и кроткой.
А память короткой. А память короткой.
Разумно ль упорство? Ведь жизнь прихотлива —
Приливы. Отливы. Приливы. Отливы.
Разумна ль горячность? Ломающим копыя
Скажу я — не лучше ли снежные хлопья
Ловить на ладонь, — безмятежная шалость.
И надо всего лишь, чтоб вольно дышалось.
Всего лишь. Всего лишь. Всего лишь. Всего-го.
Но вечна на плоскости тень эшафота.
И нету на свете желанья крамольней,
Чем чтобы жилось и дышалось привольней.
И наитишайший прослыл непокорным —
Звал белое белым, а чёрное чёрным.

* * *

Поблажки, сплошные поблажки —
Ромашки да певчие пташки,
Чьё пение витиевато
В тревожное время заката.
Сия благодатная доля —
Всевышнего добрая воля.
Потворствуй, — шепчу я, — потворствуй.
Не стану ни дерзкой, ни чёрствой,
Не стану небесные пашни
Взрыхлять вавилонскою башней.
И даже коль худо и тяжко,
Я знаю — и это поблажка,
Поскольку не гибель, не дыба.
Спасибо, — шепчу я, — спасибо.

* * *

Всё в воздухе висит.
Фундамент — небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Всё в воздухе: окно
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарёй.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землёй.

* * *

Этих дней белоснежная кипа...
В перспективе – цветущая липа,
Свет и ливень. Не диво ль, не диво,
Что жива на земле перспектива?
С каждым шагом становятся гуще
Чудо-заросли вишни цветущей,
Птичьи трели слышнее, слышнее,
А идти все страшнее, страшнее.
Ведь осталась любовь неземная
За пределами этого рая.

* * *

Когда любовь перегорала,
Когда из многих тем хорала
Звучали только зов и стон,
Любовь от смерти спас канон.
Был глас любви от муки ломок,
Но был канон и твёрд и ёмок.
И тема, много претерпев,
Преобразилась в тот напев,
Который всё в себя вбирает
И никогда не умирает,
Куда бы рок его ни гнал.
И потому лишь был финал,
Что от восторга, слёз иль пыла,
Но горло вдруг перехватило.

* * *

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До Страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Всё нипочём — огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

* * *

Когда тону и падаю, не видя дня другого,
Хватаюсь за соломинку — за призрачное слово.
Шепчу слова, пишу слова то слитно, то отдельно,
Как будто всё, что названо, уже и не смертельно;
Как будто всё, обретшее словесное обличье, —
Уже и не страдание, а сказочка и притча.
И я спасусь не манною, летящей легче пуха,
А тем, что несказанное поведать хватит духу.

* * *

А я живу отсель досель,
Шажок — забор, полшага — ель,
Полшага — дом, полшага — клён.
Лишь до него мой путь продлён.
А дальше — глухо. В той глуши,
Быть может, реки хороши.
Но что мне дивная река,
Коль мне нужна твоя рука,
А до неё — века, года —
Не дотянуться никогда.

* * *

Спасут ли молитва и крестик нательный
В любви безысходной, в болезни смертельной?
И светит своей белизною больница,
И светит свиданье, какому не сбыться.
И светит чужое окошко в ненастье.
Приди же хоть кто-нибудь! Свет этот засти.

* * *

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.

Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул — она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул — она поёт,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролёт.

* * *

И звал меня. И вёл. Но вдруг он отнял руку,
И всё оборвалось. Ни шороха, ни звука.
Ты где, мой поводырь, мой пылкий провожатый?
Меж небом и землёй я намертво зажата.
А впрочем, что роптать? Бессмысленны упрёки.
Старательно учу печальные уроки.
О том, что жизнь блажна и не даёт расписки,
И коль ушел в туман единственный и близкий,
То так тому и быть. И жди любого крена.
И что-нибудь ещё родит морская пена.
И что-нибудь ещё взойдёт на фоне синем.
И будет так всегда. Всегда, пока не сгинем.

* * *

О время, время-врачеватель,
Единственный увещеватель,
Спаси, помилуй, излечи,
Не дай совсем пропасть в ночи.
Уже земля неразличима,
И, кажется, ступаю мимо.
И снег, как на болячку соль,
Ложится, причиняя боль.
Врачуй же, время. Пусть не скоро,
Но всё же сделай эту пору,
Когда и саднит, и болит,
Далёкой, как палеолит.

* * *

Тут ничем не помочь. Всё не так и не то.
Всё впустую, как ливень ловить в решето.
Лучше ливня струёй, чьи мгновенья лихи,
Промелькнуть и разбиться о ветку ольхи...

* * *

Все спасёмся как-нибудь.
Доживём до дня другого.
Жизнь шепнёт благое слово —
То ли «веруй», то ль «забуди»;

Тронет веткой за рукав,
Ляжет каплею в ладони,
Прощебечет где-то в кроне,
Прострекочет в гуще трав,
Птичьей песенкой любой,
Каждым слабым шевеленьем
Намекая на продленье,
Увлекая за собой.

* * *

Что невозможно повторить,
То остаётся подарить
Небытию, пространству, тучам.
И всё-таки на всякий случай
Деревьев солнечную сень
Храню в душе про чёрный день,
Хоть понимаю: память — сито.
И даже если не забыто
Всё лучшее, но черноту
Рассеять мне неволю
Вчерашней солнечную сенью.
И снова жажду подтвержденья
Тому, что стоит жить. И дню
Тот миг, когда ты мне «люблю»
Сказал. Но сгинул миг летучий.
Скажи опять. Скажи. Не мучай.

* * *

Забывать. Забыть. Забыть...
Землей, золой, травой
Минувшее закрыть,
Засыпать голос твой.
И верить: твёрд покров.
Но, на него ступив,
Сорваться в гулкий ров,
Где каждый вздох твой жив.
И вниз лететь, как ввысь,
И, страшный путь любя,
Понять, что не спастись
Вовеки от тебя.

* * *

И снова стала погорельцем.
И над обуглившимся тельцем
Всего, что не смогла спасти,
Склоняюсь и шепчу: «Прости.
Прости, что среди руин и дыма
Я снова жизнью одержима».

* * *

Не мы, а воздух между нами,
Не ствол — просветы меж стволами,
И не слова — меж ними вдох —
Содержат тайну и подвох.
Живут в пробелах и пустотах
Никем не сыгранные ноты.
И за пределами штриха

Жизнь непрерывна и тиха:
Ни линий взбалмошных, ни гула —
Пробелы, пропуски, прогулы.
О мир, грешны твои тела,
Порой черны твои дела.
Хоть между строк, хоть между делом
Будь тихим-тихим, белым-белым...

* * *

Этот сладостный недуг,
Это вечное стремленье
Обладать лучом и тенью
И принять в ладони звук.

Хрупок звук, пуглива тишь.
Не постичь твоих созвучий.
Жизнь моя, томя и муча,
Для чего ты так звучишь?

Для чего твои цвета,
Переливы, звоны, краски,
Коли вовсе нет развязки,
Лишь томленья маета,

Лишь прерывистость речей,
Бренных маков полыханье,
Хрупкой бабочки дыханье
И скольжение лучей?

* * *

О Боже, всё звучит. Всё требует огласки.
И птицы напрягли голосовые связки.
И вынесла на свет, журча, вода-болтунья
Всё то, что в тайниках хранилось накануне.
Слияние лучей и многих вод слиянье,
Слиянье слёз и слов и душеизлиянье.
При ярком свете дня поют, кому что любо,
И лишь одну меня не слушаются губы.

* * *

Всё лето шёл зелёный ливень.
И был он тих и непрерывен.
Густые ветви до земли,
Как струи длинные, текли.
И дули ветры, их колебля.
Текла трава, стекали стебли,
Текли и не могли утечь,
Текли, касаясь наших плеч
И щиколоток, и коленей...
Мильон таких прикосновений
Переживёшь за жизнь свою,
Не ведая, что ты в раю,
И ожидая, ожидая
Других чудес, другого рая.

* * *

Себе клялась: ещё приду
На эту светлую грядку,
Ещё вернусь на эту речку.
Храни, судьба, мою насечку.
И вот вернулась к той реке,
К тому холму и к той строке,
Которая звучала сладко
И где лежит моя закладка.
И, Боже мой, строка бедна,
Река мутна — не видно дна,
И не пленяет запах мятный,
И бесполезен путь обратный.
Есть путь один — ведущий вдаль.
И как минувшего ни жаль,
Покуда жив — навеки предан
Пути, который неизведан.
И не вернуть вчерашних нас.
И что вчера ласкало глаз,
Сегодня только сколок жалкий.
Но миги, миги, как русалки, —
И каждый манит и зовёт;
И плачу я, плывя вперёд,
И знаю — нет в возврате проку,
И всё ж боюсь уплыть далёко,
И слышу я: «Вернись, вернись», —
И вторят зову даль и высь.

* * *

Ещё немного всё сместится:
Правее луч, южнее птица, —
И станет явственнее крен,
И книга поползёт с колен.
Сместится взгляд, сместятся строчки,
И всё сойдёт с привычной точки,
И окажусь я под углом
К тому, что есть мой путь и дом,
К тому, что есть судьба и вежа.
Как между голосом и эхом,
Так между мною и судьбой
Возникнет воздух голубой,
Мгновенье тихое, зиянье,
Пугающее расстоянье.
И тех, с кем жизнь текла сия,
Едва коснётся тень моя.

1978

* * *

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,

Освобождает — грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

* * *

И этот дар, и это зло
Случайным ветром занесло.
И вечно в воздухе витало
Всё, что моим на время стало.
Что было дивным сном моим,
Приснится завтра тем двоим.
И зло и благо — всё крылато:
Пришло с зарёй, уйдёт с закатом
Ещё куда-то. И при чём
Здесь фатум, если обречён
И на любовь, и на утрату
Любви. И это не расплата,
Не Божий перст, не знак, не рок —
А ветер, воздуха поток.

* * *

Куда бежать? Как быть? О Боже,
Бушует влажная листва.
И лишь не помнящих родства
Соседство с нею не тревожит.
Её разброд, метанье, дрожь
И шелестенье, шелестенье:
«Ты помнишь, помнишь? Сном и бдением
Ты связан с прошлым. Не уйдёшь.
Ты помнишь?»
Помню. Отпусти.
Не причитай. Не плачь над ухом.
Хочу туда, где тесно, глухо,
Темно, как в люльке, как в горсти,
Где не беснуются ветра,
Душа не бродит лунатично,
А мирно спит, как спят обычно
Под шорох ливня в пять утра.

* * *

Осенний ветер гонит лист и ствол качает.
Не полегчало коль ещё, то полегчает.
Вот только птица пролетит и ствол качнется,
И полегчает наконец, душа очнётся.
Душа очнётся наконец, и боль отпустит.
И станет слышен вещий глас в древесном хрусте
И в шелестении листвы. Под этой сенью
Не на погибель всё дано, а во спасенье.

* * *

Экспонат расклеился,
Выбыл, расслоился,
По ветру рассеялся,
С радугой слился
И со звёздной россыпью,
Бросив тот гербарий,
В коем был он особью
И одной из тварей,
Наделённой обликом,
Именем и датой...
Слился с тихим облаком
И плывёт куда-то.
Путь его не вымерен
И не наказуем,
И никем не выверен,
И не предскажем.
Ход причинно-следственный
Для него не верен.
Жёсткий код наследственный
Навсегда потерян.
Он нигде не значитяся,
Вихрь коловращений —
Полная невнятица
Вольных превращений.
Больше он не мается
И не ждёт развязки,
И не домогается
Ни любви, ни ласки.

* * *

Пустоте, черноте, уходящим годам
Из того, чем жива, ничего не отдам —
Повторяю и слёз не умею унять,
И теряю опять, и теряю опять.
А сегодня ни слёз и ни слов, только дрожь.
Отпущу — и уйдёшь, отпущу — и уйдёшь.
Отпущу — и уйдёшь, и уйдёт, и уйдём.
И незыблем и вечен один окоём,
Остальное — лишь облака зыбкий овал.
И живём, как плывём. Каждый так уплывал,
Вечно что-то своё прижимая к груди,
Заклиная: «Постой, погоди, погоди».

ВЗЛЁТНОЕ

Уложите в сжатый срок,
В трое суток, в восемь строк,
В сто часов, в четыре ночи,
Коли срок ещё короче,
Уложите и тогда.
Нажитое за года
Сокрушайте, рвите, жгите,
Обрывайте связи, нити,
Узы, письма — всё долой.
Всё бывшее — стань золой.
Только с грузом портативным
Путь открыт к просторам дивным.
При себе ручная кладь,
Больше нечего терять.

Лёгкий взмах, усекновенье
Предпоследнего мгновенья —
И с обугленной душой
Улетайте в мир большой.

* * *

Пощади чужие души.
Пощади чужие уши.
Поиграй лишь сам себе
Потихоньку на губе.
Блим да блим — звучит неплохо.
Блим — и пауза для вдоха.
Покивай, как старый жид,
Повздыхай: мол, жизнь блажит.
Хороши её подарки:
То любовь — объятья жарки,
То разлука — хлад и лёд.
Кто блажную разберёт?
А утрата — дырка, яма.
И в неё летит упрямо
Всё, что хочешь удержать.
Надоело провожать,
Прижимать, прощаясь, к сердцу,
Прикрывать навеки дверцу,
И шептать: «Прощай, прости»,
Хоть бы дух перевести.
Посидеть тихонько дома,
Где живут печаль и дрёма,
И потренькать на губе
Только стенам и себе.

* * *

Без обложки, без первых страниц,
Прямо с зова «Останься, Ядвига!»
Начинается старая книга,
Где десяток неведомых лиц
Существует неведомо где,
В неизвестно какую эпоху,
И вольготно, и сладко, и плохо —
То есть так, как всегда и везде.
И не нужно начальных страниц.
Пусть же драма идёт с середины.
Не бывает исходной години.
Не бывает предельных границ.
И в неведомой точке земной,
На постылых кремнистых широтах,
Вечно маются, вечно кого-то
Заклинают: «Останься со мной».
«Не покинь меня» — зов и мольба.
«Не покинь, не покинь, ради Бога...»
Без начала и без эпилога
Эта книга, дорога, судьба.

* * *

Всё как будто не фатально —
Впереди монументальный,
Впереди заветный труд,
А пока лишь моментальный
Неоконченный этюд.
Поиск фона, поиск тона

Для земли и небосклона,
Для деревьев и травы,
Поиск нужного наклона
Непокорной головы,
А пока набросок, проба,
Вариант — и так до гроба.
Ярче верх, темнее низ.
Годы жара и озноба,
А в итоге лишь эскиз,
Лишь этюд, дороги нитка,
Некто, нечто, дом, калитка,
Сад, готовый отцвести, —
Бесконечная попытка
Скоротечное спасти.

1979

* * *

Хоть кол на голове теши —
Всё улыбаешься в тиши.
Тебе — жестокие уроки,
А ты — рифмованные строки,
А ты — из глубины души
Про то, как дивно хороши
Прогулки эти меж кустами
Ольхи. Твоими бы устами...

* * *

Из дома выносили мебель.
Качалось зеркало. И в небе
Зеркальном плыли облака.
Носили мебель, и рука
Невольно дрогнула. Качнулось
Земное бытие. Очнулась
Душа и тихо поплыла
Из тех пределов, где была.
И с нею вместе всё поплыло.
И ни пристанища, ни тыла —
Лишь хрупких сонмище зеркал.
Но не свободы ли алкал?
Так слушай жизни голос ломкий,
Бесстрашно двигаясь по кромке
Надежды, радости, пути,
Не чая выжить и дойти.

* * *

Живи, младенческое «вдруг»,
Уже почти замкнулся круг,
Уж две минуты до конца,
И вдруг — карета у крыльца.
И вдруг — среди чащи светлый луг.
И вдруг — вдали волшебный звук.
И вдруг — жар-птица, дед с клюкой,
Края с молочной рекой.
Уходит почва из-под ног,
Ни на одной из трёх дорог
Спасенья нету, как ни рвись.
Но вдруг, откуда ни возмись...

* * *

Наверно, так и будет длиться:
В руках моих всегда синица,
А чудо-птица в облаках.
Синица малая в руках
Сидит, тиха и желтогруда,
А в облаках — химера, чудо,
Недостижимых крыл размах
В неспостижимых закромах,
И жизнь моя на грани краха...
Но вот малюсенькая птаха,
Которая жила в руке,
Вдруг оказалась вдалеке
И стала чудом, необылицей,
Загадочной далёкой птицей, —
И уплыла, и уплыла,
Расправив дивных два крыла.

* * *

М. А.

Сплошная непогодь и хмарь,
Дождя постылая осада,
И развезло дорожки сада.
«Июль» – толкует календарь.
Поверь, попробуй. Хмарь да грязь,
Густая сетка перед взором.
Настырный дождь, беря измором,
«Сдавайся», – шепчет. И сдалась,
И покорилась, и люблю
Дождя докучливого шорох
И небо серое в зазорах
Деревьев. И не тороплю
Ни дождь, ни время. Тусклым днём
Во славу пасмурного лета
Я ставлю влажные букеты
Перед распахнутым окном.

* * *

Всё происходит наяву,
Иль только памятью живу
Об этих днях – сама не знаю.
Живу, как будто вспоминаю
В каком-то горестном «потом»
И этот сад, и этот дом,
На окнах влажные дорожки,
На лепестках росинок брошки,
Листок, налипший на стекло.
И будто вовсе истекло
Едва начавшееся лето.

И даже при обилье света —
Ребячий красный свитерок
И свежевывмытый порог,
И горстка ягод — точно в дымке,
Туманны, как на старом снимке,
Над коим тихо слёзы лью,
Припоминая жизнь свою.

* * *

И вижу улицу родную
И подойти хочу вплотную
К ступенькам и дверям своим,
Но между мной и ними дым.
Туман и дым меж мной и ними,
И называю чье-то имя,
Смеюсь, дурачусь, но не счесть
Шагов меж мной и тем, что есть,
Меж мной и радостью текущей
Пространства холодок гнетущий,
И всё, с чем я лицом к лицу,
Как будто бы пришло к концу
И в дымке, как воспоминанье.
Не то живу, не то за гранью
Происходящего со мной
Лишь вспоминаю путь земной.

* * *

Летаем, Господи, летим.
Мелькают пёстрые картинки:
Ребятчи быстрые ботинки,
Костёр, тропинка, солнце, дым

И дом, и сад, и маков цвет,
И тени, и лучи, и тени,
И чьи-то смуглые колени...
И нет конца, и смерти нет.

В краю лазури и росы,
В котором ни конца, ни тленья,
Порхают дети. И в варенье
Ребятчи щёки и носы.

* * *

Дом — это Иверский или Казачий.
Может, сегодня зовётся иначе
Тот первозданный кусочек земли.
Мельница вечная, перемели,
Перемели всё, что временем мелется.
Имя и дата пускай переменятся...
Так непримяты сегодня снега,
Будто бы здесь не ступала нога.
Чистая скатерть для трапезы стелется.
Всё перемелется, всё перемелется.
Над головою белы облака,
Новая сыплется с неба мука.

Новая мука для нового хлеба
Сыплется, сыплется с белого неба.
Всё перемелется, всё истечёт —
Вечность другие хлеба испечёт.
Детства давнишнего нету в помине.
Крыша разобрана в той половине,
Где этажерка стояла в углу.
Вмятины две от рояля в полу.
Слышу его дребезжащие нотки,
Вижу следы допотопной проводки.
В дом прохудившийся валится снег,
Свой совершая замедленный бег.
Вижу себя: как в замедленной съёмке,
Папку для нот тереблю за тесёмки,
Ноты беру и готовлю урок,
Песню учу под названьем «Сурок».
В ней про сиротство, скитанье земное.
Где б ни скиталась, повсюду со мною
В память и душу запавший урок:
Преданный, тихий, печальный «Сурок».

* * *

Приходит Верочка-Верушка,
Чудная мамина подруга.
Она несёт большой букет.
(Сегодня маме тридцать лет).
Несёт большой букет сирени,
А он подобен белой пене —
Такая пышная сирень.
Я с пышным бантом набекрень
Бегу... Гори, гори, не гасни,
Тот миг... И розочку на масле
Пытаюсь сделать для гостей...
Из тех пределов нет вестей,
Из тех времен, где дед мой мудрый
Поёт и сахарную пудру
Неспешно сыплет на пирог.
И сор цветочный на порог
Летит. И грудой белой пены
Сирень загородила стены.

* * *

Спи — не спи, зажмурив глазки,
Не уйдёшь от страшной сказки:
Всё равно придёт волчок
И ухватит за бочок,
Унесёт на те просторы,
Где стремительны и скоры
Годы жара и тоски
Рвут добычу на куски.

* * *

Всё было до меня, и я не отвечаю.
Законов не пишу. На царство не венчаю.
Придумала не я, придумали другие,
Что хороша петля на непокорной вые.

Придумала не я, и я не виновата,
Что вечно не сыта утроба каземата.
Но чудится: с меня должны спросить сурово
За убиенных всех. За всех лишенных крова.

* * *

Батуми. Дикий виноград,
Выходят окна в старый дворик.
И почему-то «бедный Йорик»
Твержу который день подряд.

Жара. Магнолия в цвету.
Гортанный говор. Запах пряный.
И кто-то, муча фортепьяно,
Долбит простую пьесу ту,

Которую долбила я
Сто лет назад на Якиманке.
Простая, как язык морзянки,
Она откроет, не тая,

Один диковинный секрет,
Что, сколько ни броди по свету,
Повсюду учат пьесу эту,
Обычную, как «да» и «нет».

Земным широтам несть числа,
Но юг ли, север — всё едино,
Когда судьба на середину
Пути земного занесла

И к роковому рубежу
Приблизила. И опыт горек.
И «бедный Йорик, бедный Йорик»
Который день подряд твержу.

* * *

А за последнею строкой –
Размах, раздолье и покой
Страницы. За последним шагом –
Просторы с речкой и оврагом.
И за прощальным взмахом рук –
Рассвет и разноцветный луг,
И ливень. За предсмертным стоном
Весь мир, звучащий чистым тоном.

* * *

Среди деревьев белых-белых
Пансионат для престарелых.
Он свежевыбелен и чист.
И валится печальный лист
Под стариковские галоши.
И нету неизбывней ноши,
Чем ноша отшумевших лет.
И нынешний неяркий свет
Для старости подслеповатой.
Прогулка для неё чревата
Простудой. И «который час»
Спросил меня в десятый раз
Старик. Не всё ль ему едино —
Начало дня иль середина,
Когда свободен от сетей
И графиков, и всех затей
Мирских, когда уже на стыке
Времен и вечности, где лики
Всегда незримые для нас,
Должно быть, различает глаз.
И что там крохотная стрелка?
Она бесшумно, как сиделка,
Хлопочет до скончанья дня,
По циферблату семени,
До самого времён скончанья,
И ближе с вечностью венчанье.
И память ходит по пятам.
А я ещё покуда там,
А я ещё покуда с теми
И там, где жёстко правит время,

Настырно в темечко клюет
И задержаться не даёт.
И миги, яркие, как вспышки,
Слепят и жгут без передышки.
И тесен мне любой насест.
Охота к перемене мест
Ещё куда мной владеет.
И кто-то обо мне радеет —
Из ярких листьев тропку вьёт
И яркий свет на землю льёт.
Дорога или бездорожье,
Но лист горит, как искра Божья,
Преображая все кругом —
Убогих и казённый дом.

* * *

О, научи меня, Восток,
Жить, созерцая лепесток.
Спаси в тиши своей восточной
От беспощадной ставки очной
С минувшим, с будущим, с судьбой,
С другими и с самим собой.
Разброд и хаос. Смех и слёзы.
И не найду удобной позы,
Чтоб с лёгким сердцем замереть
И никогда не ведать впредь
Ни жарких слов, ни мелких стычек,
Лишь наблюдать паренье птичек
В углу белейшего холста,
Где остальная часть пуста.

* * *

На смерть Яши К.

Встань, Яшка, встань. Не умирай. Как можно!
Бесчеловечно это и безбожно,
Безжалостно ребёнком умирать.
Открой глаза и погляди на мать.
Ты погляди, что с матерью наделал.
Она твоё бесчувственное тело
Всё гладит и не сводит глаз с лица.
И волосы седые у отца.
Он поправляет на тебе рубашку
И повторяет: «Яшка, сын мой, Яшка...»
И повторяет: «Яшка, мой сынок...»
Гора цветов. Венок. Ещё венок...
Пришёл ко мне смешливым второклашкой.
Нос вытирал дырявой промокашкой.
И мы с тобой учили «I and You»,
«I су, I sing» — я плачу, я пою.
Как жить теперь на свете. Жить попробуй,
Когда вот-вот опустят крышку гроба,
В котором мальчик, давний ученик.
Его лицо исчезнет через миг.
И нет чудес. Но, Господи, покуда
Ещё не выросла сырая груда
Земли, не придавили снег и лёд,
Приди, вели: «Пусть встанет. Пусть идёт».

* * *

Вот какая здесь кормёжка:
Мёда — бочка, дёгтя — ложка.
Вот какая здесь кровать:
Мягко стелют, жёстко спать.
Вот какая здесь опека:
Тот сгорел, а та калека.
Вот какая здесь любовь:
Любят так, что горлом кровь...
А в начале для затравки
Хоровод на мягкой травке,
Гули-гули, баю-бай,
Сущий праздник, Божий рай.
Или, может, и в начале
Злые знаки день венчали,
Может, череп на колу
Не заметила в пыли.

* * *

Причитаешь и плачешь, и маешься. Что ж,
То ли будет ещё. И не так запоёшь.
И не так запоёшь. Это всё — шепоток.
Бесконечен страданий и бедствий поток.
Необуздан Всевышнего праведный гнев.
И не так запоёшь. Это только распев.
И однажды, терзаясь, молясь и любя,
Запоёшь, как не пели ещё до тебя.

* * *

Опять этот темп — злополучное «presto»,
И шальные души срываются с места
И мчатся, сшибаясь, во мгле и в пыли,
Как будто бы что-то завидев вдали,
Как будто вдали разрешенье, развязка,
И вмиг прекратится безумная пляска.
Неужто весь этот порыв и угар
Всего лишь музыка — бемоль и бекар;
Неужто наступит покой, передышка,
И ляжет на клавиши чёрная крышка?..
Неужто два такта всего до конца?
Семь нот в звукоряде. Семь дней у Творца.
И нечто такое творится с басами,
Что воды гудят и земля с небесами.

1980

* * *

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше — сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока — забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь — небеса,
Опустишь — травы и роса.

* * *

Что за жизнь у человечка:
Он горит, как Богу свечка.
И сгорает жизнь дотла,
Так как жертвенна была.

Он горит, как Богу свечка,
Как закланная овечка
Кровью, криком изойдёт
И утихнет в свой черёд.

Те и те, и иже с ними;
Ты и я горим во Имя
Духа, Сына и Отца —
Жар у самого лица.

В толчее и в чистом поле,
На свободе и в неволе,
Очи долу иль горе —
Все горим на алтаре.

* * *

Не знаю кем, но я была ведома
Куда-то из единственного дома,
Не потому ли по ночам кричу,
Что не свои, чужие дни влачу,
Расхлёбывая то, что навязали,
И так живу, как будто на вокзале
Слоняюсь вдоль захватанных перил...
Да будь неладен тот, кто заварил
Всю канитель и весь уклад досадный.
Приходит в мир под свой же плач надсадный
Дитя земное. Кто-нибудь, потрафь
И посули невиданную явь.
Как музыка она иль Божье Слово.
Но мне в ответ: «Под дудку крысолова
Идти, под вероломное “ду-ду”,
Написано всем грешным на роду
С молодых ногтей до полного маразма.
Вначале смех, а после – в горле спазма,
А после холм и почерневший крест,
И никаких обетованных мест.
Понеже нет иной и лучшей яви,
От нынешней отлынивать не вправе».
Всё так. Но что за лучезарный дом
Припоминаю изредка с трудом?

* * *

Всё как по нотам, как по нотам:
Знобит листву перед отлётом,
А нот осталось — ля да си,
А дальше... Господи, спаси.
Спаси, помилуй, дай мне голос,
Чтоб ноту тонкую, как волос,
Продлить, проплакать, протянуть,
В неведомый пускаясь путь.

* * *

Не сыскать ни тех, ни этих —
Затерялись где-то в нетях
Среди белых пропастей.
Никаких от них вестей.
Нет как нет. И взятки гладки —
Густо падают осадки —
Рой летящих дней и лет —
Заметая всякий след.
Чем бы время ни венчало,
Вечность смотрит одичало,
Выше шпиля и венца,
Дальше края и конца.

* * *

Так будем легки на подъём,
Коль дни обжитые и годы
Сгорают. И злую свободу
Восславим и слёз не прольём.
Сгорают и дни и года.
Нетленны лишь дальние дали,
И манят они. Но туда ли
Нам надо? Кто знает, куда?
Не тот ли, кто в небе зажёт
Рассветную эту лучину,
Ночную рассеяв пучину?
Так выпьем же на посошок
И выйдем, невольный ходок,
Пожизненный пленник дороги
С тобою на берег отлогий
Под долгий, протяжный гудок.

* * *

За всё земное заглянуть,
Как за комод или за печку.
Всю явь земную, как дощечку,
Однажды приподнять чуть-чуть
И обнаружить: вот они,
Пропажи наши и потери, —
И отыскать, себе не веря,
Жилища давнего огни.
Почивших близких и родных
Увидеть памятные лица
И всё, с чем выпало проститься

На тягостных путях земных.
Увидеть: где земная быль
Кончается, там все сохранны,
Лишь вместо нашей белой манны
Небесная летает пыль.

* * *

Дни весенние горчат.
Души с жадностью галчат
Ждут от жизни сладкой крошки.
И прозрачен свет в окошке,
И чего-то жаль до слёз —
Это авитаминоз.
Это мартовская вялость.
И нужна всего лишь малость
Витамины «В» да «С» —
И не думать о конце,
Уповать на перемены,
Покупая цикламены.
Жизнь берёт на поводок
И выводит на ледок.
На ледок ведёт непрочный,
А под ним ручей проточный.
У весны уста в меду.
У нее на поводу
Всякий, кто на сладость падок.
А весенний голос сладок.
Шепчет: «Свет моих очей»,
В ледяной швырнув ручей.

* * *

Сыграй, прошу, сыграй.
И вдруг обрыва край,
И диких звуков бездна,
И бегство бесполезно.
По острию ножа
Проходишь, ворожа.
И каждый звук продлённый,
Как провод оголённый.
Тут край. Остановись.
Но ты взмываешь ввысь,
Стихающая нота —
Площадкою для взлёта.

* * *

Между облаком и ямой,
Меж берёзой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между босховским уродом
И весною Боттичелли.

* * *

Благие вести у меня.
Есть у меня благие вести:
Ещё мы целы и на месте
К концу сбесившегося дня;

На тверди, где судьба лиха
И не щадит ни уз, ни крова,
Ещё искать способны слово,
Всего лишь слово для стиха.

* * *

Прогорели все дрова,
И пожухла та трава,
На какой дрова лежали.
И дощатые скрижали
Разрубили на куски
И пустили в ход с тоски —
Тяжело без обогрева.
Польхай, святое древо,
Хоть теперь — увы, увы, —
Не сносить нам головы.
Но святыня прогорает,
А никто нас не карает.
Жизнь глухая потекла:
Ни скрижалей, ни тепла,
Лишь промозглый путь куда-то...
Может, он и есть расплата?

* * *

*Посвящается фильму
Ю. Норштейна «Сказка Сказок»*

Всё так — готова побожиться:
Когда весь город спать ложится,
Когда весь мир подлунный тих,
Диктует кот поэту стих.
Сверкая жёлтыми очами,
Он раздражается речами,
Стихами бурными в тиши,
Шипя: «Забудешь, запиши».
Поэт послушно пишет, пишет
И от восторга еле дышит,
И непрестанно трёт висок,
Кропая стих наискосок.
И лунная сверкает тропка,
Летящих строк касаясь робко,
Касаясь разных «о» да «а»
И все посеребрив слова,
Невесть куда крадётся ночью,
Легко скользнув по многоточью.

* * *

Точка, точка, запятая,
Минус, рожица кривая —
Это ты, а это я.
Это — дивные края.
Мы у сына на рисунке
По тропинке, как по струнке,
Мирно ходим. Топ да топ
По чудеснейшей из троп.

Мирно ходим по картинке —
Ножки тоньше паутинки —
Средь травинок и лучей,
И цветистых мелочей,
Как послушные овечки,
Кротко движемся вдоль речки,
Не переча, не шутя,
Чтоб не гневалось дитя,
Чтоб не выгнало из рая,
Точно неслухов карая.

* * *

Такое солнце в очи било,
Такую ягоду дарило
Мне лето щедрое. Цвела
Такая радуга. Была
Такая тишь. Такие зори
Цвели, когда в тоске и горе
Я изживала вновь и вновь
Свою несчастную любовь.
И, отупевшая от боли,
Я видела, как в ореоле
Воздушных седеньких волос
Мне бабушка букет из роз
Несла с улыбкою. Не мило
Мне было всё, чем жизнь кормила,
Твердя заботливо: «Бери».
Исчезли краски той зари,
Той радуги, того июля,
И умерла моя бабуля.
Оплакиваю тот из дней,
Когда не улыбнулась ей.

* * *

Пропахли дни сосной
И ливнями, и мятой,
Травой, дождём примятой,
И ягодой лесной.
И мятой, и дымком
Пропахла кружка чая.
Живу, души не чая
Сама не знаю в ком:
В рассветах, небесах,
Щенках и домочадцах,
В ветрах, что вечно мчатся,
И в птичьих голосах.
День угасает в срок,
А новый — как прозреньё
И как стихотвореньё
В двенадцать вещей строк.

* * *

А мне туда и не пробиться,
Откуда родом дождь и птица.
И полевые сорняки
Такие знают тайники,
Какие для меня закрыты.
Дороги дождиком изрыты,
А дождик в створе с листвою.
И разговор невнятный свой
Они ведут. И дождь уклончив:
Стихает, речи не закончив,

И вновь летит наискосок,
Волнуя реку и лесок
Речами быстрыми. Как в душу,
Я в реку глянула: «Послушай, —
Прошу, — поведай, покажи...»
А там лишь небо да стрижи.

* * *

Тончайшим сделаны пером
Судьбы картинки
И виснут в воздухе сыром
На паутинке.
Летающим почерком своим
Дожди рисуют,
И ветер лёгкие, как дым,
Штрихи тасует..
Рисуют, будто на бегу,
Почти небрежно.
Я тот рисунок сберегу,
Где смотришь нежно.
Живу, покорна и тиха.
И под сурдинку
Колелет ветер два штриха
И паутинку.

* * *

Ритенуто, ритенуто,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши,
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь, жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

* * *

Прозрачных множество полос.
С берёз, летящих под откос, —
Листва потоком.
Стекают листья градом слёз
С летящих под гору берёз,
И ненароком
Я оказалась вся в слезах,
Хоть ни слезинки на глазах.
Безмолвной тенью
Брожу в мятущихся лесах.
И облака на небесах —
И те в смятенье.
И этот ветер поутру,
И это буйство на ветру —
Почти веселье
И пир почти. Не уберу
Листвы с волос. В чужом пиру
Моё похмелье.

Я ни при чём. Я ни при чём,
Я лишь задела ствол плечом
В лесу высоком.
И листья хлынули ручьём,
Сквозным просвечены лучом,
Как горним оком.

ОСЕНЬ

На золото падких, на золото падких
Сегодня трясёт в золотой лихорадке.
Льнёт золото к пальцам и липнет к плечу:
Такое богатство — бери не хочу.
И что ни мгновение — благодаянье.
И в пышное ты облачён одеянье.
Ты кесарь сегодня, вчерашний босяк.
Покуда поток золотой не иссяк,
Покуда не пущены по ветру слитки,
Не сгнили твои драгоценные нитки,
Не выцвел роскошный ковёр под пятой,
Ты — кесарь. И славен твой век золотой.

* * *

Рисунки прежние стерев,
Рисует он, как лист с дерев
Слетает. У Творца, наверно,
Совсем с воображеньем скверно.
Опять шаблон, шаблон, шаблон:
Земля, деревья, небосклон,
Земля, деревья, люди, птицы.
И ни единой небылицы.
Ночами спим, гуляем днём.
Но, может, потому живём,
Что он рисует по старинке
Свои несметные картинки,
Что он ещё не реформист.
...И снова кружит жёлтый лист.

* * *

Гори же, осень, пламеней,
Гори — не гасни много дней,
Гори, большим огнем пылая.
Да осветится жизнь былая,
Да будет жар неумолим,
Да будет дух неопалим,
Да обернётся всё земное
Неугасимой купиною,
И в миг любой, как в звёздный час,
Да будет внятен вещий глас.
Да воспарим над злом и страхом.
Но если всё же быть нам прахом,
Да озарится окоём
Нас пожирающим огнём.

* * *

Нет погоды давно.
Моросит день и ночь.
Остаётся одно:
В ступе воду толочь,
В ступе воду толочь...
Отсырела тропа.
И глубокая ночь,
Как большая ступа.
Воду в ступе толочь,
Не жалея трудов,
Чтоб наутро твоих
Не осталось следов;
Слушать вздохи одни
Позабывшихся сном
И рассеянно дни
Метить прошлым числом.

* * *

И при впадении тьмы в рассвет,
Ночи в зарю, и при впадении
Туманных снов в дневное бденье,
Где испарился всякий след
И где ни срока, ни числа
Для умирания и роста,
И ни на чём ещё короста
Подробностей не выросла, —
Там сумерки и тишина,
Там спящих вздрагивают веки,
Там явь, помимо «некто», «некий»,
Приметы всякой лишена.

* * *

Сперва вступают небеса.
И можно слышать утром рано
Рассвета дивное сопрано —
Серебряные голоса.

И в хор единый в свой черёд
Вступают и земля, и море.
Звучит надежда в этом хоре,
И одиночество поёт.

Те в безмятежных небесах
Творят воздушные триоли,
А эти корчатся от боли
В каких-то каторжных басах.

И все миры оглашены:
И запредельный, и окрестный...
Но затихает свод небесный,
Закатной полон тишины.

* * *

Однажды выйти из судьбы,
Как из натопленной избы
В холодные выходят сени,
Где вещи, зыбкие, как тени,
Стоят, где глуше голоса,
Слышнее ветры и леса,
И ночи чёрная пучина,
И жизни тайная причина.

* * *

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистой тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь жёлтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века —
Под ивой плакучей струится река.

1981

* * *

Адресую туда-то такому-то —
То ли чёрту из тихого омута,
То ли ангелу с тихих небес —
Но кому-то, чей призречен вес
В этом мире. И медлю с отправкою,
Занимаюсь последнею правкою
Странной весточки, взгляд уперев
В синеву меж высоких деревьев.

* * *

И не ищи его ни в ком,
Сочувствия. Одним кивком
И лёгким взмахом рук прощайся,
Иди и впредь не возвращайся.
Иди. Не возвращайся впредь.
Сумей легко переболеть
Давно заезженным сюжетом,
Не требуя к себе при этом
Участья. Ты не одинок:
Холодный времени клинок
Сечёт направо и налево
Без сострадания и гнева.
А может быть, и время — вздор.
И есть лишь вечность и простор,
Тумана пелена седая,
Где, то и дело пропадая,
Потом выныриваем вновь,
Твердя про бренность и любовь.

* * *

Говорим, говорим —
Только дыма колечки.
Невесомы, как дым,
Словеса и словечки.

Крепко держим стило —
Пишем фразу за фразой.
Написали — бело,
Словно *tabula rasa*.

Краской той, что густа,
Размалёвана густо
Вся поверхность холста,
Отодвинулись — пусто.

Что за сладостный труд —
С каждым днём осторожней
Наполняем сосуд
Безнадёжно порожний.

* * *

И замысел тайный ещё не разгадан
Тех линий, которые дышат на ладан,
Тех линий, какими рисована быль.
И линии никнут, как в поле ковыль.
Мелок, ворожа и танцюя, крошится.
И легче легчайшего жизни лишиться.
Когда и не думаешь о роковом,
Тебя рисовальщик сотрёт рукавом
С туманной картинки, начертанной всуе,
Случайно сотрёт, чей-то профиль рисуя.

* * *

Увы, разиня и неряха,
Замызгал нить, какую пряжа
Любовно пряла для тебя.
Её без толку теребя,
Замызгал нить и замусолил,
Глаза пространству намозолил,
Запнулся и, теряя нить,
С тоскою выдохнул: «Не жить».

* * *

От разорённого уклада
Осталась комнат анфилада,
Камина чёрная дыра,
Как опустевшая нора.
О тех, кто грелся у камина,
Уже с полвека нет помина.
Лишь эти — пальчик на устах,
Два ангелочка на местах,
Два ангелочка в нише зала, —
Всех прочих время растерзало.

* * *

Мы у вечности в гостях
Ставим избу на костях.
Ставим избу на погосте
И зовём друг друга в гости:
«Приходи же, милый гость,
Вешай кепочку на гвоздь».
И висит в прихожей кепка.
И стоит избушка крепко.
В доме радость и уют.
В доме пляшут и поют.
Топят печь сухим поленом.
И почти не пахнет тленом.

* * *

Как будто с кем-то разлучиться
Пришлось мне, чтоб на свет явиться;
Как будто верности обет
Нарушила, явясь на свет;
И шарю беспокойным взором
По лицам и земным просторам,
Ища в сумятице мирской
Черты заветные с тоской;
Как будто все цвета и звуки
Обретены ценой разлуки
С неповторимым вечным «ты»,
Чьи страшно позабыть черты.

* * *

Ещё пролёт, ещё ступени,
Войду — и рухну на колени!
Ещё пролёт — и дверь рывком
Открою. Господи, о ком,
О ком тоскую, с кем в разлуке
Живу, кому слезами руки
Залью. Кому почти без сил
Шепчу: «Зачем ты отпустил,
Зачем пустил меня скитаться,
Вперёд спешить, назад кидаться,
Зачем», — шепчу. И в горле ком...
Ещё ступенька, и рывком
Открою двери. И ни звука...
Такая долгая разлука.
Открою дверь — и свет рекой.
Войду и рухну. И покой.

* * *

Тот живёт — обиду копит,
Тот обиду в водке топит.
Ну, а этот топит печь.
И о нём сегодня речь.
Грусть-тоска, коль бит и мучим,
Служит топливом горючим,
И любая из обид
Очень весело горит.
И горит беда лихая,
Ярким светом полыхая,
И танцующий огонь
Греет душу и ладонь.
Греет тело он и душу,
Обитаемую сушу.
День текущий и былой
Пахнет солнцем и золой.
И таит в себе, как древо,
Свет и жар для обогрева.

* * *

Давай поедem по кольцу,
Чтоб от начала и к концу,
А может, от конца к началу.
И коль тебя не укачало,
Давай с тобой средь тех же мест
Кружить, пока не надоест.
Дорога, изгородь, скворешник,
Дорога, изгородь. Орешник
Роняет вешнюю пыльцу.
Давай поедem по кольцу.

* * *

Мгновение. Ещё мгновенье.
Меж ними камень преткновенья.
Я уберу его с пути.
Лети, мгновение, лети
Свободно, как воспоминанье.
Не ставлю знаков препинанья,
Ни точки и ни запятой
Меж этой осенью и той.
И буквы не пишу заглавной,
Чтоб не нарушить речи плавной,
Мгновений, льющихся рекой.
Строка струится за строкой.
И тянется из буквы строчной.
Да будет жизнь моя проточной.
Лети, мгновенье, вдаль и ввысь.
Не говорю: остановись,
А заклинаю ежечасно:
Лети, мгновенье. Ты прекрасно.

* * *

Вот жили-были ты да я...
Да будет меньше капли росной,
Да будет тоньше папиросной
Бумаги летопись моя!
Открытая чужим глазам,
Да поведёт без проволочки
С азов к последней самой точке!
Да будет сладко по азам
Блуждать, читая нараспев:
«Вот жили-были в оны лета...»
Да оборвётся притча эта,
Глазам наскучить не успев.

* * *

Тихонько дни перетасую
И тот найду, когда в косую
Линейку чистую тетрадь
Так сладко было открывать,
Когда, макнув перо в чернила,
Писала: «Мама Лушу мыла», —
Все буквы в домике косом.
А за окошком, невесом,
Кружился лист. Смотри и слушай:
Вот мать склоняется над Лушей,
Трёт губкой маленькую дочь,
А ветер лист уносит прочь.

* * *

...А ведьма косточки глодала
И, как безумная, рыдала.
И каркал ворон, сев на ель,
А на дворе была метель...
Прекрасна детская простуда
И жутковатых сказок груда.
Я ногти в ужасе грызу,
Роняя крупную слезу.
И сказку с радостным исходом
Я запиваю чаем с мёдом,
И сплю под стоны за стеной
И скрип ножищи костяной.

* * *

Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Вот хвост у сороки отменно хорош:
Большой, чёрно-белый. Такое перо —
Ему бы стоять на старинном бюро.
И если не манна слетает с небес,
То всё ж филигранна, воздушна на вес
Снежинка, летящая в снежных гуртах.
И это о радости в общих чертах.
И это два слова про дивный пейзаж,
Про фон повседневный, обыденный наш,
Про фон наш обычный. Но, может быть, мы
Являемся фоном для этой зимы,
Для этих сугробов, сорок и ворон.
И терпит картина серьёзный урон,
Когда и летают, и падают ниц
Снежинки на фоне безрадостных лиц.

* * *

Я встретила погибшего отца,
Но сон не досмотрела до конца.
Случайный шорох помешал свиданью,
Прервал на полуслове, и с гортанью
Творилось что-то... Тих и близорук,
Он мне внимал растерянно... И вдруг
Проснулась я, вцепившись в одеяло:
Отца нашла. Нашла и потеряла.

* * *

Уюта нет. Живи и помни:
Раскалено в ночи, как в домне.
И в тишине вскипает кровь.
Себя к внезапному готовь:
К тому, что в мире, тьмой объятom,
Разбудят яростным набатом.

* * *

*В тот же миг всё кругом умолкло.
Весь замок погрузился в мёртвый сон.
Сказка*

В том царстве уснули на много веков.
Уснули и спят, не боясь сквозняков,
Ни хлада, ни глада и ни суховея.
Там всех усыпила коварная фея,
Карая за некое давнее зло.
И сонное царство быльём поросло.

Быльём поросло и травую ползучей.
Однако какой замечательный случай.
В эпоху, когда кровожадны миры,
Вдруг выйти, уснув, из опасной игры.
И спит добродетель в обнимку с грехами,
И все города заросли лопухами.
Не надо кропить их живую водой,
Будить, искушая зарёй молодой,
Зарёй молодой и счастливою эрой,
Чтоб после замучить чумой и холерой.
Трава вырастает, буйна и дика.
Над ней проплывают и тают века.

* * *

Ты сброшен в пропасть — ты рождён.
Ты ни к чему не пригвождён.
Ты сброшен в пропасть, так лети.
Лети, цепляясь по пути
За край небесной синевы,
За горсть желтеющей травы,
За луч, что меркнет, помелькав,
За чей-то локоть и рукав.

* * *

Должно быть, под угрозой пытки,
Когда висела жизнь на нитке,
Я выставила напоказ
Всё, что чужих боится глаз.
Должно быть, клали соль на ранку,
Чтоб вывернулась наизнанку,
Не утаила ничего:
Ни сна, ни вдоха своего.
Ни сна, ни помысла, ни муки.
Должно быть, мне ломали руки,
Твердя с зари и до зари:
«Ведь хуже будет, говори».
И говорю, и задыхаюсь,
На каждом слове спотыкаюсь,
И слышу, выбившись из сил;
«Бедняга. Кто её просил?»

* * *

На деревья дробится лес.
Небесный свод — на семь небес.
Жизнь распадается на годы
Трудов, неволи и свободы.
Дробится смерть на черепа.
И лишь любовь, что так слепа,
Способна зреть миры и блики
В Одном Лице, в Едином Лице.

* * *

Чьи-то руки взметнулись над стылой водой.
Как бы дело не кончилось страшной бедой.
Как бы кто-то в отчаяньи или в бреду
Не пропал в зачарованном этом пруду.
Сбереги его душу, Господь, сбереги...
По осенней воде разбежались круги...
Чьи же руки вздымались? И голос был чей?
И кому целый лес запыхавших свечей?

* * *

Да будет лёгким слог!
Да будет ветерок
Играть строкой и словом
О вечном и суровом!
Легко, легко, легко
О том, что далеко,
Легко о том, что близко.
Скажи: мгновенье риска,
Как искра на ветру,
И вспыхнут поутру
Костры по всем дорогам...
Скажи легчайшим слогом.

* * *

Мой белый день, гори, гори,
Ты даришь зарево зари
И свет, и тень, и всё подряд,
На что ни брошу беглый взгляд:
Дорогу, дерево, цветы,
И от избытка доброты
Себя сжигаешь, чтобы в дар
Мне принести закатный жар.

* * *

Скуднее ночь, светлей зазор
Меж двух ночей; яснее зори,
И на заре сирень в дозоре
Стоит, роняя белый сор
И сор сиреневый. И лён
Дотрагиваться до соцветий
Сирени влажной на рассвете,
Сквозную спугивая тень.

* * *

Есть удивительная брешь
В небытии, лазейка меж
Двумя ночами, тьмой и тьмой,
Пробоина, где снег зимой
И дождик осенью; пролом,
Куда влетел, шурша крылом,
Огромный аист как-то раз,
Неся замороженных нас.

* * *

Бесшумно листья умирали,
Летя дугой и по спирали,
И по спирали, и дугой,
Сперва один, потом другой,
По одному и сразу скопом.
Не то идёшь по бурым тропам,
Не то по трупам. Лёгкок труп,
Да и обряд прощальный скуп:
Заметить лист, летящий рядом,
И проводить недолгим взглядом.

* * *

Земля да небо. Третий – лишний.
Ветра то громче, то неслышней
Ему метельною зимой
Гудели в ухо: «Прочь, домой».
А он в ответ: «Я дома. Вот он,
Мой дом. Моим полита потом
Земля», – твердил он, слаб и мал,
Как будто кто ему внимал.

* * *

А начинал он в до-мажоре,
Но, побывав в житейском море
И тяжкую изведав боль,
Сменил тональность на C-mol,

И подчинился чёрным знакам,
И надыхался чёрным мраком,
И взоры устремив горе,
«Доколь», — воскликнул на заре.

«Доколе, Господи, доколе», —
Прошелестело чисто поле.
«Доколь, доколь, до-соль, до-ля», —
Вздыхали небо и земля.

* * *

Чем кончится вся эпопея?
Гоморра, Содом и Помпея.
Помпея, Гоморра, Содом...
Куда бы ты ни был ведом,
Тебе не поспорить с лавиной.
Так слушай коран соловьиный
В июньскую светлую ночь,
Коль в силах тоску превозмочь.

* * *

Жалко Ниневию. Господи, жалко.
Близкий конец предсказала гадалка.
Для ниневийцев у Господа в торбе
Нет ничего, кроме смуты и скорби,

Крови и слёз. Но какая находка
Будет у гения и самородка
Эры грядущей. Какое открытье —
Да помоги ему ум и наитье,
Будь его век и прекрасен и долог, —
Вдруг обнаружить чудесный осколок
Густо исчерченной глиняной плитки
И прочитать с пятисотой попытки
Вмятое в глину с отчаянной силой
Древнее, вечное «Боже, помилуй».

* * *

Вот условие задачи:
Лето жаркое на даче;
Мне неполных десять лет —
Ясным полднем я и дед,
И бабуля на терраске.
Вот начало этой сказки.
Солнцем залито крыльцо.
Все родные — налицо.
А в итоге, а в ответе —
Лишь молчание да нети.
В нетях баба, в нетях дед.
Оглянулась — снова свет.
Снова свет июньский яркий...
Перепишем без помарки:
Что же было мне дано
И куда ушло оно?
И нельзя ли в утешенье,
Изменив судьбы решенье,
Получить иной ответ,
Кроме «Было. Больше нет».

* * *

Приснилось мне, едва уснула:
Корова языком слизнула
Всё, что я видела до сна.
Проснулась: Господи, весна.
Налево глянула, направо —
Цела небесная оправа
И краски дивно хороши,
Но только близких — ни души.
Куда-то все запропастились,
Исчезли, даже не простились.
И жизнь иная бьёт ключом.
Я в этой жизни — ни при чём.
К кому ни подойду с речами,
Уходят прочь, пожав плечами.

* * *

Легко сказать, легко сказать, сказать легко —
Слова не весят,
Но до чего порою бесят
И как заводят далеко:
На край земли, в безлюдье, в глубь
Чужой души и в поднебесье
Уводят, ничего не веся...
Тишайшим словом приголубь.
Пускай дурное на роду
Написано — скажи словечко —
Я за тобою, как овечка,
Покорно по пятам пойду.

* * *

Такая началась метель,
Что соскочила дверь с петель,
Луна с небес, земля с орбиты.
Метались души, с толку сбиты,
Меж всем и вся утратив связь.
Сшибались облака, клубясь.
Но не имел ни вдохновенья,
Ни сил Создатель в то мгновенье,
Откликнувшись на дольний зов,
Творенье повторить с азов.

* * *

Прими на веру: свод небесный
Уравновешен в час чудесный
Пылинкой, пляшущей в луче...
Поверь и пой в таком ключе.
Сама заря поёт дискантом,
И не поётся лишь педантам,
Лишь тем, кто занят ловлей блох.
Отрадно, мир застав врасплох,
Глядеть без страха и протеста,
Как всё танцует, снявшись с места,
И кружит в сказочных мирах
При солнечных юпитерах.
И даже малая пылинка
Сегодня прима-балеринка.
И без неё сойдёт на нет
Тончайшей прелести балет.

* * *

Пера прилежного касанье...
Тяжёлый труд – чистописанье.
Пиши: дорога, дом, трава...
Пиши простейшие слова.
Пиши, сынок: зима, синица,
Сугроб. И пусть тебе приснится
Потом синица на снегу.
Моя удача, что могу
Побывать средь гласных и согласных
В прозрачном мире правил ясных,
Твердить с тобой «чу – шу», «ча – ща»,
Иного смысла не ища.

* * *

Люблю начало речи плавной,
Причуды буквицы заглавной,
С которой начинают сказ:
«Вот жили-были как-то раз...»

Гляжу на букву прописную,
Похожую на глушь лесную:
Она крупна и зелена,
Чудным зверьём населена.

«Вот жили-были...» – запятая,
И снова медленно читаю:
«Вот жили...» – и на слово «Вот»
Опять гляжу, разинув рот.

* * *

Обмелели все истоки,
Все истоки обмелели —
Ветер жаркий и жестокий
Дует долгие недели.
Но даю душе напиться —
И откуда что берётся, —
Зачерпнув живой водицы
Из засохшего колодца.

* * *

Молчание — золото, золото, злато,
И роща стоит, тишиною объята,
И молча роняет свой лист золотой
На берег пологий и берег крутой,
И прямо мне под ноги. Я виновата:
Сменить серебро не умею на злато.
Я серебром проклятым так дорожу,
Что, даже когда молчаливо кружу,
Кружу в тишине меж большими стволами,
Я даже тогда одержима словами.

* * *

Зачем сводить концы с концами?
Пускай они сплетутся сами.
Зачем насильно их сводить
В безукоризненную нить?
Пускай они висят свободно.
Переплетаясь как угодно,
То змейкой станут, то кольцом,
Переставая быть концом,
Кольцом неожиданным, новым кругом,
Ещё не вытоптаным лугом,
Ещё не скошенным цветком
И просто воздуха глотком.

* * *

Такие творятся на свете дела,
Что я бы сбежала в чем мать родила.
Но как убегу, если, кроме Содома,
Нигде не имею ни близких, ни дома.
В Содоме живу и не прячу лица.
А нынче приветила я беглеца.
— Откуда ты родом, скажи Бога ради? —
Но сомкнуты губы и ужас во взгляде.

* * *

Одно смеётся над другим:
И над мгновеньем дорогим,
Далёким, точно дно колодца,
Мгновенье новое смеётся.
Смеётся небо над землёй,
Закат смеётся над зарёй,
Заря над тлением хохочет
И воскресение пророчит.
Над чистотой смеётся грех,
Над невезением — успех,
Смеётся факт, не веря бредням...
Кто будет хохотать последним?..

* * *

Картина та нерукотворна,
Хоть пляшет кисть по ней проворно.
Она с нездешнего крыла
На землю сброшена была.
Её крутили на мольберте
В ночи хохочущие черти.
По ней разлит небесный свет.
На ней бесовский чёрен след.
Художник луч рисует горний,
А кисть всё злей и непокорней.
Не мучься, молодость губя,
Её допишут без тебя —
Господь перстом, копытом леший.
Вставь в рамку, да на стенку вешай.

* * *

На хлеб и воду, хлеб и воду,
Коль хочешь обрести свободу.
Всё остальное отстрани,
Иной не выдумать брони.

Нет на судьбу иной управы.
И все дары её лукавы.
Отринь же их. И день-деньской
Дыши свободой и тоской.

1982

* * *

И не осмыслить в словесах,
И не измерить здешней меркой —
В бездонность маленькую дверкой
Сияет просинь в небесах.

Сияет просинь в небесах,
Зияет пропуск буквы в слове.
Не надо с ручкой наготове
Стоять у буквы на часах.

Пространство, пропуск, забытьё...
Лишь тот земную жизнь осилит,
Кто будет поражён навьлет
Непостижимостью её.

В пустом пространстве ветер дик...
Попробуй жить, в стабильность веря:
Что ни мгновение — потеря.
Что ни мгновение — тайник.

* * *

Привести бы всё в систему:
На одну большую тему
Вариаций целый рой...
Мудрено ль пройти сквозь стену
Одержимому игрой,
Одержимому, чьи руки
Извлекать способны звуки
Из бездонной тишины.
Вечной радости и муки
Знаки бегло прочтены.
И мотив неуловимый
Растекается лавиной
И вскипает, все круша...
Ты алкала доли львиной,
Ненасытная душа.
Так бери, покуда льётся.
Из незримого колодца
Черпай, черпай и рыдай,
И дыши, пока даётся
Этот праздник, этот рай.

* * *

Моя любовь, моё проклятье,
Судьба моя, в твои объятия
Лечу. В неверные твои.
Таи всё тайное, таи,
Ветрами раздувай мне платье,
Июньским ливнем напои.
И на отчаянное «где ты?»
Не отвечай. Лучом согреты
Дороги, по каким лечу..
Не ты ль склоняешься к плечу
И шепчешь: «Вот промчится лето,
А осенью озолочу».

* * *

А к вечеру того же дня
Погасла лампа у меня.
(Была испорчена проводка).
И дом поплыл, как ночью лодка.
Я не затеплила свечи,
Предпочитая плыть в ночи
В незримой лодке в неизвестность,
Не ведая, какая местность
Кругом, какие времена
И что там — дерево, стена...
Без всякого ориентира
В утробе сказочного мира
Одна на свете в поздний час
Плыла во тьму, как в тайный лаз,
Покуда огненное око
Не вспыхнуло, плыла далёко.

* * *

Старухи, чёрные, как птицы,
И мудрые, как ясновидцы, —
Орлиный взгляд, с горбинкой нос
И вечный дым от папирос, —
Они о чём-то по-армянски
Толкуют. Вид у них шаманский,
Загадочный. Смотрю им в рот,
И мне не нужен перевод
Их речи на язык понятный.
Пусть речь останется невнятной,
Туманной, как цепочка гор,
О чём бы ни был разговор.

* * *

Можно ль жить, ни о чём не жалея?
Ускользает по тихой аллее
Дама с зонтиком светлым пятном.
Так следи за ней, вечно болея
Сладкой сказкой о рае земном.

Задевая ажурные пятна
Светотени, легка и невнятна,
Неземная уносится вдаль,
Чтоб уже не вернуться обратно.
Дама с зонтиком, шляпка, вуаль...

То не женщина — только томленьё,
И аллея не знает продленья.
Миг стремительный запечатлён
Повелительным: «Стой же, мгновенье!»
...И аллея, и тополь, и клён,

Белый зонтик и белое платье —
Всё отмечено той благодатью,
По которой тоскует душа.
Дама с зонтиком — сон и проклятье —
Ускользает. Смотри, не дыша.

* * *

Такая тоска и такое веселье
Испить до конца это дивное зелье.
Такое веселье, такая тоска,
Что жизнь и любовь не прочней волоска.
И тянется линия волосаяная,
И ветер осенний, над ухом стеная,
Слезу вышибает. И кружит у ног
Опавшие листья. И листья – манок,
И песни осенней щемящая нота –
Всего лишь тенёта. Манок и тенёта.
И это скрещенье ветвей и путей –
Привычный узор драгоценных сетей.

* * *

Плохо дело, плохо дело.
За ночь роща поредела,
И случившийся пробел
Дождик штопал, как умел.
Штопал жиденькою штопкой,
Нитью рвущейся и робкой.
Дождь, цепляясь за кору,
Штопал каждую дыру.
Мир со множеством отверстий
Ветер гладил против шерсти,
Супротив да супротив,
Ветви голые скрутив
До болезненного хруста...
Свято место нынче пусто,
И витают, где бело,
Только ветер да крыло.

* * *

Без гнева и ярости, взрыва и взлома
Все лихо и быстро сгорит, как солома.
Покуда любили, покуда дремали
В душистой копне на большом сеновале,
Беспечное время по древней привычке
Роняло, теряло горящие спички.

* * *

И каждый глядит со своей колокольни
На мир переменчивый, горный и дольный,
На землю, на небо, на птичьи крыла.
И слушая дальние колокола,
И внемя далёкому звону и гуду,
Я колокол свой раскачаю и буду
Своё поминать. И, тем гудом влеком,
Прохожий затихнет, гадая: «По ком?
По ком этот звон?» — и закатное пламя
Сгорит меж гудящими колоколами.

* * *

Сурова партия трубы,
Мятежна партия валторны.
Как дни текущие просторны
Для потрясений и гульбы.
Такой невиданный размах,
Что даже самый приземлённый
Вдруг встрепенётся с изумлённой
Улыбкой и воскликнет: «Ах!»

И как ни мучились басы,
Альты, взмывая, так запели,
Что небеса почти задели
В рассвета робкие часы.
И чей-то голос: «Ты одна», —
Взмолился на предельной ноте
И, вырвавшись, как дух из плоти,
Повис над пропастью без дна.

* * *

Я верю в чудо, верю в чудо:
Я уведу тебя оттуда,
Из царства мёртвых. На краю
Всего земного запою.
И песнь моя нездешней силы
Тебя поднимет из могилы.
Владыке Таргара клянусь,
Что на тебя не оглянусь.
На всём пути из мрака к свету
Не оглянусь, верна обету.
Иди за мной, иди за мной.
И на поверхности земной
Не удержу тебя ни словом,
Ни взглядом. К горизонтам новым
Пойдёшь, забудешь голос мой, —
Мне б только знать, что ты живой.

* * *

— Ты куда? Не пойму, хоть убей.
Голос твой всё слабей и слабей.
Ты куда?
— На кудькину гору
Белоснежных гонять голубей.
Ты живи на земле, не робей.
На земле хорошо в эту пору.
Нынче осень. А скоро зима.
Той зимою, ты помнишь сама,
Снег валил на деревья и крышу,
На деревья, дорогу, дома...
Мы с тобою сходили с ума,
Помнишь?
— Да, но едва тебя слышу.

* * *

Ещё смиренней и скромней,
Ещё покорней,
Как будто медленно идёшь
На голос горний.
Ещё смиренней и скромней,
Скромней и тише,
Как будто медленно идёшь
За кем-то свыше.
Ещё смиренней и скромней,
Не вопрошая,
Зачем носила малых сих
Земля большая.

Зачем отчаянно в глаза
Им солнце било,
Зачем цветущая лоза,
Зачем могила.

* * *

Поговорить начистоту
С тобой хочу, но на лету
Усердно ловишь тополиный
Июньский пух, и мой недлинный
Рассказ тебе не по нутру.
И что за речи на ветру,
Когда ветрами всё уносит:
Вопрос, ответ, того, кто спросит..
И много утечёт воды,
Но будет петь на все лады,
Как нынче, каждая пичуга,
И будут двое друг на друга
Глядеть, не ведая эпох
И времени... И дай им Бог.

* * *

А на экране, на экране
И жизнь, и смерть; и слёз и брани
Поток; и лес воздетых рук,
Но нету звука. Дайте звук.
О, неисправная система:
Беззвучно губят, любят немо.
Как в неозвученном кино,
Стучу в оглохшее окно,
Зову кого-то и за плечи
Трясу, не ведая, что речи,
Что дара речи лишена,
И вместо зова — тишина.

* * *

И если этот путь продлится,
Неутолённый утолится.
Но птиц осенний перелёт
И озеро сковавший лёд
Сулят: не будет утоленья,
А будет лишь преодоление
Протяжных вёрст, протяжных миль.
Осиль же их, осиль, осиль.

* * *

Все небожители в опале
И даже небеса пропали.
Лишь крылышки едва видны
В углу облупленной стены,
У края полустёртой фрески.
Там облако, там профиль резкий,
Там край одежды голубой,
Там ручка детская с трубой
Виднеется сквозь трещин нити.
Трубите, ангелы, трубите,
И первозданный лейся свет
С небес, которых больше нет.
Что разоренье и разруха?
Коль чуток глаз и чуток ухо,
Им внятно, как поверх времён
Летает ангел, окрылён.

* * *

Это надо раздуть. Это надо раздуть,
Будет пламя по пояс, а после по грудь,
А потом по плечо, а потом по плечо,
Будет темени жарко, лицу горячо.
И совсем позабудешь, сгорая в огне,
Что была лишь улыбка в случайном окне,
На случайной обочине мак полевой
И нечаянно вспыхнувший луч заревой.

* * *

Что скрывалось за тайным О. К.?
Отчего так дрожала рука,
Выводя над строкой посвященье —
Две таинственных буквы О. К.?
Дикой страстью дышала строка,
Будто не было тайны священной.
Слёзы, речи неведомо куда
Утекли. Утекают года.
А на выцветшем дагерротипе
Безмятежна, тонка, молода
Муза тайная, радость, беда...
Кипа писем. И всё в этой кипе
Ей одной — несравненной О. К.
Взгляд доверчивый, локон, щека,
Муза тайная в локонах, в шали,
На коленях в перчатке рука...
А любовь была так велика:
Сердце ёкало, губы дрожали...

* * *

И лист, покружившись, летит с паутины.
И было рождение, и были крестины —
У милого дитятки много имён:
Вот дерево тополь и дерево клён.
И сыплются, сыплются с тополя, с клёна
Осенние листья со времени она,
И каждый по ветру летит, окрылён...
Как милых окликнуть, не зная имён,
Всех тех, начинающих падать и никнуть,
Их надо позвать, непременно окликнуть.
Их надо позвать — и расступится мгла...
Я снова пыталась — и вновь не смогла.

* * *

Лёгкой поступью, с лёгкой душой,
С лёгким сердцем. Поверь непременно,
Надо лёгкость вводить внутривенно —
Полегчает от дозы большой.
И однажды всему вопреки
Встрепенёшься, вздохнёшь с облегченьем
И взлетишь. Дорожи приключеньем
И летай с чьей-то лёгкой руки.

1983

* * *

Желаю пуха и пера
На кромке пенного залива.
Желаю, чтоб неторопливо
Над морем гасли вечера.

Желаю белого крыла,
Его стремительного взмаха
И чтоб душа, не зная страха,
Покой и веру обрела.

Желаю паруса вдали,
Желаю лодки отдалённой,
Желаю, чтоб неутолённый
Просил у моря: «Утоли».

И чтобы, выбившись из сил,
Под ветра шум и в птичьем гаме
Он пересохшими губами
Холодный воздух жадно пил.

* * *

И плод, созревающий медленно, сладок.
И лист, шелестя, выпадает в осадок.
И лист на пути зависает, не вся,
Желтеющий лист, пребывая во взвеси,
Меж светом и тьмой освещает границу.
О, лист золотой, посвети на страницу.

При свете твоём, при мерцанье, при вспышке,
Быть может, такое откроется в книжке,
Чего никогда бы (о смысла смещение!)
Не видеть бы мне при ином освещении.

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою.

* * *

Маме

Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
Я то и дело к тебе возвращаюсь
Утром и вечером, днём, среди ночи,
Выбрав дорогу, какая короче.
Я говорю тебе что-то про внуков,
Глажу твою исхудавшую руку.
Ты говоришь, что ждала и скучала...
Наш разговор без конца и начала.

* * *

О память — роскошь и мученье,
Моё исполни порученье:
Внезапный соверши набег
Туда, где прошлогодний снег
Ещё идёт; туда, где мама
Ещё жива; где я упрямо
Не верю, что она умрёт,
Где у ворот больничных лёд
Ещё лежит; где до капли,
До горя целых две недели.

* * *

Поляна, речка, бережок...
Шуршит и шепчет ночь-колдунья.
Поляна, полночь, полнолуние
И лунный на небе ожог.

Луной обрызгана листва.
Листву колеблет сонный ветер.
Подлунный берег тих и светел,
Подвластный чарам колдовства.

И голос вкрадчивый: «Приплынь, —
Зовёт, — приплынь, тебя не тронут.
Левее мель, правее омут,
А здесь душица и полынь».

* * *

Рожденье тайное стихов —
Как в зной спасительная влага,
Преображение зла во благо
И отпущение грехов.
Бежит по телу холодок,
И губы слушаются плохо,
Произнося строку. И вдоха
Короче каждая из строк.
А над маячащей вдали
Концовкой венчиком — фермата,
Напоминая: пенье свято,
До угасанья звук продли.

* * *

...Потом зашёлся соловей.
Пожар закатный стал неистов.
Источник щёлканья и свиста
Был то правее, то левей.
Невзрачный серенький комок,
Давая свой концерт вокальный
Со страстностью маниакальной,
Казалось, задохнуться мог.
И вдруг ответной трели взлёт...
В закатный час в сыром овраге
Два соловья скрестили шпаги.
Порыв и натиск — чья возьмёт.
И каждый миг певуч, крылат...
Два певчих рыцаря клянутся:
Погибнуть — значит захлебнуться
В потоке трелей и рулад.

* * *

Такие сны бывают редко.
Во сне моём любая ветка
Роняет лист, едва задену.
Сбивает ветер листья в пену
И эту пену золотую
Возносит на гору крутую.
И коль взойдёшь на эту гору,
Откроется такое зору,
Что не расскажешь, как ни бейся.
Смотри и плачь. Смотри и смейся.

* * *

Пью этот воздух натошак,
По капле на желудок тощий...
Он окружён прозрачной рощей,
Весенней рощей, — мой очаг.
Глаза открою — птичий гам,
И по мгновениям летящим
Веду движением скользящим,
Как пальчиком по позвонкам.
Не кистью, не карандашом,
А только оголённым нервом
Соприкасаюсь с мигом первым,
Где тайна бродит нагишом.

* * *

Осыпающийся сад
И шмелиное гуденье.
Впереди, как сновиденье,
Дома белого фасад.
Сад, усадьба у пруда,
Звук рояля, шелест юбки...
Давней жизни абрис хрупкий,
Абрис зыбкий, как вода,
Лишь в душе запечатлён.
Я впитала с каплей млечной
Нежность к жизни быстротечной
Ускользящих времён...

* * *

И звучит средь вселенского хаоса
Венский вальс Иоганнеса Штрауса:
Два-три-раз, два-три-раз, два-три-раз,
И мороча, и радуя нас.

На планете, сто раз искалеченной
И концлагерным номером меченной,
Венский вальс — старомодное па...
Вера вечна, надежда слепа.

Мир прекрасен любовью и взлетами —
Уверяют валторны с фаготами.
Мир пленителен — вторит гобой.
Мой любимый, станцую с тобой.

* * *

А если праздник по душе,
То празднуй всё: и зной, и ливень,
И будет праздник непрерывен,
Как рай с любимым в шалаше.
И ночь, укрывшая двоих,
И на ветру гудящий провод,
И стук колёсный — чем не повод
Для скромных праздников твоих.

* * *

Кукушкины слёзки, кукушкины слёзки.
В названьи — печальной судьбы отголоски.
Кукушкины слёзки — названье травинки.
Кругом ни единой родимой кровинки.
Не знает кукушка, с кем связана кровно.
И капают слёзы — виновна, виновна,
Виновна, виновна, что племени-роду,
Где больше детей своих любят свободу.

* * *

И троп извилистых тесьма,
И ярко вспыхнувшие маки —
Есть неразгаданные знаки
К нам обращённого письма.
И эти листья, и трава,
И подорожник, и кузнечик —
Какой-то потаённой речи
Невероятные слова.

И стебли, льнущие к руке,
И куст, зардевший гроздью красной, —
Есть разговор большой и страстный
На непостижном языке.

* * *

Ах, куртуазный давний век!
Ах, чинный танец сарабанда.
Каким стремительным глоссандо
Нежданный гений взял разбег,
Взорвав устойчивый покой,
Нарушив церемонный танец...
Наглец, смельчак и самозванец —
Откуда он и кто такой?
Пылает за полночь свеча,
Под чутким пальцем клавиш плачет.
Он этот мир переиначит,
Совсем о том не хлопоча.
Бесценный дар — его вина.
За это ждёт его награда:
Бессмертие и капля яда
В бокале терпкого вина.

* * *

Будто я Шехерезада,
И слагать стихи мне надо,
Потому что лишь слова
Мне дают на жизнь права.
Я о слове так радею,
Будто, если оскудею,
Замолчу, теряя нить,
Повелят меня казнить.

* * *

Когда отчётливы приметы
Того, что стар и одиноч,
Пиши чеканные сонеты —
Сонетов царственный венок.

Когда дела идут к закату
И руки скованней в кистях,
Играй воздушную сонату
Прозрачной формы в трёх частях.

* * *

Итак, место действия — дом на земле,
Дорога земная и город во мгле.
Итак, время действия — ночи и дни,
Когда зажигают и гасят огни
И в зимнюю пору, и летней порой.
И, что ни участник, то главный герой,
Идущий сквозь сумрак и свет напролом
Под небом, под Богом, под птичьим крылом.

1984

* * *

Смертных можно ли стращать?
Их бы холить и прощать,
Потому что время мчится
И придётся разлучиться,
И тоски не избежать.
Смертных можно ль обижать,
Изводить сердечной мукой
Перед вечною разлукой?

* * *

Спасает историю от перегрузки
Процесс неизбежный усушки-утруски:
От древних этрусков лишь несколько ваз
Вполне сохранились и радуют глаз.

И как это мало. И как это много.
Трудна и превратна сквозь время дорога,
Тропа, по которой несут и несут
С диковинной росписью хрупкий сосуд.

* * *

И эта жизнь идёт к концу:
Родная тётка по отцу
Давно больна и тихо тает,
И письма старые листает,
С пожухлой пачки сняв тесьму.
И я склоняюсь с ней к письму
Отца, погибшего на фронте.
И не попросишь: «Вы не троньте
Моих последних стариков», —
У неприветливых веков.
И рушатся миры и узы.
Погибший у реки Вазузы,
Отец погибнет вновь, когда
Умрёт она, сквозь все года
Пронёсшая тоску по брату...
И если посмотреть на дату,
В углу письма видны едва
Две стёртых цифры: «42».

* * *

Старинный том и стул хромой,
И оттоманка с бахромой.
На снимке дед в годах цветущих —
Ты поколений предыдущих
Всегда наследник по прямой.
Не узурпатор и не тать —
Ты должен собственником стать
Чудного пёстрога наследства,
Письма заветного и средства,
Как всё наследство промотать,

Спустить и вылететь в трубу,
Покуда предок спит в гробу,
Чтобы потом в случайном доме
Найти письмо в чужом альбоме
И плакать, закусив губу.

* * *

Безумец, что затеял?!
Затеял жить на свете.
И кто тебе наваял
Блажные мысли эти?
Затея невозможна.
Почти невыполнима.
Любая вежа ложна,
Любая данность мнима.
Скажи, тебе ли впору
Раздуть под ливнем пламень
И на крутую гору
Вкатить Сизифов камень,
Того, кто всех дороже,
Оплакивать на тризне?
И ты воскликнул: «Что же
Бывает кроме жизни?»

* * *

Предчувствуя близость последних минут,
Те двое со страхом друг к другу прильнут.
И кончится драма. Погаснет экран.
Героям сердечных не вылечить ран.
И новая драма из многих частей
Других поместит в эпицентр страстей.
И нового дня освещённый квадрат
Потребует новых душевных затрат,
Прикажет, чтоб кто-нибудь дни напролёт
Всё бился и бился как рыба об лёд,
На веру приняв, что иначе нельзя...
Куда ж ты, по наледи тонкой скользя,
Куда, не испив этой чаши до дна,
По наледи тонкой уходишь одна,
Уходишь, кому-то шепнув на ходу:
«Иное написано мне на роду».

* * *

Что мир без междометий,
Без этих «ох» да «ах»?
Как жил на белом свете,
Поведай в двух словах.
Пожар, мороз по коже
И дрожь ветвей нагих,
И шепчешь: «Боже, Боже», —
Не помня слов других.

* * *

Переполнена чаша терпения.
Воды вешние в точке кипения.
И с откоса стекают, бурля
И вскипая. И вешнее пение
За пределами верхнего ля.
Я сбегая с откоса. Мне весело,
Будто целую жизнь куролесила,
То танцую, то слёзы лия,
Будто лишь окрыляла — не весила
Многолетняя ноша моя.

* * *

Маме

Прости меня, что тает лёд.
Прости меня, что солнце льёт
На землю вешний свет, что птица
Поёт. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьётся след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Всё зацветёт. Прости, родная.

* * *

Пережди, говорят, пережди этот ливень.
Только как переждёшь, если он непрерывен.
Я навстречу дождю выхожу из укрытья
И, сливаясь с дождём, становлюсь его нитью,
Чтоб, как он, обладать неотъемлемым правом
Припадать, припадать к этим листьям и травам,
К чьим-то лицам, плечам. Но как ливня частица
Я боюсь, что умру, если он прекратится.

* * *

Кругом зелёная завеса,
И слово не имеет веса,
И небеса легки на вес...
Семь вёрст сегодня до небес,
До голубых и невесомых.
Живу в немыслимых хоромаш,
Где вместо стен и потолка —
Воздухоносные шелка,
Зелёные и голубые.
Что ни скажу, слова любые
Уносит ветром. И летят
Мои слова, куда хотят.
Коль ты услышал и ответил,
Коль бросил пару слов на ветер,
Июньский ветер — наш гонец —
Мне передаст их наконец.

* * *

И как писать на злобу дня,
Коль занесла судьба меня
Туда, где ни малейшей злобы —
Лишь милосердье высшей пробы,
Лишь милосердье и добро,
Лишь золото и серебро,
Густые утренние росы
И в жёлтых лютиках откосы...
В такие веси занесла,
Где я живу, не помня зла.

* * *

Чем всё кончится? Чем? Листопадом,
Шелестящим заброшенным садом,
Спелым яблоком, пенъем скворца.
Это значит, что нету конца.
Есть предел или нету предела —
Птица крыльями ветку задела,
Солнце тронуло землю лучом,
Ты ко мне прикоснулся плечом.

* * *

Второе августа. Прекрасно.
По сводкам солнечно и ясно.
Короче день на два часа.
Ну, а по слухам, ежечасно
Ярится будут небеса.
К полудню вспыхнули зарницы.
Едва успев посторониться,
Я вижу: мчится среди дорог
На озарённой колеснице,
Дыша огнём, Илья-пророк.

* * *

Преходящему – вечности крылья,
Ветра вольного, света обилье,
Устремленья кочующих стай.
От подробностей душных засилья
Улетай, улетай, улетай.

День текущий – забота о гнёздах.
День текущий – страда, но и роздых
На совсем беспредельном пути.
Преходящему – вечности воздух.
Улетай – и лети, и лети.

Из текущего произрастая,
Поднимайся туда, где густая
Синь небесная и облака,
Косяком перелётная стая
И века, и века, и века.

* * *

Цветы на окнах и в руках,
В садах. Цветы в огромных дозах...
Да он заиклился на розах,
На лютиках и васильках.

Сирень, акация, сирень...
И как ему не надоело?
Мешает краски то и дело
И пишет каждый божий день

То золотистый лепесток,
То одуванчик, ставший пухом,
Художник знает не по слухам,
Что мир безумен и жесток.

Но краска чистая густа...
И снова, точно заклинанье,
Цветы, цветы, окно с геранью
И свод небесный в полхолста.

* * *

Ещё холстов, холстов и красок,
Для цветowych, бесшумных плясок,
Ещё холстов, ещё холстов
Для расцветающих кустов
И осыпающихся снова,
Для неба чёрного ночного,
К утру меняющего цвет...
Ещё холстов, и сил, и лет.

* * *

Лист движением нежным
Прикоснулся к плечу.
Ни о чём неизбежном
Я и знать не хочу,
Кроме тихой рутины
Быстротечного дня
С волоском паутины
На пути у меня.

* * *

Дождь осенний моросил,
Лист пылающий гасил,
Чтоб при сумеречном свете,
В дольний мир забросив сети,
Укачать в большой сети
Всех настигнутых в пути,
Укачать в сети бездонной
Колыбельной монотонной.

* * *

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что всё рассеется потом,
Уйдёт, разрушится и канет,
И отомрёт, и сил не станет
Подумать о пережитом.

1985

* * *

По какому-то тайному плану
Снег засыпал и лес, и поляну,
Берега водоёмов и рек.
Скоро кончится нынешний век,
Век двадцатый с рожденья Христова...
А пока половина шестого
Или где-то в районе шести.
И, часы позабыв завести,
Занят мир увлекательным делом —
Тихо пишет по белому белым.

* * *

Вся эта груда, громада, нелепица,
Всё это чудо над пропастью лепится.
Ни уклониться, ни в сторону броситься.
Малое дитячко на руки просится.
С ним на руках за Сикстинской Мадонною
Медленно следуем в пропасть бездонную.

* * *

До чего регламент жёсткий.
Только вышел на подмости,
Произнёс: «to be or not...» —
Как уже попал в цейтнот,
И осталось на решение,
На победу и крушенье,
Колебание и бунт —
Пять стремительных секунд.

* * *

Церемония ранних часов,
Звон посуды и шум голосов,
Умывание сонного чада.
Неизменность простого обряда,
Повторение жизни с азов,
С ранних проблесков, с первых минут,
С тех, к которым доверчиво льнут...
И заклатьем от гибельных сроков —
На стене расписание уроков:
География, чтение, труд...

* * *

Легко проделав путь обратный
К шумеру с бородой квадратной,
Учи историю, дитя,
Через столетия летя,
Через столетия вприпрыжку,
Как через тоненькую книжку,

Через Египет, Вавилон,
Подъём, падение, полон.
Лети, орудуя веками,
Эпохами, материками,
Мирами всеми, чтоб потом
С великим постигать трудом
Сердцебиение и вздохи
Одной-единственной эпохи.

* * *

Телячьи нежности. Позор —
Все эти нежности телячьи,
Все эти выходки ребячьи,
От умиленья влажный взор.

Спешу на звук твоих шагов,
Лечу к тебе и поневоле
Смеюсь от счастья. Не смешно ли
Так выходить из берегов?

Неужто столь необорим
Порыв в разумном человеке?..
Но не стыдились чувства греки,
Стыдился чувств брутальный Рим,

Который так и не дорос
До той возвышенной морали,
Когда от счастья умирали,
Топили горе в море слёз.

* * *

Отцу

Письмо, послание, прошение
От потерпевшего крушение.
Письмо, послание, призыв
От гибнущего к тем, кто жив.
Из заточенья, из неволи
Сигнал смятения и боли,
Мольба, отчаяние, крик...
Я устремилась напрямик
На голос тот. Но вышли сроки,
Оставив выцветшие строки
Про горе и малютку-дочь...
Мне сорок пять. И чем помочь?

* * *

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара,
А на ней юнцов орава —
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата —
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжело виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

* * *

Жить сладко и мучительно,
И крайне поучительно.
Взгляни на образец:
У века исключительно
Напористый резец,
Которым он обтачивал,
Врезался и вколачивал,
Врубался и долбил,
Живую кровь выкачивал,
Живую душу пил.

* * *

Слово — слеза, но без соли и влаги.
Слово — огонь, не спаливший бумаги.
Слово — условно, как поза и жест:
Любят и гибнут, не сдвинувшись с мест.
Слово надежды и слово угрозы,
Точно скупые античные позы...
Дело зашло за порог болевой.
Вот и свидетельство боли живой:
Десять попарно рифмованных строчек
С нужным количеством пауз и точек.

* * *

Перебрав столетий гряду,
Ты в любом найдёшь Иуду,
Кровопийцу и творца,
И за истину борца.
И столетие иное
Станет близким, как родное:
Так же мало райских мест,
Те же гвозди, тот же крест.

* * *

Это всё до времени,
До зари, до темени,
До зимы, до осени,
До небесной просини.
Вздумаешь отчаяться,
А оно кончается.
Вздумаешь надеяться,
А оно развеется.

* * *

Легко, на цыпочках, шутя...
Душа — младенец. Мир — дитя.
Рассвет наивен. Ветер юн.
Сменилось только десять лун
Со дня творенья. Вечность — миф.
Душа, себя обременив
Лишь сновиденьями, для снов
Ещё не выдумала слов.

КАРТИНА ПИРОСМАНИ

Тихо заняли места,
К долгой трапезе готовы:
Позы чинны и суровы,
Скатерть белая чиста.

Медлит с чашею рука.
Всё возвышенно и строго.
Потечёт вино из рога,
Потечёт из бурдюка.

Славьте, добрые мужи,
Живописца из Кахети.
Без него ушли бы в нети
Эти ваши кутежи.

Лишь по милости его
Вы, подняв большие роги,
Ясноликые, как боги,
Живы все до одного.

* * *

Небо к земле прилегает неплотно.
В этом просвете живём мимолётно,
И, попирая земную тщету,
Учимся жизнь постигать на лету,
Чтоб надо всем, что ветрами гасимо,
Стёрто, повержено, прочь уносимо,
Духу хватило летать и летать,
И окрыляться, и слёзы глотать.

* * *

Концерт для ветра и берёз...
В ударе ветер-виртуоз,
Смычки берёз подвижной ртути,
И под ликующее «tutti»
Летит листвы сплошной поток.
И снова шорох, шепоток.
Всё то, чем осень одержима,
Играют нынче без нажима,
Любой порыв слегка гася,
Прекрасно зная, что не вся
В нём жизнь. И музыка простая
Звучит, себя перерастая.

* * *

Тёмный холст, а слева свет.
Слева слабое свечение.
Там счастливого стеченья
Обстоятельств свежий след.
Слева краешек небес,
Еле видимая дверца,
Слева трепетное сердце,
Вечно ждущее чудес.

* * *

О пленительная эра,
Время летнего пленэра.
Так и тянет рисовать,
В рамки строгого размера
Вдохновенье фасовать,

Не заметив в зарисовке
Ворожбу души-бесовки,
Выдающей за пейзаж
Плод невольной подтасовки
И фантазию, и блажь,

Не заметив, что часами,
Окружив себя лесами,
Рисовал не пруд в тиши
И не землю с небесами,
А вселенную души.

* * *

Нам выпало счастье, не так ли,
Участвовать в дивном спектакле,
Что тянется дни напролёт.
В нем есть романтизма налёт,
И страсти пока не иссякли...
А нынче идёт пастораль,
Проста и прозрачна мораль,
Чисты простодушные краски,
И смотрят анютины глазки
В почти безмятежную даль.
Сегодня, в который уж раз,
Луч солнца направлен на нас,
И в сценке, пронизанной счастьем,
Поставленной с нашим участием,
Мы счастливы не напоказ.

* * *

Близость фауны и флоры,
Птичьи хоры и просторы
От зари и до зари.
Жизни вечные повторы.
Повтори же, повтори,
Повтори: река да ива...
Нет привычнее мотива,
Нет музыки новей,
Чем опять река да ива,
Речка, ива, соловей...
Повторяться — как молиться...
Снова облако да птица
Проплывают вдалеке,
Успевая повториться
В немутнеющей реке.

* * *

Это все твоё. Бери:
Снегопады до зари,
Снегири, пруды, аллеи —
Все твоё. Бери смелее,
Коли знаешь, как сберечь
Жизни сбивчивую речь,
Из каких волокон прочных
Сделать сеть для дней проточных.

* * *

Торопиться – грех большой.
Так не стойте над душой,
Улетайте, дни и годы.
В вечной гонке нет свободы.
Потихоньку, по шажку,
По зелёному лужку
Или в час по чайной ложке
По нехоженой дорожке
Обойдём весь белый свет,
Постигая вкус и цвет,
Упиваясь каждой краской,
Как дитя любимой сказкой.

* * *

Картина рисована примитивистом:
Узор чёрно-белый на фоне лучистом,
На фоне лучистом простейший узор:
Две снежные ветки, меж ними зазор.
По белому чёрным написано ясно,
Что мир изначально устроен прекрасно,
Прекрасно и просто, совсем без затей –
Из тёмных деревьев и светлых путей.

* * *

Короче говоря...
Ещё, ещё короче,
Короче летней ночи,
Прозрачней, чем заря,
Яснее ясных гроз,
Словами, точно вспышка,
Скажи – и передышка
Для выдоха и слёз.

*А между тем
1986–1994*

* * *

*И проступает одно сквозь другое:
Злое и чуждое сквозь дорогое,
Гольная правда сквозь голый муляж,
Незащищённость сквозь грубый кураж,
Старый рисунок сквозь свежую краску,
Давняя горечь сквозь тихую ласку,
Сквозь безразличие жар и любовь,
Как сквозь повязку горячая кровь.*

1986

* * *

Коль поглядеть, когда рассвет,
На берег чистый,
Увидишь ярко-жёлтый цвет
И золотистый.

Увидишь иву над рекой
И две берёзы —
Ненарушаем их покой,
Прозрачны слёзы,

И добавляет листопад
Свеченья миру.
И коль на самый светлый лад
Настроить лиру,

То можно петь о том, как след
Живёт и тает,
Как ярко вспыхивает свет
И пропадает.

* * *

Смятение чувств и акцентов смещение,
И мелочи тон задают без смущенья,
И более вечности значит мгновенье,
И разум выходит из повиновенья.
В творящемся хаосе и свистопляске
Душа близорукая путает краски...
Грядущие жители оста и веста
Нас после рассудят, поставив на место
И дав всем деяниям нашим оценку,
Но душу отдам за короткую сценку,
Ещё не лишённую дивной ошибки,
Беспомощных слёз и случайной улыбки.

* * *

Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться,
Чтоб там небывалым вещам поразиться.
Но можно остаться меж явью и сном
В засыпанном снегом массиве лесном,
Где каждая веточка занята делом —
Дрожит на ветру в одеянии белом,
В наряде, прошитом сплошным серебром.
И, снега коснувшись легчайшим пером,
Свои мимолетные, ломкие строки
На белом снегу начертали сороки.

* * *

Скажи мне: «Не спеши».
Скажи: «Пред нами вечность.
Целительна беспечность
Для тела и души».
Скажи мне: «Отдохни».
Скажи: «Живому роздых
Необходим, как воздух,
Как солнечные дни».
Скажи мне: «Благодать
На белом свете будет.
Никто нас не принудит
Ни плакать, ни страдать.
И вместо крестных мук
Наступят рай и лето».
Скажи, что ты про это
Узнал из первых рук.

* * *

Пахнет мятой и душицей.
Так обидно чувств лишиться,
Так обидно не успеть
Все подробности воспеть.
Эти травы не увидеть —
Всё равно, что их обидеть.
Позабить живую речь —
Всё равно, что пренебречь
Дивной музыкой и краской.
Всё на свете живо лаской.
Жизнь, лишённую брони,
Милосердный, сохрани.

* * *

Роза, жасмин и шиповник, и роза...
В этом избытке для жизни угроза.
Роза, жасмин и шиповник — богатство,
Роскошь и пир, и почти святотатство.
Господи Боже, не дай насыщенья.
Слишком обильно твоё угощенье.
Слишком обильно и пышно, и сдобно.
Яство такое едва ли съедобно.
Роза, жасмин и шиповник, и роза —
Чуда земного смертельная доза.
Для вдохновенья и счастья, и боли
Нам бы хватило и тысячной доли.

* * *

Я гуляю по росе
Где-то в средней полосе.
По росе ступаю чистой,
Рядом лютик золотистый.
И под самую пятой
Тоже лютик золотой.
И нигде не знает края
Середина золотая.

* * *

Но только не спеши вторгаться,
Негодовать иль восторгаться,
Хулить и славить не спеши,
Вступая в мир чужой души,
В тот мир, который тих и тёмн,
Непредсказуем и огромен,
Таинствен и неповторим,
Почти как Греция и Рим.

* * *

Представь: осталось полчаса
Глядеть на эти небеса,
На небосвод, нависший низко.
Земная временна прописка.
Осталось несколько минут.
Мгновенья ластятся и льнут,
И просят, муча и тревожа:
«Скажи, которое дороже».

* * *

Писал, не покладая рук,
Китайский мастер свой бамбук,
Писал бамбук, цветок и птицу —
Вселенной малую крупицу.
Писал и днём, и при звезде,
Всегда и всюду, и везде
Сосредоточенно, прилежно,
Холста касаясь кистью нежно,
Бамбук и птицу, и цветок —
Начало жизни и итог.

* * *

Нам август, уходя, позолотил пилюлю:
Позолотил листву, скользнул лучом по тюлю
В распахнутом окне, прошелестел садами
И одарил сполна сладчайшими плодами,
Чтоб мы вкусили миг разлуки горько-сладкий;
Позолотил строку в исписанной тетрадке,
Где маются слова, тире и запятые
В попытке удержать мгновенья золотые.

* * *

Летучий слог, легчайшее перо,
Подаренное птицей поднебесной
И с высоты слетевшее отвесной...
Не верьте, будто всё как мир старо.
Младенец-мир младенчески раним.
Наитие, любовь и вдохновенье
Творят миры в кратчайшее мгновенье:
Один, другой и третий вслед за ним.
Те рождены сегодня, те вчера
Сотворены неповторимым слогом,
А те, едва замысленные Богом,
Ещё висят на кончике пера.

* * *

Но душе нельзя без корма.
Коль ничтожна пищи норма
И дана сухим пайком,
Всё, что нужно для прокорма,

Сыщет, бедная, тайком.
И найдёт, подобно птице,
Два глотка живой водицы,
Вечной радости зерно,
Вечной истины крупицы
Там, где глухо и черно.

* * *

И через влажный сад, сбивая дождь с ветвей,
Через шумящий сад, где вспархивает птица,
Бежать вперёд, назад, вперёд, левой, правой,
Вслепую, наугад, чтоб с кем-то объясниться...

Что, кроме бедных слов, останется в строках?
Твержу: «Затмение, бред, безумие, затмение...»
Сладчайшая из чаш была в моих руках,
И ливня и ветров не прекращалось пенье.

Лишь тот меня поймёт, кто околдован был,
В ком жив хотя бы слог той повести щемящей,
Кто помнит жар и лёд, кто помнит, не забыл,
Как задохнуться мог среди листвы шумящей.

* * *

Высота берётся с лёту –
Не поможет ни на йоту,
Если ночи напролёт
До измоту и до поту
Репетировать полёт.

Высота берётся сходу.
Подниматься к небосводу
Шаг за шагом день и ночь –
Всё равно, что в ступе воду
Добросовестно толочь.

Высота берётся сразу.
Не успев закончить фразу
И земных не кончив дел,
Ощувив полёта фазу,
Обнаружишь, что взлетел.

1987

* * *

Идти на убыль не пора:
В смоле сосновая кора,
Сегодня солнечно и сухо,
И песнь, приятная для слуха,
Звучнее нынче, чем вчера;
И птица кончиком крыла
Черкнула на озёрной глади,
Что мы живём лишь Бога ради,
И взмыла в небо, как стрела.

* * *

Первее первого, первее
Адама, первенец, птенец,
Прими, не мучась, не робя
Небесной радуги венец.
Живи, дыши. Твоё рождение,
Как наваждение, как обвал.
Тебе – снегов нагромождение,
Тебе – листвы осенней бал
И птичьи песни заревые,
И соло ливня на трубе,
И все приёмы болевые,
Что испытают на тебе.

* * *

Мой любимый рефрен: «Синь небес, синь небес».
В невесомое крен, синевы перевес
Над землёй, над её чернотой, маемой.
Я на той стороне, где летают. На той,
Где звучит и звучит мой любимый напев,
Где земля с небесами, сойтись не успева,
Разошлись, растеклись, разбрелись – кто куда...
Ты со мною закинь в эту синь невода,
Чтобы выловить то, что нельзя уловить,
Удержать и умножить, и миру явить.

* * *

Сколько напора и силы, и страсти
В малой пичуге невидимой масти,
Что распевает, над миром вися.
Слушает песню вселенная вся.
Слушает песню певца-одиночки,
Ту, что поют, уменьшаясь до точки,
Ту, что поют на дыханье одном,
На языке, для поющих родном,
Ту, что живёт в голубом небосводе
И погибает в земном переводе.

* * *

Мы одержимы пеньем.
И вновь, в который раз,
Ты с ангельским терпеньем
Выслушиваешь нас.
О слушатель незримый,
За то, что ты незрим,
От всей души ранимой
Тебя благодарим.
Чего душа алкала —
Не ведает сама.
От нашего вокала
Легко сойти с ума.
Но ты не утрашился
И, не открыв лица,
Нас выслушать решился
До самого конца.

* * *

Чёрный клавиш. Ночная тоска.
Беззащитней того волоска,
На котором висит мирозданье,
Звук, похожий на чьё-то рыданье...
Скоро утро. Развязка близка.
Скоро утро. Развязка — фантом.
Белый клавиш расскажет о том,
Чем богаты дневные мгновенья.
В этой музыке всё откровенье
О текущем и пережитом.
Что за музыка, Боже ты мой!
Вместо паузы глухонемой —
Краткий выдох, секунда молчанья
И звучанье, звучанье, звучанье
До скончания жизни самой.

* * *

Мелким шрифтом в восемь строк
Про арест на долгий срок,
Про ежовщину и пытки,
Про побега две попытки,
Про поимку и битьё,
Про дальнейшее житьё
С позвоночником отбитым —
Сухо, коротко, петитом.

* * *

Так пахнет лесом и травой,
Травой и лесом...
Что делать с пеплом и золой,
С их лёгким весом?
Что делать с памятью живой
О тех, кто в нетях?
Так пахнет скошенной травой
Июньский ветер...
Так много неба и земли,
Земли и неба...
За белой церковью вдали
Бориса — Глеба...
Дни догорают не спеша,
Как выйдут сроки...
Твердит по памяти душа
Все эти строки.

* * *

Идёт безумное кино
И не кончается оно.
Творится бред многосерийный.
Откройте выход аварийный.
Хочу на воздух, чтоб вовне
С тишайшим снегом наравне
И с небесами, и с ветрами
Быть непричастной к этой драме,
Где всё смешалось, хоть кричи,
Бок о бок жертвы, палачи

Лежат в одной и той же яме
И кое-как, и штабелями.
И слышу окрик: «Ваш черёд.
Эй, поколение, вперёд.
Явите мощь свою, потомки.
Снимаем сцену новой ломки».

* * *

Я вас люблю, подробности, конкретные детали.
Ведь вы меня с младенчества, с рождения питали.
Я вас люблю подробности, земные атрибуты.
Без вас существования не мыслю ни минуты.
Люблю тебя, шершавая и нежная фактура,
Земная ткань звучащая — моя клавиатура.
Лишь находясь пожизненно с тобой в контакте тесном,
Могу любить возвышенно и думать о небесном.

* * *

Подай мне реплику, трава.
Подай мне реплику, дорога.
Быть может, форма диалога
Поможет мне найти слова.
Вот ветер что-то на бегу
Пролепетал и скрылся в кроне.
А тот, кто держит на ладони
Весь мир звучащий, — ни гугу.

* * *

Поющий циферблат. Крылатые часы.

— Скажи, который час?

— Час утренней росы.

Час утренней росы и птичьих голосов.

Волшебные часы. Точнее нет часов.

— Живя по тем часам, скажи, который час?

— Тот самый, заревой, когда Всевышний спас

Нас, грешных, от тоски, вручив бесценный клад:

Крылатые часы, поющий циферблат.

* * *

В тишине тону с головкой,

Растворяюсь без остатка:

Чем-то божию коровку

Привлекла моя тетрадка:

Тихо ползает по строчкам,

По словам моим корявым,

Как по сучьям и по кочкам,

По соцветиям и травам.

Будто это всё едино,

Будто всё одно и то же:

Длинной строчки середина,

Слово, стебель, цветоложе.

Будто те ж лучи живые

И одни земные соки

Кормят травы полевые

И питают эти строки.

* * *

А я ещё живу, а я ещё дышу,
У вас, друзья мои, прощения прошу
За то, что не могу не обращаться к вам
И вы опять должны внимать моим словам.
Прощения прошу у ночи и у дня
За то, что тьму и свет изводят на меня,
Прощения прошу у рек и берегов
За то, что им вовек не возвращу долгов.

1988

* * *

В эпицентре тоски и страдания,
Где затихни — услышишь рыданье,
В двух шагах от кровавой резни,
Неустанной и злобной грызни,
Возле пропасти, возле пожара,
На шершавой поверхности шара, —
Ставим стены, ребёнка растим
И страницами книг шелестим.

* * *

А за тьмою снова тьма,
За темницею — тюрьма,
За неволей — заточенье,
За мучением — мученье...
Но возможно или нет,
Чтоб за светом снова свет,
За сиянием — сиянье,
За добром — благодянье?

* * *

Всё угасает, чтоб вновь озариться,
Всё процветает, чтоб вновь разориться,
Всё зачинает, чтоб вновь погубить...
Ангел мой ласковый, дай долюбить.
Разве затем и закаты, и зори,
Дробь соловья и черёмухи море,
Дней разномастных несметную рать
Ты подарил, чтобы всё отобрать?

* * *

О Господи, опять спешу и обольщаюсь,
В короткий зимний день никак не умечаюсь
И забегая в те грядущие мгновенья,
Где ни души пока, ни ветра дуновенья,
Ни звука, ни звезды, ни утра полыханья,
Но где уже тепло от моего дыханья.

* * *

На влажном берегу, на пенистой волне,
Среди дремучих трав, под градом звёзд падучих,
В бушующей листве, в её шумящих тучах —
В мирах, для бытия приемлемых вполне,
Живу, незримый груз пытаюсь передать,
Неведомо кому шепчу: «Возьмите даром
Мой праздник и Содом, тоску и благодать,
Мороку и мороз, граничащий с пожаром».
Неужто мой удел — качать колокола
Во имя слов чудных и нечленораздельных,
Не лучше ли молчать, как глыба, как скала,
О радостях земных и муках беспредельных...
Вот ветер пробежал по чутким деревьям,
И сладостно внимать их скрипу и качанью...
О Боже, научи единственным словам,
А коль не знаешь как, то научи молчанью.

* * *

Bring out your dead

Предъявите своих мертвецов:
Убиенных мужей и отцов.
Их сегодня хоронят прилюдно.
Бестелесных доставить нетрудно.
Тени движутся с разных концов.
Их убийца не смерч, не чума —
Диктатура сошедших с ума.
Их палач — не чума, не холера,
А неслыханно новая эра,
О которой писали тома.
Не бывает ненужных времён.
Но поведай мне, коли умён,
В чём достоинство, слава и сила
Той эпохи, что жгла и косила
Миллионы под шелест знамён.

* * *

О том и об этом, но только без глянца,
Без грима и без ритуального танца.
О зле и добре, красоте и увечье...
Из нежных волокон душа человечья,
Из нежных волокон и грубого хлама...
Мы все прихожане снесённого храма,
Который, трудясь, воздвигали веками,
Чтоб после разрушить своими руками.

* * *

Давайте отменим вселенскую гонку.
Давайте прокрутим назад кинолентку.
Пусть нас обратно к истокам снесёт,
Покуда пространство совсем не всосёт,
Заставив в безвременьи ждать воплощенья.
Нам нету пощады и нету прощенья.
Нам было пространство и время дано,
А мы показали плохое кино.
За то, что плохое кино показали,
Достойны того, чтобы нас наказали.
Коль ленты не в силах придумать иной,
Пусть длится безмолвие в вечность длинной.

* * *

— Откуда ты родом,
Идущий по водам
Дорогою вешней?
— Я — местный, я — здешний.
Я — здешний, я — местный,
Я — житель небесный,
Шагающий к дому
По небу седьмому.

* * *

Сплю ногами к полю,
К лесу головой.
Окнами на волю
Дом мой угловой.
Покачнулась койка...
Скрипнули полы...
Лёгкая постройка...
Тонкие стволы...
Над стволами гроздя
Звёздные в ночи...
А за печкой гвоздик,
А на нём ключи:
Этот от сарая,
Этот от ворот,
От земного рая
Неказистый тот.

* * *

Не бывает горше мифа,
Чем про бедного Сизифа.
Все мы летом и зимой
Катим в гору камень свой.
Не бывает хуже пытки,
Чем никчёмные попытки,
Зряшний опыт болевой,
Труд с отдачей нулевой.

1989

* * *

Из пышного куста акации, сирени,
Где круто сплетены и ветви и листва,
Из пышного куста, его глубокой тени
Возникли мы с тобой, не ведая родства.
Дышало всё вокруг акацией, сиренью,
Акацией, грозой, акацией, дождём...
Ступив на первый круг, подавшись нетерпению,
Пустились в дальний путь. Скорей. Чего мы ждём?
И каждый божий день — посул и обещанье.
И каждый божий день, и каждый новый шаг.
Откуда же теперь тоска и обнищанье,
Усталость и тоска, отчаянье и мрак?
А начиналось так: ветвей переплетенье
И дышит всё вокруг сиренью и грозой,
И, видя наш восторг, шумит листва в смятенье,
И плачет старый ствол смолистою слезой.
Неужто лишь затем порыв и ожиданье,
Чтоб душу извели потери без конца?
О, ливень проливной и под дождём свиданье,
О, счастье воду пить с любимого лица.

* * *

Возвращаемся на круги своя,
Наболевшее от других тая.
А захочется поделиться вдруг,
Не поймёт тебя даже близкий друг.
Он и сам в беде, он и сам в тоске,
Он и сам почти что на волоске.
Тянешь руки ты, тянет руки он,
А доносится только слабый стон.
И когда молчим, и когда поём —
Каждый о своём, каждый о своём.

* * *

С тобою нянчатся с рожденья,
С тобою носятся.
Короткий вздох и пробужденье.
Разноголосица.
Разноголосица, рулада,
Стволы качаются.
Лепечет ласковое чадо —
И не кончаются
Земная сладкая морока,
Земные хлопоты.
И нету гибельного срока,
Целебны опыты...
Пыля, качаются серёжки
Ольхи, орешника...
И нет на свете мелкой сошки,
Плута и грешника,

А есть желанное до боли
Творенье Божие,
Для лучшей созданное доли,
С Творящим схожее.

* * *

Если что-то мне и светит,
Это солнце в небесах.
Если кто-то путь мой метит,
Это стрелка на часах.
Если кто со мной и спорит,
Это ветер на реке.
Если кто-то мне и вторит,
Это эхо вдалеке.
И никто меня не манит,
Я сама сюда спешу,
В тишину, в которой канет
Всё, чем маюсь и дышу.

* * *

Светлые помыслы, светлые сны,
Снежные лапы пушистой сосны...
Преображение, час снегопада,
Рай сотворивший из сущего ада.
Действо, в собор превратившее хлев,
Время, на милость сменившее гнев,
Этих утешило, тех исцелило,
Белое чистое всем постелило...
В зимние сумерки свет потуши
И обнаружишь свеченье души.

* * *

Это только первый свет.
Есть ещё второй и третий,
Нас спасающий от нетей
И сводящий ночь на нет.

Это только первый свет,
Только робкая попытка,
Лишь светящаяся нитка,
Только света беглый след.

Это только слабый знак,
Лишь намёк, предположенье,
Что потерпит поражение
На земле царящий мрак.

* * *

И в чёрные годы блестели снега,
И в чёрные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных веди,
Деревья вишнёвые нежно цвели,
Качались озёрные воды
В те чёрные, чёрные годы.

* * *

Срывание масок, сдиранье бинтов
Под скрежет разболтанных старых винтов.
Во зло ли всё это, во благо?
Куда ты летишь, колымага?
Давно мы загнали своих лошадей.
Во всём, говорят, виноват иудей.
Кого мы ещё не назвали
Из тех, кто виновен в развале?
Летит колымага, а в ней мордобой.
Виновен картавый, виновен рябой.
Трясут и мотают телегу,
Летящую в пропасть с разбегу.

* * *

И в городе живя, оплакиваю город,
Который смят катком,
Бульдозерами вспорот.
И стоя у реки, оплакиваю реку,
Больную сироту, усохшую калеку.
Оплакиваю то, что раньше было рощей.
Оплакиваю лес, затравленный и тощий.
На родине живя, по родине тоскую,
По ней одной томлюсь, её одну взыскую.

* * *

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вежи земные,
За те, что не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой над кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребёнка.

* * *

И речи быть не может
О том, что Бог поможет.
Он сам разут и наг,
Лишён малейших благ,
Он сам гоним и болен.
И с мёртвых колоколен
Ни звука — немота
На долгие лета...
И век безумный длится,
И некому молиться.

* * *

Несовпадение, несовпадение.
О, как обширны земные владения,
О, как немислима здесь благодать.
Как ненавязчиво Божье радение,
Сколько причин безутешно рыдать!..

Жаждешь общения — время немотное.
Жаждешь полёта — погода нелётная.
Жаждешь ответа — глухая стена,
Воды стоячие, ряска болотная
Да равнодушная чья-то спина.
Что ж остаётся? Смириться да маяться,
Поздно прозреть, с опозданием раскаяться...
Вечный зазор меж тогда и теперь...
Кто-то к снесённому дому кидается,
Ищет в отчаяньи старую дверь.

* * *

О, в душу ввевшаяся норма —
Стихов классическая форма.
Кричу отчаянно и гневно,
А получается напевно.
Несу какой-то бред любовный,
А слышен только голос ровный.
Делюсь тоской своей полночной —
Выходят строки с рифмой точной.
Покуда пела, горевала,
Себя в стихах замуровала:
Ни слёз, ни мигов горько-сладких,
Лишь стены строк прямых и гладких.

* * *

Шуршат осенние дожди,
Целуя в темя.
Ещё немного подожди,
Коль терпит время.
Ещё немного поброди
Под серой тучей,
А вдруг и правда впереди
Счастливый случай,
И всё текущее не в счёт —
Сплошные нети.
А вдруг и не жил ты ещё
На белом свете,
Ещё и музыка твоя не зазвучала...
Надежду робкую тая,
Дождись начала.

* * *

А лес в шелку зелёном
И в искрах золотистых...
Умрёшь неутолённым
В один из дней лучистых.
Умрёшь влюблённым в осень,
В её этап начальный,
В поскрипыванье сосен,
В осенний пир печальный.
Пируй же, нищий духом,
И можно ли поститься,
Когда над самым ухом
Поют и дождь, и птица.

А ты, не насыщаясь
(И этот дар чудесен),
Как будто бы прощаясь,
Всё просишь песен, песен...

* * *

Да разве можно мыслить плоско,
Когда небесная полоска
Маячит вечно впереди,
Маня: «Иди сюда, иди».
Маячит, голову мороча,
Неизреченное пророча,
Даруя воздух и объём,
Которые по капле пьём
Из голубой бездонной чаши...
Отсюда всё томленье наше,
Неутоленность и печаль...
Попробуй к берегу причаль,
Когда таинственные дали
Постичь идущему не дали
Ни первым чувством, ни шестым,
Что там, за облаком густым.

1990

* * *

Но есть они – прагород, прарека.
Тоску по ним, живущую от века,
Впитала с молоком. И это млеко
Течёт издалека-издалека.
Прародина... Томление по ней –
Единственной, незримой, изначальной
Сильнее чувств иных. Исход печальный
Свершаем, удаляясь от корней,
От устья, от начала всех начал...
А зримое – и зыблемо, и ломко...
Рождённый обречён. Недаром громко
Младенец новорожденный кричал.

* * *

И ещё виток, и ещё виток,
И ещё листвы золотой поток,
И ещё один на пути вираж,
И ещё один впереди мираж,
И ещё подъём, за которым спад,
И ещё один шелестящий сад,
А над ним опять облака гуртом...
Эту чашу пьют пересошим ртом,
Лишь одну на круг на исходе лет,
Открывая вдруг, что исхода нет.

Так хочется пожить без боли и без гнёта,
Но жизнь — она и есть невольные тенёта.
Так хочется пожить без горечи и груза,
Но жизнь — она и есть сладчайшая обуза
И горестная весть, и вечное страданье.
Но жизнь — она и есть последнее свиданье,
Когда ни слов, ни сил. Лишь толчея вокзала.
И ты не то спросил. И я не то сказала.

Нельзя так серьёзно к себе относиться,
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.
Забыть бы себя, как багаж на перроне.
Забыть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдьи, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был и не стало. Маячил и нету.

* * *

Обыденность — рай и подарок, и чудо:
Шумела вода и гремела посуда,
Вели разговор, шелестели газетой...
Творился уклад, до сих пор не воспетый.
Уклад, бытие и соборное действо,
Рутинa отнюдь не святого семейства.
Возможно ль такое: все целы и в сборе,
И в полном покое житейское море.

* * *

Это — область чудес
И счастливой догадки...
Капля светлых небес
Разлита по тетрадке.

Область полутонов
И волшебной ошибки,
Где и яви и снов
Очертания зыбки.

Область мер и весов,
Побеждающих хаос.
Это мир голосов
И таинственных пауз.

Здесь целебна среда
И живительны вести,
И приходят сюда
Только с ангелом вместе.

* * *

Сок со льдом, бананы, пицца...
Угадали – заграница.
Вот витрина, вот реклама,
Вот портал большого храма,
Вот приветливый прохожий,
Вот водитель темнокожий,
Вот раскованные дети...
Всё о'кей на ихнем свете:
Есть порядок, есть валюта.
А на нашем есть Малюта
Да чума, да череп-кости...
Приглашайте русских в гости,
Чтобы лопали бананы
И зализывали раны.

* * *

Неужели Россия, и впрямь подобрев,
Поклонилась могилам на Сен-Женевьев?
Неужели связует невидимый мост
С Соловецкой землёй эмигрантский погост?
На чужбине – часовня и крест, и плита,
А в ГУЛАГе родном – немота, мерзлота,
Да коряги, да пни, да глухая тропа,
Где ни тронь, ни копни – черепа, черепа.

* * *

Спасибо тебе, государство.
Спасибо тебе, благодарствуй
За то, что не всех погубило,
Не всякую плоть изрубило,
Растлило не каждую душу,
Не всю испоганило сушу,
Не все взбаламутило воды,
Не все твои дети – уроды.

* * *

Мемуары, флёр и дымка.
Тайна выцветшего снимка.
Дни текли, года летели,
Было всё на самом деле
Прозаичнее и жёстче,
И циничнее, и проще,
И сложней, и несуразней,
В сотни раз многообразней.
Ну а память любит дымку,
Снимок тот, где все в обнимку.
Там скруглила, там смягчила,
Кое-где слезой смочила,
Кое-где ошиблась в дате,
А в итоге, в результате
Обработки столь коварной
У бывшего вид товарный.

* * *

Окаянные дни, окаянные дни,
Покаянные дни — причитанья одни,
Всех скорбящих и страждущих всех голоса.
А над морем скорбей — золотые леса.
Золотые леса в наших гиблых местах,
Где лишь горечь одна у людей на устах.
Над пучиною бед — золотые огни.
Окаянные... нет, осиянные дни.

* * *

Давайте в чёрный день подумаем о снеге,
О медленном его и неустанном беге.
Летучие снега раскидывают сети...
Давайте в чёрный день подумаем о свете,
О будущем — светло и ясно — о минувшем.
Огромное крыло над озером уснувшим
Отбрасывая тень, в безмолвии качнётся,
И сгинет чёрный день, и белый день начнётся.

* * *

Двадцатый век идёт к концу,
А мы всё ездим по кольцу:
Среда, суббота, март, июль.
Земля, луна, колёса, руль —
Всё в виде круга и кольца.
И два весёлых огольца
Едят пломбир, прильнув к окну,
А мне сходить через одну.

* * *

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека,
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездонен светлого запас, а чёрного – в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка,
И надо медленно читать и утопать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках,
И жизнь не хочет вразумлять и звать на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

1991

* * *

Блажен, кто посетил сей мир
И до семнадцатого выбыл –
Он избежал кровавой дыбы
И не попал на мрачный пир,
И не загнулся среди чумных,
Клеймёных жителей ГУЛАГа,
Не ведал клички «доходяга»
И прочих радостей земных.

* * *

Этот лезет на рожон,
А другой – в бутылку,
Третий, временем сражён,
Перерезал жилку.

Этот на гору полез,
А другой – на стенку..
В грандиознейшей из пьес
Каждый выдал сценку.

Постановщик бесноват
И всегда тиранит.
Виноват – не виноват –
Непременно ранит.

Начинали в мире грёз
В очень милой роли,
А кончаем в море слёз,
Отупев от боли.

* * *

А ты в пути, а ты в бегах,
Ты переносишь на ногах
Любую боль и лихорадку,
И даже бездна в двух шагах
Есть повод вновь открыть тетрадку.

И близкой бездны чернота,
И неподъёмные лета
Вдруг обнаруживают краски,
Оттенки, краски и цвета
И срочной требуют огласки.

И, Боже правый, тишь да гладь
Способны малого не дать
Душе гроша на пропитанье,
И дивной пищей может стать
В потёмках нищее скитанье.

* * *

Оно терзает и томит —
Пространство внешнее, сквозное...
Что делать с этой новизною,
Коль израсходован лимит,
И сил и замыслов запас,
Коль временем, как молью трачен,
Ты проникаем и прозрачен
Для чьих-то душ и чьих-то глаз,
И сквозь тебя, и сквозь тебя
Летают облако и птица,
Желая быть, желая длиться,
Твою распахнутость любя.

* * *

День голубой, голубей голубого.
Все претерпев, начинаем ab ovo
Пляшем от печки, танцуем с азов.
Мир ослепителен, день бирюзов.
Акт созидания – тонкое дело:
Надо, чтоб линия не затвердела,
Не омертвела текучая даль,
Не закоsnела живая деталь.
О, primaavera, неужто наскучим
Мы небесам голубым и текучим,
И неужели очнувшийся лес
К нам потеряет живой интерес,
К нам, старомодным и чуточку косным,
В мире изменчивом и светоносном.

* * *

Открыта выставка. Апрель
Уже развесил акварель
В тиши природной.
Показ продлится пять недель,
И вход свободный.

Ну, а сегодня – вернисаж.
Его тематика – пейзаж,
Весны раденье,
И что ни линия – мираж,
Почти виденье.

Размыты абрис и рубеж,
Всё происходит где-то меж,
В пространстве где-то,
И день зияет точно брешь,
Пролом для света.

* * *

Мир в лазоревых заплатах
И поношенных мехах...
Совещание крылатых
В ослепительных верхах.

Совещание и споры,
И немислимый галдёж,
И устойчивой опоры
В эту пору не найдёшь.

Лишь размытые покровы,
Сеть потоков голубых
Поддержать тебя готовы
В начинаниях любых.

* * *

Войти в картину и вращаться
Внутри неё, и превращаться
В её мазок, в её штришок,
В её небесный порошок,
В глазок какой-то редкой птицы,
Которой вздумалось ютиться
Близ ярко-жёлтого пятна
Посередине полотна
Бескрайнего в небесной рамке,
Где все неровности и ямки,
И точки даже чёрным днём
Пылают внутренним огнём.

* * *

Мы еще и не живём
И не начали.
Только контуры углём
Обозначили.
Мы как будто бы во сне
Тихо кружимся
И никак проснуться не
Удосужимся.
Нам отпущен воздух весь,
Дни отмерены,
Но как будто кем-то здесь
Мы потеряны.
Нас забыли под дождём —
Мы не пикнули,
Но как будто вечно ждём,
Чтоб окликнули.

* * *

Утоли моя печали.
На закате ль, на заре
Ветры сосны раскачали
На Николиной горе.

И поскрипывают сосны,
И качаются стволы...
Времена, что светоносны,
Станут горсткою золы.

Говорю и тихо плачу:
Что не вымолвят уста —
Всё сплошная неудача,
Только общие места.

Слово было лишь в начале,
А потом слова одни...
Утоли моя печали
И со Словом породни.

* * *

А листьям падать и кружить,
Им совершать обряд круженья.
Вчера писала: тяжело жить,
Сейчас пишу опроверженья.

Мне лист летит наперерез,
Легко пускаясь в путь далёкий,
На приближение чудес
Ловлю прозрачные намёки.

И доказательств не прошу
Иных, чем слабый отблеск лета,
Листвы желтеющей шу-шу,
Живые краски бересклета.

* * *

Нету спроса на стихи,
Нету спроса.
Спрос на толику муки
Да на просо.
Коль отсутствуют чаи
Да колбасы,
То кому нужны твои
Выкрутасы,
Этот горько-сладкий плод
Вдохновенья,
Коли он не бутерброд,
Не варенье.
Лиру грустно теребя,
Пой – не сетуй,
Что не слушает тебя
Мир ответый.

* * *

Только дождями одними и сыты.
Дождик идёт сквозь зелёное сито:
Тысячи капель на каждый гектар –
Лёгкая пища, небесный нектар.
Дождик на первое и на второе.
Каждое божие утро сырое –
Пресная капля с сырого листа,
Росная ягода прямо с куста,
Влажных полей и лугов многоцветье...
Ну а на сладкое, то есть на третье –
Чистый ручей, что журчит и журчит,
Воздух, который немного горчит.

* * *

Посвящается Зине Миркиной

И снова мир угоден Богу.
Угоден Богу.
И снег ложится на дорогу,
И понемногу
Он застигает лес и реку.
И лес, и реку..
Люблю небесную опеку.
Подобны млеку
Снега над городом окрестным,
И белым прудом..
И сладко жить в контакте тесном
С небесным чудом,
И день, который на излёте
И тихо тает,
Сходить на нет на светлой ноте
Предпочитает.

* * *

Писать один пейзаж
Все дни с утра до ночи —
Какой чудной пассаж,
Когда твой век короче,
Чем воробьиный скок,
Чем поросычий хвостик.
Писать который срок
Один висячий мостик.
Пятно, ещё пятно
На тёмном и на белом.
Когда же полотно
Глазам предстанет в целом?
Который день подряд
Над мелочью колдуешь.
Мосты твои горят,
А ты и в ус не дуешь.
Ты пишешь только тот,
Что в пламени закатном
Горит который год
В пространстве необъятном.

* * *

Посвящается Лене Колат

Он стоит лицом к стене —
Этот солнечный пейзажик.
Он у мира не в цене,
Мир его не знает даже.

Он сияет и горит,
И пульсирует, и дышит,

Что-то сердцу говорит,
Но никто его не слышит.

Знает все его тона
И оттенки, и находки
Только старая стена
Со следами от проводки.

* * *

Из года в год играем пьесу
Без зрителей. А ну их к бесу!
Играем для самих себя,
Лишь искру божию любя
В себе, любя в себе готовность
Играть. Условность, не условность —
В театре жеста и теней
Играем до скончанья дней
Без репетиций и антракта,
И если не хватает такта
Игре, и вкуса, и ума,
То не безумна ль жизнь сама
И не безвкусна ли порою?
И если называть игрою
Всё то, что происходит в нас
И с нами, то и смертный час
Не есть конец гигантской пьесы,
Безумцем сотканной из мессы
И шлягера, и тишины.
И мы навек оглушены
Спектакля музыкой и пляской,
Его канвой, его развязкой.

* * *

Московское детство: Полянка, Ордынка,
Стакан варенца с Павелецкого рынка —
Стакан варенца с незабвенною пенкой,
Хронический кашель соседа за стенкой,
Подружка моя — белобрысая Галка.
Мне жалко тех улиц и города жалко,
Той полудеревни домашней, давнишней —
Котельных её, палисадников с вишней,
Сирени в саду и трамвая «Букашки»,
И синих чернил, и простой промокашки,
И вздохов своих по соседскому Юрке,
И маминых бот, и её чернобурки,
И муфты, и шляпы из тонкого фетра,
Что вечно слетала от сильного ветра.

1992

* * *

Звук протяжен, точно провод...
Всё звучащее — лишь повод
Как-то выразить себя,
И тоскуя, и любя.
И в хорале, и в этюде —
Лишь моление о чуде.
В пьесе, сыгранной с огнём —
Лишь моление о нём.

* * *

Сплошные радости: кукушка,
В сыром овраге соловьи,
Зазеленевшая опушка...
Пока не поздно — кайф лови.
Покуда чувствовать способен
И не запамятовал, как
Балдеть от соловьиной дробы,
Спустившись в сумерки в овраг,
Покуда памятлив, скорее
Спустись и слушай, оробев...
Чем ниже, тем овраг сырее
И оглушительней напев.

* * *

Жили-были старик со старухой,
Жили самой обычной житухой,
Жили в оттепель, жили в застой,
Как живут на родимой шестой
Части суши — в трудах и под мухой.

Жили-были... На этом сюжет
Чисто сказочный сходит на нет.
Золотую им не дали рыбку,
Но зато ободрали как липку,
Деда с бабой на старости лет.

Ни одеться теперь, ни поесть...
Всё же что-то от сказочки есть
В нашей жизни, где спинка мятая
Стоит дорого, как золотая,
И подобных сюжетов не счесть.

* * *

Слишком много и крови и пота...
Не пора ли свести к анекдоту
Разговор о российском житье?
Чем растрачивать душу в нытье
И тянуть заунывную ноту,
И мусолить проклятый вопрос,
Лучше долго смеяться до слёз
Над собой, над своею бедою,
Что, попав в анекдот с бородою,
Принимал его слишком всерьёз.

* * *

Памяти Юры Карабчиевского

Опять утрата и урон,
Опять прощанье.
И снова время похорон
И обнищанья.

От боли острой и тупой
Беззвучно вою.
И говорю не то с собой,
Не то с тобою.

Я говорю тебе: «Постой.
Постой, не надо.
Быть может, выход есть простой,
Без дозы яда».

Ты мёртвый узел разрубил
Единым махом,
В земле, которую любил,
Оставшись прахом.

* * *

Миру всякая смерть,
Что слону дробина...
Золотистая твердь,
Красная рябина.
Кто почил, кто воскрес —
Миру что за дело?
Лишь бы вспыхивал лес
Да листва летела.
Бьёшься рыбой в сети —
Бейся, ради Бога.
Тянет вовсе уйти —
Скатертью дорога.
Мир тихонько себе
Что-то там бормочет,
А о смертной судьбе
Даже знать не хочет.

* * *

Дней ослепительные вспышки
И красок огненных излишки...
Сегодня каждый озарён
И каждый смертен, так как к вышке
С рождения приговорён.

А лето льёт такие пули.
И жалко умирать в июле,
Вернее, жарко умирать.
Куда приятней быть в загуле
И плод сладчайший выбирать.

А плод земной и правда сладок.
Какой убийственный порядок –
Без сострадания казнить
Любого, кто до жизни падок.
Пора порядок упразднить

И завести совсем иное
Существование земное,
Живя без точки и конца,
Как луч, что гаснет за стеною,
Чтоб загореться у крыльца.

* * *

Совершая путь извечный,
Каждый едет в пункт конечный,
Где обязан выходить,
Где любой сверчок запечный
Должен в бездну угодить.

А в неё так лень кидаться,
Так хотелось бы скитаться
Средь давно обжитых мест,
По кругам своим кататься,
Уплативши за проезд
Хоть натурой, хоть банкнотом...
Поворот за поворотом —
И везде узор иной:
То листва с её полётом,
То сирень живой стеной.

* * *

До чего красивый дятел!
На него Господь потратил
Столько дивного пера...
Бедный мир наш снова спятил,
И его топить пора...
Нынче пятое июля.
В шелковистых складках тюля
Заблудился ветерок.
Жизни горькая пилюля,
Да и сладкая — не впрок.
Век учись — умрёшь невеждой,
Вечно жив одной надеждой —
Развиднеется потом.
Притулился где-то между
Пропастями утлый дом,
Где живу с неясной целью
Под раскидистой елью,
Чтоб в тени её густой
Заниматься канителью
Жизни сложной и простой.

* * *

На крыше — мох и шишки,
Под ней — кусок коврижки
И чайник на плите...
Предпочитаю книжки
Извечной суете,
Продавленный диванчик
Да в поле одуванчик,
Который поседел.
Набрасываю планчик
Своих насущных дел:
Полить из лейки грядку
И написать в тетрадку
Слова, строку вия,
И разгадать загадку
Земного бытия.

* * *

Не ведаю, как быть, и как не быть — не знаю.
Иду себе, бреду, травинки приминаю.
Иду себе, бреду — ни шагу без заминки:
По будущему — плач, по прошлому — поминки.
Пожить бы, как трава, как стебельки-младенцы,
Как безымянный звук у зяблика в коленце,
Без муки и тоски, натуги и надсада —
Светло, как лепестки полуденного сада.

* * *

Краткой осени момент
В полном блеске –
В пользу жизни аргумент
Самый веский.

Паутины тонкой нить –
Тоже довод,
О любви поговорить
Лишний повод.

О делах её благих
И о путях,
И о прочих дорогах
Атрибутах,

И о золоте, верней,
Позолоте
Ослепительнейших дней
На излёте.

* * *

Эти поиски ключей
В кошельке, в кармане, в сумке,
В искромётности речей
И на дне искристой рюмки,
В жаркий полдень у реки
И на пенной кромке моря,
И в пожатии руки,
И в сердечном разговоре,
И когда не спишь ночей,
Вдохновенно лист марая...
Эти поиски ключей
От потерянного рая.

* * *

Мильон оранжевых штрихов,
Меж ними — просинь.
Не надо более стихов
Писать про осень.
Она до самых до небес
Давно воспета,
На тьму лирических словес
Наложим вето.
Не станем более плести
Словесной пряжи,
И вздор восторженный нести
В безумном раже...
Но все слова, какие есть,
Опять рифмую,
Им не умея предпочсть
Любовь немую.

* * *

Любовь — испытание. Счастье — мученье.
Счастливого мига тревожно свечение
И песни любовной столь горестны звуки,
Что дрожь по спине и холодные руки.
Мелодия счастья — почти что рыданье,
И смерти подобно с любимым свиданье,
В объятья спешить, точно в омут бросаться,
Любимого имени больно касаться,
И память об этом едва выносима,
Как пламя куста, что горит негасимо.

* * *

Всё разрешится чистым ля,
Всё разрешится.
Ложатся под ноги поля —
Полынь, душица.
Садится бабочка на грудь,
И гнётся стебель.
Всё разрешится где-нибудь:
Не здесь, так в небе.
Не здесь, так в чистых небесах.
Не вечно время.
Коль ты сегодня при часах,
Скажи мне время —
Хочу узнать, когда в краю,
Где столько лиха,
Бывает тихо, как в раю.
Тепло и тихо.

1993

* * *

Концы с концами я свожу
Путем рифмовки.
Над каждым словом ворожу,
Движеньем ловким
Приделав лёгкие крыла
К слогам конечным,
Чтоб вечно музыка была
В пространстве вечном.
И где грозили небеса
Концом летальным,
Легко летают словеса
В наряде бальном.
Танцует смертная тоска —
Крылами машет,
И жизнь, что к гибели близка,
Поёт и пляшет.

* * *

В ночной тиши гуляет ветер...
Господь грядущий день наметил
Вчерне, чтоб набело вот-вот
Пересоздать, и будет светел
Через минуту небосвод,
И вспыхнет он полоской алой...
Возможно ль жить без идеала,
Без абсолюта, без того
Неоспоримого начала —
Для всей вселенной одного,
Без веры, будто в мире этом
Безумном, горестном, отпетом
Должно каким-то светлым днём,
Как в детстве, всё сойтись с ответом,
Что дан в задачнике моём.

* * *

Господи Боже мой, лёгким касанием
Тронув листочек с земным расписанием,
Ты устаревшее всё исчеркал,
И по-весеннему день засверкал,
Занятый прежде одним угасанием.

Господи Боже мой, на два часа
Дольше сияют теперь небеса,
И превратило такое свечение
Жизни обычной простое течение
В белую магию и чуда.

* * *

Тьма никак не одолеет.
Вечно что-нибудь белеет,
Теплится, живёт,
Мельгешит, тихонько тлеет,
Манит и зовёт.
Вечно что-нибудь маячит..
И душа, что горько плачет
В горестные дни,
В глубине улыбку прячет,
Как туман огни.

* * *

Закрыть бы лавочку да вывеску убрать.
Всё надо вовремя — и жить и умирать.
Закрыть бы лавочку да свет в ней погасить,
И ничего не предлагать и не просить.
Закрыть бы лавочку на внутренний замок,
Все шумы времени меняя на шумок
Воды, что булькает в заржавленной трубе...
Того же самого не хочется ль тебе?

* * *

Не держись, — сказали мне, — отпусти,
Шалый ветер ты зажала в горсти.
Не держись, — сказали мне, — не держись,
Это дым, который тянется ввысь.

Не держись, — сказали мне, — что за блажь?
Это вовсе не стена, а мираж.
Нет опоры никакой и нигде.
Только лунная тропа на воде.

* * *

Всё это движется, шуршит,
Переливается и машет,
Под чью-то дудку слепо пляшет
И чей-то замысел вершит.

Переливается, поёт
И веткой яблоневою манит,
И то ли душу сладко ранит,
Не то бальзам на душу льёт.

О, эти юные миры,
Июньских листьев полог низкий
И счастье оставаться в списке
Живых участников игры.

* * *

В этой области скорби и плача,
Где эмблемою — череп и кол,
Мы привыкли, что наша задача
Наименьшее выбрать из зол.

Мы усвоили: только лишь крестный,
Крестный путь и достоин и свят,
В канцелярии нашей небесной
Канцелярские крысы сидят.

Ты спроси их: «Нельзя ли без муки?
Надоело, что вечно тоска».
Отмахнутся они от доуки,
Станут пальцем крутить у виска.

* * *

Хорошо быть беглой гласной
И, утратив облик ясный,
Неприсутствием блеснуть,
И, контекст покинув властный,
В нетях сладостных соснуть.

Хорошо бы в мире яром
Обладать чудесным даром
Беглой «е» (ловец — ловца):
Постояла под ударом
И исчезла из словца.

* * *

А если говорить по существу..
Но, Господи, как теребит листву,
Как ветер листья треплет то и дело..
О чем, бишь, я сказать тебе хотела,
Спросить, сказать? Короче говоря..
Но погляди: качаются, горя
И пламеня, сосны на рассвете..
В вопросе – вдох, а выдох – он в ответе,
А между ними ускользнула нить
Беседы, что ни кончить, ни продлить.

* * *

Недолгого лета вершину венчая,
Стоят, розовея, цветы иван-чая –
На стебле высоком соцветья, султаны..
Хоть лето не лечит сердечные раны,
Хоть лето сердечные раны не лечит,
Но отдых короткий от них обеспечит.
Стоит иван-чай, на ветру облетая..
Меж смыслом и хаосом вечно плутая,
В июль забрела я, в его средостенье,
Где блики танцуют, играючи с тенью,
Где бабочка гнёт лепесток и качает,
И кружит над ним, и души в нем не чаёт.

* * *

Друг Аркадий, не говори красиво...
И. С. Тургенев

Ах, друг Аркадий, друг Аркадий,
Опять красиво говоришь,
Опять строчишь в своей тетради
Слова про сказочную тишь,
Про то, как думается славно
В ненарушаемой тиши,
И мысль перетекает плавно
На лист из глубины души.
Так музыкальны, мелодичны
Твои извечные «ля-ля»,
Что верится, ведут прилично
Себя и небо, и земля.
Там облака, а тут — цветочки,
Там птичья стая, тут — трава,
И хочется, дойдя то точки,
Читать сначала все слова.
Так говори же, не жалея
Словес, которых нет нежней.
Чем явь безумнее и злее,
Тем словеса твои нужней.

* * *

Я дарёному коню
В пасть гляжу сто раз на дню
И придирчиво и грубо
Всё заглядываю в зубы,
То хвалю, а то браню.

Мне б скакать во весь опор —
Я ж с собою разговор
Завожу крутой и жаркий,
Про изьяны в том подарке
Перемальваю вздор.

Господи, какая нудь,
Мне б взнудать его — и в путь.
Господи, прости зануду:
Всё присматриваюсь к чуду,
Всё выискиваю суть.

* * *

Время пишет бегущей строкой,
Пишет тем, что найдёт под рукой
Второпях, с одержимостью редкой, —
Карандашным огрызком и веткой,
И крылом над текучей рекой.
Пишет густо и всё на ходу,
С нормативным письмом не в ладу.
И поди разбери его руку —
То ли это про смертную муку,
То ль о радостях в райском саду.

* * *

Всё отодвинуть и всё миновать,
Лист незапятнанный разлиновать,
Ни заголовка, ни даты не ставить
И не задетым пространство оставить,
Чтобы вдоль линий струился поток
Несотворённых, неписанных строк.
В невоплотившемся и несказанном
Хрупкости меньше, чем в явном и данном, —
Не исказить его, не исчерпать,
Не замусолить и не истрепать.
Нет ни погибели, ни разрушенья
В мире предчувствия и предвкушенья.

* * *

Цветные мелочи, ура!
Цветные мелочи, живите.
Рутины спутанные нити
Связуют *завтра* и *вчера*.

Цветные мелочи, виват!
Все эти фантики, обёртки...
Мой день натёрт на мелкой тёрке,
И быт привычно виноват,

Мешая горестно пожить
Среди возвышенных материй,
То заставляя смазать двери,
То к шубе вешалку пришить.

* * *

Уйти легко, а вот остаться
На этом свете, то есть сдатьсь
На милость предстоящих лет
Непросто. Проще сдать билет.
И ни хлопот тебе, ни давки —
Сплошные радости неявки:
Не значусь, не принадлежу,
С опаской в завтра не гляжу.

* * *

Надоел ты, человечек, нету сил.
Ну зачем ты плод запретный надкусил?
Потерял ты в результате райский сад
И навек тебе заказан путь назад.
Надоел ты, человечек, надоел.
Ты, должно быть, плод запретный не доел,
Ты, наверно, до конца недогрешил, —
Оттого тебя Господь не порешил.
Лишь обрѣк на тягостный путь земной.
Сам ты всем своим превратностям виной,
И живёшь, всё время Бога теребя
И упрашивая выслушать тебя.

* * *

Взорвать бы всё или взорваться,
Или отсюда прочь сорваться,
Чтоб не соваться никогда...
Все эти планы – ерунда.
Живу и некуда деваться.
Осталось изменить подход
К существованию, где разброд
И безнадёга, и кровища,
Где пища для ума – не пища,
А ядовито-горький плод.
Здесь тьма, но чужеземный свет
Едва ли высветит ответ
На все проклятые вопросы,
И остаётся путь с откоса
В ту пропасть, где вопросов нет.

* * *

*Не просите у осени смысла,
Пожалейте её, господа...
Бахыт Кенжеев*

Не проси у жизни смысла,
Не проси.
В небе солнышко повисло —
И мерси.
Только душу просьбой этой
Утомишь
Да напрасно сигаретой
Надымишь,
Да и кончишь в белых тапочках
В гробу.
Лучше вытри чистой тряпочкой
Трубу,
Под небес холодным взором
С жаром дуй
И легко мажор с минором
Чередуй,
Не заботясь, есть ли надоба
В тебе,
В этих играх до упаду
На трубе...
А ветрами всё земное
Так несёт,
Что под ложечкой то ноет,
То сосёт.

* * *

Вновь играем в игры эти:
Блики, тени, мотыльки...
Вновь закидываем сети
В лоно солнечной реки.

Мир прикинулся наивным,
Безмятежным и ручным,
Голубым пространством дивным
Над сиянием речным.

По краям речного шёлка
Сосны сонные скрипят...
Мир прикинулся кошёлкой,
Полной сросшихся опять.

И ему я подыграю:
О прискорбном — ни гугу,
Полежу, позагораю
На песчаном берегу.

* * *

Пена дней, житейский мусор,
Хлам и пена всех времён.
Но какой-нибудь продюсер
Будет ими так пленён,

Что обычную рутину
С ежедневной мастой
Переплавит он в картину,
Фонд пополнив золотой.

Будут там такие сцены
И такой волшебный сдвиг,
Что прокатчик вздует цены,
Как на громкий боевик.

...Сотворил Господь однажды
Нет, не мир, а лишь сырец,
Чтоб, томим духовной жаждой,
Мир творил земной творец.

* * *

Я не хочу вас затруднять,
На белый лист слова ронять,
Чтоб вы их после поднимали,
Им доверительно внимали.

А впрочем, вру — хочу, хочу,
О том лишь только хлопочу,
Мой стих стучится в чью-то душу
С мольбой назойливой: «Послушай»,
Отчаянно борясь за власть,
Рискуя без вести пропасть.

* * *

Лёгкий крест одиноких прогулок...

О. Мандельштам

Пишу стихи, причём по-русски,
И не хочу другой нагрузки,
Другого дела не хочу.
Вернее, мне не по плечу
Занятие иного рода.
Меня волнует время года,
Мгновенье риска, час души...
На них точку карандаши.
Карандаши. Не нож, не зубы.
Поют серебряные трубы
В соседнем жиденьком лесу,
Где я привычный крест несу
Своих лирических прогулок.
И полон каждый закоулок
Души томлением, тоской
По женской рифме и мужской.

* * *

Всех слов и строчек, всех «ля-ля»
Прекрасней чистые поля
Любой страницы.
Пиши, мой друг, себе веля
Остановиться
У той невидимой черты,
За коей немы я и ты.

За той границей
Святое поле немоты
Да сохранится.
Да знает слово свой предел...
Каких бы струн ты ни задел
Своей эклогой,
Какой бы речью ни владел,
Полей не трогай.

* * *

Устаревшее — «сквозь слёз»,
Современное — «сквозь слёзы» —
Лишь одна метаморфоза
Среди тьмы метаморфоз.

Всё меняется, течёт.
Что такое «штука», «стольник»
Разумеет каждый школьник,
И детсадовец сечёт.

Знают, что «тяжелый рок» —
Это вовсе не судьбина,
А звучащая лавина,
Звуков бешеных поток.

От скрежещущих колёс,
Вздутых цен и дутых акций —
Обалдев от всех новаций,
Улыбаемся сквозь слёз.

* * *

Кривоколенный, ты — нетленный.
Кривоколенный, ты — душа
Моей истерзанной вселенной,
Где всем надеждам — два гроша.
Кривоколенный, что за имя,
Какой московский говорок,
Вот дом и дворик, а меж ними
Сиротской бедности порог.
Кривоколенный — все излучки
Судьбы в названии твоём,
Которое — какие звуки! —
Не произносим, а поём.

* * *

Опять минуты роковые.
Опять всей тяжестью на вые
Стоит История сама
И сводит смертного с ума.
И гнёт деревья вековые.

И снова некогда дышать
И надо срочно поспешать
В необходимом направленьи,
Осуществляя становленья
И помогая разрушать.

А что до жизни до самой —
То до неё ли, милый мой?
И думать не моги об этом:
Мятеж весной, реформы летом
И перевыборы — зимой.

* * *

А следом, следом шёл июль,
Июльский дождик мчался следом,
Носили молоко по средам,
А по ночам на окнах тюль
Белел. А днём была жара.
Жасмина изгородь живая
Цвела, полдома закрывая,
А после дождика сыра
Была земля. Сыра, бела,
Бела от лепестков жасмина,
Которых целая лавина
Сошла. О Господи, дела
Столь утешительны Твои
Для слуха чуткого и взгляда,
Что больше ничего не надо,
Всё остальное утай.

* * *

И я сгораю в том огне,
Что отражен в моём окне
В час зари и час закатный,
И жизнь, дарованная мне,
Не мнится больше необъятной.
Горят, охвачены огнём
Непобедимым, день за днём,
Горят и гаснут дни и годы.
Сей мир — души не чаю в нём,
Хоть он лишил меня свободы,
Не дав спокойствия взамен.
Какой чудесный феномен —
Любить лишь то, что душу ранит:
Над пропастью опасный крен,
Существование на грани
Неведь чего. Исхода нет.
Любовь? Она лишь стылый след.
Покой? Но он нам только снится.
Так что же есть? Небесный свет,
В котором облако и птица.

1994

* * *

Надоели хмарь и хаос,
Бред, творящийся без пауз,
Оказаться бы на стрит,
Что витринами пестрит,

Где ни путчей и ни драки,
Ни блуждания во мраке,
Где лужайка и газон,
И в поступках есть резон.

Матерясь, ломая ноги,
По нечищенной дороге,
По заснеженным путям
Все идём ко всем чертям.

* * *

Так и маемся на воле,
Как бездомные,
То простые мучат боли,
То фантомные.

Ломит голову к ненастью,
В сердце колики...
Сядем, братья по несчастью,
Сдвинув столики.

Сдвинем столики и будем
Петь застольную,
Подарив себе и людям
Песню вольную,

Всё болезненное, злое
И дремучее
Переплавив в неземное
И певучее.

* * *

Цветы и капельки росы,
И леса влажные волосы
Колелеет ветер...
Остановились все часы
На белом свете.
Остановились, не идут,
Преодолев привычный зуд
Идти куда-то.
Куда-то рваться — зряшный труд,
Пустая трата
Себя. И кто сказал, что *там*
Важнее находиться нам,
Чем *здесь* остаться,
Всем этим травам и цветам
Без боя сдатьсь?
Сбивая с будущего спесь,
Провозгласим: прекрасно *днесь*,
сейчас и *ныне*,
И дивно пахнет чудо-смесь
Сосны, полыни.

* * *

Кнутом и пряником. Кнутом
И сладким пряником потом.
Кнутом и сдобною ватрушкой...
А ежели кнутом и сушкой,

Кнутом и корочкой сухой?
Но вариант совсем плохой,
Когда судьба по твари кроткой —
Кнутом и плёткой, плёткой, плёткой.

* * *

Оживление в больничке:
Поутру запели птички,
Принесли благую весть
К нам в палату номер шесть.
Весть о том, что скоро лето,
Скоро станет больше света,
Больше радости для глаз
Даже в Кащенко у нас.
Даже в нашем заведении
Станет радостнее бденье
И ещё бессвязней бред
Тех, кто солнышком согрет.

* * *

А я мечтаю только об одном,
Чтоб больше не ходила ходуном
Земля, вернее, почва под ногами,
Чтоб не пришлось «другими берегами»
Назвать края, где жизнь моя и дом.

* * *

Пишу воспоминания. Тружусь
Над допотопной памятной сценкой
И чувствую себя невозвращенкой
Из прошлого, в котором нахожусь.

С теньями, окружившими меня,
Беззвучно говорю и улыбаюсь.
И слёзы лью. И напрочь не врубаюсь
В шальные речи нынешнего дня.

* * *

Если память жива, если память жива,
То на мамином платье светлы кружева
И магнолия в рыжих её волосах,
И минувшее время на хрупких часах.
Меж холмами и морем летят поезда,
В южном небе вечером пылает звезда,
Возле пенистой кромки под самой звездой
Я стою рядом с мамой моей молодой.

* * *

О юность, утренний озноб,
Когда ещё ничто не поздно,
Когда влюбляешься так грозно —
Навеки, по уши, по гроб.

О юность, летняя гроза,
Твой пыл и ливнем не остудишь,
Ты обо всём так лихо судишь,
Не понимая ни аза.

О юность, ночь твоя бела,
И твой восторг — почти мученье,
И не кончается свеченье
Сирени той, что отцвела.

* * *

Обрывки яви, снов обрывки —
Сняты с воспоминаний сливки,
Всё — в дело. Всё для кровных тем.
Но вот беда, кому повем?
Кому нужда в моей наживке?
И для чего я так тружусь,
С капризной буковкой вожусь
И докопаться тщусь до сути,
Которая подобна ртути?
В ловцы нисколько не гожусь.
Слова бегут меня, бегут...
Шепчу с досады: very good,
Бегите, обойдусь английским,
Знакомым, хоть, увы, не близким,
Закрыв артель «Напрасный труд»,
Где убивалась до седин,
Имея результат один —
Бумажный мусор, хлам ненужный,
Который носит ветер вьюжный —
Земного сора господин.

* * *

Наливаю в вазу воду,
Опускаю три гвоздики...
Забрела, не зная броду,
В мир чарующий и дикий.
И, прожив здесь полстолетья,
Убедилась — брода нету..
Дождь опутал частой сетью
Эту странную планету,
Где бесчисленны загадки
Силы Божьей и бесовской,
Где лежат мои закладки
В толстой книге философской.

* * *

Взгляни на всё сквозь пальцы, сквозь
Снежок, летящий на авось,
Сквозь белоснежную пыльцу,
Что прикасается к лицу.

Сквозь эту солнечную пыль
Таинственна любая быль,
Всё переменчиво и всё
Воздушно, как в стихах Басё.

* * *

На Николиной Горе да на Николкиной,
Всё покрыто прошлогодними иголками,
И, укрытые иголочками хвойными,
Стали тихими дорожки и спокойными.

Ах, Николина Гора, моё убежище,
Коли нету здесь укрытия, то где ж ещё?
Хоть и хлипкок мой домишко — дыры, щёлочки,
Но зато на крыше шишки да иголки,
А под окнами — дорожка муравьиная,
А поодаль льётся песня соловьиная,
А подалее, за дорогой на Звенигород,
День сверкающий горит, никак не выгорит.

* * *

*На южном солнышке болтают старики:
– Московские балы... Симбирская погода...
Великая война... Керенская свобода...
Г. Иванов*

*Мы вымираем по порядку
– Кто по утру, кто вечером...
Г. Иванов*

Вы в наличии имелись, мы имеемся.
Вы на солнышке погрелись, мы всё греемся.
Вы уже отвоевались, мы всё боремся.
Вы со всеми расплевались, мы всё ссоримся.

Расплевались, расплатились, мы всё тратимся.
Вы куда-то докатились, мы всё катимся
Сквозь сияние и темень. И на шарике
Беспощадно жрёт нас время и комарики.

* * *

Белый день за белым днём,
Ночи чёрная копирка.
Что ни слово, в тексте — дырка.
Я прожгла ее огнём,
Жаром собственной души,
Говоря высокопарно.
Перекрёстно и попарно
Всё рифмуется в тиши.
Отрешённость со тщетою,
Строгость мысли с заморочкой
Разделяются не точкой,
А всего лишь запятой.
И на что она годна —
Ткань словесная, сквозная,
Сквозь которую иная,
Бессловесная видна?

* * *

Судьбу не надо умолять.
Ты — в окруженье.
В тебя позволено стрелять
На поражение.
Укрыться где и от кого?
Кругом бойницы.
Нас выбьют всех до одного —
Не уклониться.
Пока для тайного стрелка
Ты служишь целью,
Цветут небесные шелка
И звонкой трелью

Сам соловей пугает тьму,
Сменив кукушку,
И кружит голову тому,
Кто взят на мушку.

* * *

Дни текли. Душа алкала.
Кошка с блюбочка лакала.
В небе плыли облака
Далеко, издалека.
Ни в четверг, ни в воскресенье
Не нашла душа спасенья.
Кошка с блюбочка пила.
Тучка по небу плыла,
Проплывала в небе синем...
Нынче здесь, а завтра сгинем,
Кошке сливочек налив
И души не утолив.

* * *

И останешься ты в дураках, в дураках,
И затихнешь, сжимая синицу в руках,
И утратишь надежду поймать на лету
Свою синюю птицу, жар-птицу, мечту.
Поделом же тебе, поделом, поделом:
Прилетала она и касалась крылом
И плеча твоего, и затылка, и ног,
Ну а ты себе спал и проснуться не мог.

* * *

Памяти Юры Карабчиевского

Кипень вся июльская, весь жасмин —
На помин души твоей, на помин,
На помин души того, кто устал,
И ушёл, отчаявшись, и не стал
Срока ждать предельного. Ах, июль,
Что в тебе смертельного? Горсть пилюль
Да тоска бездонная всех ночей,
Да бессилье полное всех речей.

* * *

На небе — тишь, на небе — птица,
А на земле — ажиотаж.
Как ни щедра твоя десница,
Но, Боже правый, что ни дашь,
С каким неслыханным размахом
Нас ни одариваешь ты,
Всё мало. Мы на грани краха
И на пороге нищеты.

* * *

И ты попался на крючок,
И неба светлого клочок
Сиял, пока крючок впивался
И ты бессильно извивался,
Стремясь на волю, дурачок.

Тебе осталось лишь гадать,
Зачем вся эта благодать
И для чего тебя вдруг взяли,
Из тьмы беспамятства изъяли,
Решив земное имя дать.

* * *

Зачем-то сна себя лишаю,
Задачку вечную решаю:
В мгновенье «икс» из пункта «А»
Мы отправляемся куда?
Чего хотим? И кто мы, где мы?
Никак не съеду с этой темы...
Сияют звёздочки во тьме.
Словцо пишу, а два — в уме.
Ещё словцо, ещё немного...
Не отвлекайте ради Бога.
Луна огромная в лицо
Мне глянула. Ещё словцо.
И так до самого рассвета,
До лета, до зимы, до лета...
Не хватит лета и зимы —
Возьму у вечности займы.

* * *

В машинном рёве тонет зов,
И вместо дивной кантилены
Звучит надсадный вой сирены
И визг безумных тормозов.
И всё же надо жить и петь,
Коль петь однажды подрядился,
И надо верить, что родился,
Чтобы от счастья умереть.

* * *

Живём себе не ведаем,
В какую пропасть следуем,
И в середине дня
Сидим себе обедаем,
Тарелками звеня.

И правильно, без паники,
Ведь мы не на «Титанике»,
А значит, время есть
И чай допить и пряники
Медовые доесть.

* * *

Исписан лист простой и нотный,
И мой мотивчик тягомотный
Сегодня негде записать.
И Бог с ним. Нечего спасать

Мотив, звучащий слишком грустно.
Пусть он существует устно.
Дождусь другого. Свет и тьма,
И даже тишина сама
Рождают призрачные звуки.
Ловлю их с горя или от скуки,
Хоть каждый еле уловим, —
И мечу именем своим.

* * *

Ах, dolce vita, dolce vita,
Ты и нежна и ядовита,
И ядовита и нежна,
И до зарезу всем нужна,
Поскольку без тебя — ни хлеба,
Ни зрелищ, ни земли, ни неба,
Ни горькой складки возле рта,
Ни строк о смерти, — ни черта.

* * *

И кто его выдумал — мостик шатучий
В бездонном пространстве над самою кручей?
И кто его выдумал — зыбкий настил
Для каждого, кто в этом мире гостил,
И кто подарил нам такую опору
И нечто доступное уху и взору,
И весь этот гомон, и всю пестроту,
Чтоб на полуслове столкнуть в пустоту?

* * *

Стремится жизнь моя к нулю,
Велю ей подождать,
Пока потоком слов залью
Всю эту благодать.

Стремится жизнь моя к концу,
Стремится в никуда,
Пока стекает по лицу
Небесная вода.

На белый лист текут слова
Туда же дождик льёт,
Смывая всё, чем я жива,
О чём душа поёт.

* * *

А между тем, а между тем,
А между воспалённых тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты и я,
Пропитанные злобой дня.

*Местоименъе «я»
1995–1999*

* * *

*Откуда ты?
Как все – из мамы,
Из темноты, из старой драмы,
Из счастья пополам с бедой,
Из анекдота с бородой.
Ну а куда?
Туда куда-то,
Где всё свежо: цветы и дата,
И снег, и ёлка в Новый год,
И кровь, и боль, и анекдот.*

1995

* * *

Живём, а значит, длим попытку
Вдеть ускользящую нитку
В иглу с невидимым ушком...
Семь вёрст до неба — всё пешком,
Всё лесом, а дойти б не худо.
Стихов немислимая гряда —
Попытка навести мосты.
Как небо, помислы чисты
И связаны не с миром этим,
А с миром *тем*. *Туда* мы метим,
И рвётся каждая строка
С листа бумаги в облака.

* * *

Земля из-под ног уплывает. Бывает.
И всё, что случается, с толку сбивает.
И что-то ещё затевает судьба.
А мне надоели и бег, и ходьба,
И прочие вещи в активном залеге.
Уж слишком зарвался безумец двуногий,
Уж слишком зазнался несчастный фантом.
«Мой век, — говорит он, — мой город, мой дом», —
И в тексте слова выделяет курсивом,
И вслух разглагольствует с видом спесивым,
Пока уплывает она из-под ног —
Земля, на которой он так одинок.

* * *

Сергею Филиппову

А после дождя, пролетевшего presto,
Осталось от города мокрое место,
Наполненный влагой сверкающий ноль.
Светлы твои лужи, пресветлый июль,
Дарующий миру небесную влагу!
Кто может лишь посуху — дальше ни шагу.
Земные маршруты исчезли, и впредь —
Лишь воды и воздух, чтоб плыть и лететь.

* * *

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

* * *

Во всех ситуациях — только слова
Всё те же да те же...
Не стоит сдаваться, хотя голова
Здорова всё реже,
И худо снаружи, и худо внутри,
Внутри и снаружи...
Вьетнамским бальзамом затылок натри,
Чтоб не было хуже.
Всё канет со временем. Помни одно:
И хуже бывает.
Но время, которое лечит, оно,
Увы, убивает.

* * *

Получен счёт за телефон —
За звуковой привычный фон,
За постоянные помехи,
За то, что тонут в чьём-то смехе
Мои горчайшие слова,
За то, что кругом голова
От бесконечных разговоров,
За то, что вздохи вместо взоров,
За то, что краткое «пока»
Сказать не в силах, хоть рука
И затекла и занемела,
За то, что снова не сумела
Прервать пустую болтовню,
За то, что сорок раз на дню
Рождаются и гаснут в трубке
Слушок, смешок и голос хрупкий.

* * *

Вели меня и довели
До ручки или же до точки.
Приподымалась на мысочки,
Стремясь увидеть, что вдали.

А там — всё лучшее. А тут —
Лишь бесконечность ожиданья.
О, долгожданное свиданье,
Которого до смерти ждут.

* * *

Все жили где-то и когда-то...
И что такое — имя, дата
Перед упрямым nevermore,
Где время мается само,
Летя, подобно Агасферу,
Сквозь все миры из эры в эру,
Круша барьеры и посты,
Сжигая за собой мосты,
Те, на которых все клянутся
Любить и помнить, и вернуться.

* * *

Прости, о Господи, о Господи, прости
За то, что хочется подальше уползти
Из края отчего, в котором вечный мрак, —
И в нём немислимо и врозь нельзя никак.

Прости, о Господи, что я при свете дня,
Который должен быть подарком для меня,
При свете солнечном, как в темени кружу
И даже проблеска нигде не нахожу.

* * *

Всё дорого нынче, а жизнь дешева.
И трачусь и трачусь, покуда жива:
Билет покупаю, в театр иду,
Сижу там в каком-то неблизком ряду,
В бинокль слежу за актёрской игрой,
Гляжу, как пытается выжить герой.
А жить — как по минному полю идти:
Шагнул в неизвестность — и жизнью плати.

* * *

*...Русский глагол, кажется,
сфруится от счастья бытия
В. Набоков*

Глагол, струись от счастья бытия,
Глагол, струись... Что делать? Улыбаться,
А светлым занавескам колебаться
От дуновенья. Миссия сия
Проста, легка. Что делать? Мягкий знак
Не позабыть, не пропустить в ответе.
Так жёстко всё на этом белом свете,
Что надобно смягчить его хоть так.

* * *

Мы все как кур попали во щи —
В леса зелёные да рощи,
В зелёные густые щи:
Листва и травы, и хвощи —
Всё в этом мире зеленеет.
От вешних чар душа хмелеет.
А тут ещё и пух летит.
И как мне пафос ни претит,
Всё ж восклицаю: Боже, Боже!
Не в силах высказаться строже,
Провозглашаю: как хорош
Тот мир, где гибнем ни за грош!

* * *

Время с вечностью сверьте
И не надо о смерти —
Это только пролог.
В тихом омуте черти,
В небесах ангелок.
Ну а мы посередке
В неустойчивой лодке
В неизвестность плывём,
Наши вехи нечётки,
Ясен лишь окоём.
Проплываем мы где-то
Возле самого лета
В том краю, где пыльца
Золотистого цвета
Кружит возле лица.

* * *

Года друг друга неустанно
Сменяют — «аппо, аппо, аппо».
А им вослед: «Куда, куда,
Куда», — летит. «О да, о да,
О да», — насмешливое эхо
Твердит. А нам и не до смеха,
Когда летит всему вослед
«О да», сходящее на нет.

* * *

О мир, твои прекрасны штампы:
То свет с небес, то свет от лампы,
То свет от белого листа...
Прекрасны общие места.
Что за окошком? Там светает.
Что будет завтра? Снег растает.
О Божий мир, моей душе
Дари не ребусы — клише.

* * *

И золотым дождём прольётся
Листва, падёт сплошной стеной,
Земля бесшумно повернётся
Своею лучшей стороной,
И время бег свой напряжённый
Прервёт на самый краткий миг,
Чтоб разглядеть заворожённо
Земли преображённый лик.

* * *

А пока из этой жизни нас не выбили,
Вижу иву, что согнулась в три погибели,
Вижу иву серебристую, плакучую,
Примоститься рядом с нею рада случаю,
Примоститься рядом с ивою над речкою,
Где плывут овечка следом за овечкою,
То есть облако пушистое за облаком —
Жизнь морочит нас своим смиренным обликом.
И гляжу я на неё глазами кроткими...
Что-то дни опять становятся короткими,
Но куда ни гляну — всюду злато чистое,
Исключение лишь ива серебристая.

* * *

Заполним форму: год рожденья —
То бишь, начало наважденья,
Начало бреда или сна...
Задача, кажется, ясна.
А в той графе, что ниже даты,
Дадим свои координаты;
Левее — пол; каких кровей —
Укажем ниже и правей,
И роспись. Что, тепер яснее
И жизнь, и как справляться с нею?

1996

* * *

Заметки, записи, штрихи,
наброски,
Стихи... Какие там стихи?
Полоски,
Полоски тёмные на фоне
белом...
Давным-давно пора заняться
делом,
А не строкой, что прихотливей
дыма
Течёт и вьётся мимо смысла,
мимо
Любого замысла и всякой
цели
И мимо тех, к кому душой
летели.

* * *

А дождик, выбившись из сил
И затихая,
Всё моросил и моросил,
Перетекая
С небес на землю, чтоб опять
Подняться к высям,
От чьей способности сиять
Всегда зависим.
И от и до, и снова от —
Перемещенье,
Всего и вся круговорот,
Коловращенье...
За кругом круг идём-бредём,
Идём устало,
А всё, что выпало дождем
Уж снегом стало.

* * *

Увы, опять упущен случай,
Упущен шанс побыть везучей
И спеть на радостях шансон,
Пленительный, как летний сон:
«Ля-ля, ля-ля». Живём не ради
Стихов, написанных в тетради.
Но для чего, скажи мне, для
Чего вращается земля,
Тобой и мной отягощая
Себя и вечно нам прощая
Неверный ко всему подход.
Который век, который год

Мы, своего не зная счастья,
Про ведро говорим — ненастье,
И про живой летучий миг
Твердим: тупик, тупик, тупик.

* * *

Коль связать два слова нечем,
То и речи нет; и встречаю
И разлукам течь да течь
В полный мрак, который вечен
И откуда не извлечь
Ни единого явления.
Коль утрачено уменье
Бытиё облечь в слова,
Слушай, как с травой забвенья
Шепчется «усни-трава».

* * *

«Tombe la neige», — хрипловато поёт баритон.
«Tombe la neige». Слава Богу, что это не стон,
Не мольба, не насада, а песня с грустинкой.
На земле, что вращается старой пластинкой,
Те же речи и встречи, и песни всё те ж.
Тихо падает снег, и звучит «Tombe la neige,
Tombe la neige, tombe la neige». На заигранном диске
Всё о том же, о том же — про счастье и близкий,
Близкий счастья конец. Та, что так дорога,
Не придёт, а на землю ложатся снега.
И снега, и любовь превратятся в былое,
Чтобы снова воскреснуть под чуткой иглою.

* * *

Храни молчание. Хранить
Его куда трудней, чем нить
Воспоминаний, разговоров,
Храни молчание от сора
Словесного. Не проронить
Ни слова — трудно, но продли
Молчание до той вдали
Маячащей миражной встречи,
Где тишина — уже часть речи,
А небо — это край земли.

* * *

Нашёл себя? Ну, слава Богу.
Бери находку — и в дорогу.
Бери находку — и вперёд,
Туда, где оторопь берёт,
Где то в упадке, то на взводе
Живут — и силы на исходе,
И хочется, как букву «ять»,
Себя навеки потерять.

* * *

Кто та, с малиновою грудкой,
Летающая в хмари жуткой,
Кто та, кто та,
Кого Господь рукою чуткой
Во все цвета
Раскрасил в пятый день творенья,
Кого на пенье и паренье
Благословил,

Даря цветное оперенье
И лёгкость крыл?
Но как ни звать тебя, персона
Необычайного фасона, —
На «дэ», на «эм» —
Пока летаешь, наша зона —
Почти Эдем.

* * *

Памяти

Николая Виссарионовича Шебалина

Умирал, как дело делал,
умирал.
Догорал душой и телом,
догорал.
Впрочем, нет — душа светилась
и жила,
В теле немощном ютилась,
два крыла
Распустить готовясь вскоре
на свету,
На немислимом просторе
на лету.

Июль 1996

НА СМЕРТЬ МАКСИМА ШЕБАЛИНА

Цикл стихов

Отчалила Харона лодка...
Незрима та перегородка,
Что разделяет здесь и там,
И тени бродят по пятам
За нами преданно и кротко.
Отгородившись тишиной
И полупризрачной стеной
От нашей суеты всегдашней,
Они близки, как день вчерашний,
И далеки, как мир иной...
И слёз обильных не унять,
Не удержать и не обнять
Того, кто стал бесплотной тенью.
«Смиренью, — говорят, — смиренью
Учись, коль некому пенять».

*

И снова в этом мире Божьем
Вполне прозрачным днём погожим
Творится невозможный бред,
И нету сил дышать. И нет
Опоры. Лишь мороз по коже.

Опять творится бред. Опять
В оцепенении стоять
Над свежевырытой могилой,
Взывая: «Господи, помилуй», —
К тому, кто вздумал всё отнять.

Октябрь 1996

* * *

Всё дело в том, что дела нет
Ему до нас. И всякий след
Готов исчезнуть через миг.
Всё дело в том, что Светлый Лик
Всегда глядит поверх голов,
Не видя слёз, не слыша слов,
Не опуская ясных глаз,
Глядит туда, где нету нас.

* * *

Всё в порядке вещей, а верней, в беспорядке.
В жизни хаос такой же, как в этой тетрадке —
И темно, и тревожно, тревожно, темно,
Что-то кончено, что-то всего лишь в зачатке,
Что-то накрест зачёркнуто — отменено.
Что ни строчка, точнее сказать, ни мгновенье —
То волненье, похожее на вдохновенье,
Вечно тянет то петь, то беззвучно рыдать...
Что же, Господи, делать-то с этим? «Забвенью, —
Ты сказал бы, наверно, — забвенью предать».

* * *

Осыпается жасмин, осыпается...
Спит душа моя и не просыпается,
Видит белого жасмина цветение...
Впрочем, то ли это сон, то ли бдение,
То ли это сна и яви свидание...
Видит белых лепестков увядание,
Видит, как они на землю — увядшие —
Опускаются, как ангелы падшие...

* * *

Основа, твердая основа —
Фундамент, сруб...
А слово, что такое — слово?
Движение губ,
Штришок какой-то на бумаге
Да завиток...
Куда реальной капля влаги,
Чем слов поток.

Но коль она тебе по нраву —
Игра в слова,
И ценишь авторское право —
Качай права:
Ставь копирайт в углу листочка,
Пометь края,
Провозгласив: «Любая строчка
Моя, моя».

* * *

Всё по порядку: до, ре, ми...
По струнке: понедельник, вторник... —
Всего не более семи.
Давай заглянем в разговорник,
Посмотрим, как они звучат,
Семь дней — на *лингва итальяна*,
Звучат, покуда их влачат,
Бренча с ленцой на фортепьяно
Иль напевая «*кантарэ*»
И «*волярэ*». Летят недели,
И всякий раз: до-ре, до-ре,
До-ре-ми-фа — и улетели...
Ну а сегодня верхним си
Займёмся, то есть, днём воскресным.
Не оборви его, спаси,
Спаси, продли лучом небесным.

* * *

Что держит на плаву — бог весть,
Что держит на плаву — не знаю.
Плыву, бесшумно уплываю
Куда-то, будто где-то есть
Пункт назначения, черта,
К которой следует стремиться...
Всё мнится, Господи, всё мнится:
И там — мираж, и здесь — тщета.

* * *

Так к чему же всё свелось?
Всё к тому же, да к тому же,
Всё к дождю, что сеет лужи,
Падая немного вкось.
Лист летит наискосок,
Сам Всевышний смотрит косо
На любителей вопроса:
«Так к чему же?..» Всё — в песок.
Всё — в песок: шаги, стихи,
Где Господь помянут всеу,
Дождевые эти струи,
Что стекают со стрехи.

* * *

Дождь идёт да идёт
от зари до зари,
Дождь идёт, а по лужам
снуют пузыри,
И с небес, и с ветвей,
и с любого листа,
Дождик капает, будто бы
краска с холста.
Что за живопись, Бог мой,
и как не нова!
Кто не видел, как мокнет
под ливнем трава,
Кто здесь не был и не жил,
не ведал страстей
И в руках не сжимал
колонковых кистей.

* * *

На том стою, на том,
Что зыбится, струится,
На чём едва стоитя,
Где дышится с трудом.
На том стою, скользя,
Срываясь ежечасно,
На чём стоять опасно,
С чего сойти нельзя.

* * *

Батарейка кончилась у меня в часах.
Я живу вне времени, как на небесах.
Батарейка кончилась — циферблат исчез.
Вы ещё с хронометром — я осталась без.
Не спеша из темени я плыву на свет.
Нет у меня времени, ни минуты нет.

* * *

Сплошная текучка, сплошная текучка.
Всё в мире плывёт, точно по небу тучка,
Всё в мире плывёт, точно облако в речке,
И нету конца и предела утечке,
И нету конца и предела исходу,
И я, не найдя ни единого брода,
Решила, что жизнь — это гиблое дело...
Как в воду глядела, как в воду глядела.

* * *

Что кроме странствия, что кроме
Скитания? В уютном доме
Живём, во времени, в стране,
Но годы мчатся, и оне
(Люблю архаику) уносят
Тебя, меня, а там и бросят,
Оставят неизвестно где
В покое вечном, как в беде...

Но может статься, может статься,
Нам предстоит и там скитаться,
И там покоя не дано, —
Но лишь скитание одно.

* * *

Стояло лето, и стояли
Такие дни,
В таких лучах они сияли,
Что все они
Казались долгим неделимым
Единым днём,
Единым днём неопалимым.
Горел огнём
Край небосвода в час заката,
В закатный час,
Но длился день, и знак «фермата»
Над ним не гас.

* * *

Музыка, музыка, музыка, мука —
Древняя тайна рождения звука,
Что существует, в пространстве кочуя,
Мучая душу и душу врачаю.

Музыка, музыка, форте, пиано —
Ты и бальзам, и открытая рана,
Промыслы Бога и происки чёрта...
Музыка, музыка, пьяно и форте.

* * *

Все эти времена лихие,
Все времена,
Как листья прошуршат сухие.
На письма
Похож узор на листьях клёна.
Роняет клён
И нынче, как во время оно,
Поток письмён.
Что время пишет – ветер носит,
Несёт, несёт,
Не то в глухую пропасть сбросит,
Не то спасёт.

* * *

Цвет жёлтый – это цвет измены.
Глаза рябит от пышной пены
Листвы, которая желта..
Сам Бог велит сойти со сцены,
Поскольку пьеса прожита..
Ещё четыре кратких вдоха –
И переменится эпоха,
В которой так привыкли жить:
Любить, тужить и ждать подвоха,
Осенним вечером кружить, –
Эпоха, с коей связан кровно..
А впрочем, это всё условно –
Тысячелетья и года, –
Сплошной поток струится ровно,
Не утекая никуда.

* * *

Не плачь! Ведь это понарошку.
Нам крутят старую киношку,
И в этом глупеньком кино
Живёт какая-то Нино
И кто-то любит эту крошку.
Решив убить себя всерьёз,
Герой, едва из-под колёс,
Вновь обретает голос сладкий...
Но ты дрожишь, как в лихорадке,
И задыхаешься от слёз.

* * *

Строчка, сверкнувшая в тёмной ночи...
Хочешь – заспи её, хочешь – строчи
Стих, что родился от вспыхнувшей строчки
И ни малейшей не терпит отсрочки.
Всё испиши, не оставив полей...
Скоро за окнами станет светлей,
И потускнеет, лишившись накала,
Строчка, которая дивно сверкала.

* * *

*Всё страньше и страньше...
Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»*

Всё страньше жизнь моя и страньше,
Ещё странней она, чем раньше,
Ещё причудливей, чудней,
Ещё острее тоска по ней —
Чудной и чудной. Что же дальше?
А дальше — тишина, стена...
Смотри-ка, лампа зажжена
В чужом окне, где жизнь чужая
Проходит, старый провожая
И привечая новый миг.
Попробуй не сорвись на крик
И не воскликни: «Стой, мгновенье,
Постой», — но ветра дуновенье
Возможно ли остановить?
Сухие губы шепчут: «Пить».
А может — «Жить». Дадут напиться,
Но жажда вряд ли утолится.
И длится бег ночей и дней,
Чей тайный смысл всё темней,
А видимый — и чужд и странен...
Любой из нас смертельно ранен
И мучим жаждой без конца,
А из тяжелого свинца
Небесного всё льют живые
Живые воды дождевые.

1997

* * *

И лишь в последний день творенья
Возникло в рифму говоренье,
Когда Господь на дело рук
Своих взглянул, и в нём запело
Вдруг что-то, будто бы задело
Струну в душе, запело вдруг,
Затрепетало и зажглось,
И все слова, что жили розно, —
«О Господи, — взмолились слёзно, —
О, сделай так, чтоб всё сошлось,
Слилось, сплелось». И с той поры
Трепещет рифма, точно пламя,
Рождённое двумя словами
В разгар Божественной игры.

* * *

Ничего не выгорит,
не случится чуда.
Выкурят нас, выдворят,
выгонят отсюда.
Выкурят и вытурят,
выдуют и смоят...
К непогоде, видимо,
кости сильно ноют.
И кому в диковинку
старец и калека?...
На губах у новеньких
не обсохло млеко.
Чудо обновления
есть закон витальный.
Жизнь — одно мгновение,
снимок моментальный.
Проводы, свидание
и туманный кто-то,
Где-то в мироздании
на случайном фото.

* * *

А кстати... Впрочем, всё некстати.
Когда утрата на утрате,
То всё некстати и не впрок...
Но только лихо за порог,
Как вновь мечты о благодати.

И, еле ноги волоча,
Иду, ослепнув от луча
Весеннего, гляжу незряче,
И слышу: ангел — не иначе —
Коснулся моего плеча.

* * *

Как Бог на душу положит..
Ну а если он не может
Ничего нам предложить,
Налегке придётся жить.
Но душе всё плоше, плоше,
Тяжелей без Божьей ноши.

* * *

На чём всё держится? На честном,
На честном слове, на небесном,
Луче небесном, ни на чём,
На том, что можно звать лучом
Иль вздохом, или чувством меры,
Иль странным свойством атмосферы
Нас почему-то не лишать
Возможности любить, дышать...

* * *

Живи, покуда поглощён
самим явлением.
Среди подробностей взращён,
живи мгновеньем.

Оно лишь только и дано.
Всё остальное —
Воображение одно,
причём больное.

Живи мгновеньем, что летит
и улетает.
Спонтанных записей петит
душа читает.

А что там дальше — благодать
иль двери ада —
Ей не дано предугадать
да и не надо.

* * *

Ни много времени, ни мало,
А просто времени не стало.
Нет больше «поздно» и «пора»,
И легче лёгкого пера,
Забыв все мыслимые сроки,
Плыву в немереном потоке,
Вневременном, и видит глаз,
Как вспыхнул свет и как погас.

* * *

Во влажные кусты жасмина
Лицом зарыться, в белый куст,
И ничего не знать помимо
Того, что день, как небо, пуст,
Как небо, пуст, как небо, светел.
— Ты кто? — спросила я его. —
Среда? Суббота? — Не ответил
Мне день тишайший ничего.
— Который час? Число какое? —
Спросила. Он не отвечал,
И я оставила в покое
Его, чтоб он не осерчал.
А он сиял, сиял и длился,
Не зная рамок и тисков,
Пока однажды не пролился
Дождём бесшумных лепестков.

ЭПИТАФИЯ НА СМЕРТЬ МИНУТЫ

22 июня

Пространство певучее светлое,
Останься певучим и светлым, —
Твержу, хоть и знаю: заветное
Желанье является тщетным.

И стрелка, всегда неуёмная,
Всё движется, всё поспешает
И нас обрекает на тёмное,
И светлой минуты лишает.

О вечное усекновение
Июньского дня светового!
День кратче уже на мгновение.
Простимся же двадцать второго

С надеждой на свет нескончаемый —
Потеря не может не ранить —
Прощай, осиянный и чаемый
Миг радости. Светлая память.

* * *

Вот и лето прошло...

Арс. Тарковский

Возникли трудности в связи
С концом эпохи.
Давай, поэт, изобрази
Все ахи, охи

Конца эпохи, но, alas,
Конец, начало —
Всё это было столько раз,
Что укачало
тебя, меня. И нет огня
В душе поэта,
И вспомнил он к исходу дня,
Что «вот и лето
Прошло» и что об этом стих
Написан дивный.
Не им, другим. И он затих
В непродуктивной,
В несозидательной тиши,
Затих до срока...
Ты пел, поэт? Так попляши
Нам con fuoco.

* * *

Не вмещаю, Господи, не вмещаю.
Ты мне столько даришь. А я нищаю:
Не имею ёмкостей, нужной тары
Для даров твоих. Ожидаю кары
От тебя за то, что не стало мочи
Всё вместить. А дни мои всё короче
И летят стремительно, не давая
Разглядеть пленительный отблеск края
Небосвода дивного в час заката...
Виновата, Господи, виновата.

* * *

Мелькают дивные места —
Берёзы, ели,
И за верстой летит верста,
Летят недели,
Пейзаж мелькает городской
И деревенский,
И дышит всё это тоской
Почти вселенской.
А почему? Да потому.
Не жди ответа.
Известно Богу одному
Откуда эта
Тоска, что радости сродни,
И эта участь
Чего-то ждать, считая дни,
Томясь и мучась.

* * *

Не живу, не умираю,
Белый лист в тиши мараю,
Видно, всё-таки живу,
Коли в буквы играю.
Не получится — порву
Неудачную страницу..
Знает Бог один границу
Меж скупыми «есть» и «нет»,
Легкой Божией десницей
Создан тот и этот свет.
Тьма ль на том, тоска ль на этом —

Всё равно зовется *светом*
Местоительство души,
Что горит зимой и летом
В многолюдьи и в глуши.

* * *

Постой же, время, не теки.
Постой со мною у реки,
Такой медлительной и сонной.
Пусть жизнь покажется бездонной
Упрямым фактам вопреки.
На этом тихом берегу
Поверить дай, что всё смогу,
Что ничего ещё не поздно,
Что я... «И ты это серьёзно?» —
Шепнуло время на бегу.

* * *

Всё на земле безнадёжно запутано,
Но утверждают мудрейшие: «Тут оно —
Зёрнышко смысла. Оно
В аляповатые ткани закутано,
В пёстрое дней полотно».
Спросишь мудрейших: «Когда ж оно явится?»,
Скажут мудрейшие: «Смертный не справится
С этим горчайшим зерном
И, раскусив его, насмерть отравится
Тайной о мире земном».

* * *

Только жалобную книгу, только жалобы
Я писать да и читать сегодня стала бы.
Только жалобы души, её метания,
Причитания её и бормотания
В сослагательном бессильном наклонении:
«Кабы снова повторилось то мгновение,
Кабы снова то безмерное мучение
И свечение, свечение, свечение...»

* * *

Здесь почва впитывает влагу
Мгновенно, и, хотя ни шагу
Я не могла ступить вчера,
Тропа сегодня, хоть сыра,
Вполне доступна... Что за сагу
Рассказываю и к чему?
Ни сердцу, вроде, ни уму.
Но я испытываю тягу
К стихам, где вместо скорбных тем
И вечного «кому повем?»,
И слёз, что льются на бумагу, —
Всего лишь лето и лесок,
И ливень, что ушёл в песок.

* * *

Идут по свету дяди, тётки,
И все они в конечном счёте
Куда-нибудь придут.
Ну а душа — она в полёте,

Она ни там, ни тут,
Коль есть она. А если нету,
Придётся бедному поэту
Вот так писать в тиши:
«Людской поток течёт по свету,
Течёт — и ни души».

1998

* * *

На земле-то жить нельзя.
И недаром у Шагала
Пешеходов крайне мало,
Все живут, летя, скользя
Над поверхностью земной.
И фигуры Боттичелли
Не к земной стремятся цели,
А к какой-нибудь иной.
Все они удлинены,
Будто тянутся куда-то
К небесам, что в час заката
И зари воспалены...
На земле ведь жизни нет.
В этом каждый убедился:
Кто-нибудь — когда родился,
А другой — на склоне лет.

* * *

Чем оказался Божий дар?
Содомом.
И белой вишней, что цветёт
за домом,
И белой вишней и метельным
садом,
И вешним ветром и смертельным
ядом,
Что растворён в любой из чаш,
и каждый
Её допьёт, томимый вечной
жаждой.

* * *

— Ну что ж, полетели...
— Куда и зачем?
— Да просто, без цели,
За облаком тем...
Да просто махнём в никуда, в никуда,
Послушаем, как там гудят провода
И ветер свистит, и крыло, и крыло,
И сверху увидим, как тихо, бело
И чисто, и снежно средь долгой зимы
В том мире, который покинули мы.

* * *

Снедаем чем? Терзаем чем?
Тоской снедаем.
Неувядаема тоска.
Неувядаем
Бесшумный мир, где лист опал
и опадает,
Безумный мир, который мал, и где
снедает
Меня тоска. И два броска до той
границы,
Где век иссякнет, а тоска —
она продлится.

* * *

Нечто дивное повисло
У меня над головой.
В эти мартовские числа
Повторяю: «Небо, твой,
Небо, твой Буонарроти», —
Вроде так сказал поэт...
Уж который год в полёте,
Сколько зим и сколько лет
Улетаем, прилетаем,
Лишь затем, чтоб улечь,
Возникаем, снова таем,
Да и то — куда нас деть?
Хомо твой, скажи, Всевышний,
Уж признайся, не тая, —
Есть продукт творенья лишний,
Головная боль твоя.
Вот стоит он, нищий духом,
Сердцем юн, а телом стар,
И поёт тебе над ухом
Вешний свой репертуар.

* * *

Дни тяжелы и неподъёмны.
Казалось бы, светлы, бездонны,
Легки — и всё же тяжелы.
Столь ощутимы и объёмны,
А догорят — и горсть золы.

И как нести всю тяжесть эту:
Весомых дней, текущих в Лету,
Событий иллюзорный вес,
Покров небес, которых нету, —
Аквамариновых небес.

* * *

«La vie», — поёт Эдит Пиаф,
«La vie, la vie», лови мгновенье...
И этот голос вечно прав,
И не грозит ему забвенье.
«La vie», — поёт она, где «la»
Артикль, а само-то слово
Настолько коротко — земля
Не слышала короче зова.
«La vie», — поёт она, на крик
Срывается, на крик гортанный.
Лови, лови же этот миг,
Нам для чего-то кем-то данный.
Да хоть и данный, что с того?
Нам только снится обладанье,
Лови, лови, лови — кого? —
Наикратчайший миг свиданья.
«La vie», — как веткой по лицу,
А может быть, по венам бритвой...
И жизнь опять идёт к концу
И завершается молитвой.

* * *

Местоименье «я» имеет место быть,
Неосторожность жить, дышать неосторожность,
И без него — ни дня, и как его забыть,
И дать ему не быть какую-то возможность
Хотя бы день иль два?.. Но я жива, жива,
Всегда при мне права на этой жизни сложность,
На голубой покров, вернее, покрова
Небес и на слова — их силу и ничтожность.
Тянула «я-а-а» да «я-а-а», а зазвучало «а-а-а»,
И буква, что была последней в алфавите,
Вдруг стала первой, да, и в этом вся беда,
И в этом корень зла. Не надо, не тяните.
И всё же «аз» да «аз», «аз есмь» — в сотый раз
Творится вечный сказ, прядутся жизни нити,
И вспыхнул звёздный час, и вспыхнул и погас,
И нету буквы «аз» पहले в алфавите.

* * *

Разыгралась непогода,
Всё стонало и гудело,
В царстве полного разброда
Лишь разброд не знал предела,
Всё стонало и кренилось
В этом хаосе дремучем...
На ветру бумажка билась —
Кто-то почерком летучим,
Обращаясь прямо к миру
Без затей и без загадок,
Написал: «Сниму квартиру.
Гарантирую порядок».

* * *

Ах, тонус, тонус, нужный тонус —
Его поддерживает конус
Мороженого в жаркий день,
Его поддерживает тень
В жару, а убивает Хронос,
Чей нрав неумолимо крут:
Сегодня ты как будто тут,
А завтра неизвестно, где ты —
Не то на середине Леты,
Не то попал на Страшный суд,
Не то, не это, и, увы, —
Все эти мысли не новы,
Как, в общем-то, любые мысли...
Жара, но облака повисли
Желанные над головой,
И если ты ещё живой,
И если сливки не прокисли
Вчерашние, — себя потешь:
Смешай с клубникой да и съешь.

* * *

Хлестал он по спинам, по спинам,
Струился по саду с жасмином,
Стекал по лицу, по лицу,
По крыше стучал и крыльцу,
Не шёл он, а бешено нёсся
По саду, что дивно разросся,
Он шарил в траве и кустах
И был он у всех на устах,
О нём (о, мгновение славы!)
Шептались и листья и травы,
Он кончился в десять утра...
Сик транзит, сик транзит, сик тра...

* * *

А что там над нами в дали голубой?
Там ангел с крылами, там ангел с трубой,
Там в ангельском облике облако, о! —
Такое текучее, так далеко,
Как прошлое наше, как наше «потом»,
Как дом самый давний, как будущий дом,
Верней, домовина. Откуда нам знать,
Куда уплывает небесная рать,
Какими ветрами он будет разбит,
Тот ангел, который беззвучно трубит,
Тот ангел, который не ангел, а лишь
Сгущение воздуха, горняя тишь.

* * *

То мимолетна, то длинна —
Но музыка устремлена
В те выси, из которых родом,
И вечно бредит небосводом,
Нездешним светом пленена.
Заглянешь в ноты — тёмный лес
Крючков и знаков. До небес
Семь долгих верст, семь нот — всё лесом.
Творимы ангелом и бесом
Её бекар, бемоль, диз.
Она бела, черна, бела,
Её безгрешные крыла
Белы, но зрак бесовский чёрен,
А темп так бешено ускорен,
Что, закусивши удила,
Она достигла тех высот,
Где нет ни знаков и ни нот.

УРОК АНГЛИЙСКОГО

А будущее всё невероятней,
Его уже почти что не осталось,
А прошлое – оно всё необъятней,
(Жила-была, вернее, жить пыталась),
Всё тащим за собой его и тащим,
Всё чаще повторяем «был», чем «буду»...
Не лучше ль толковать о настоящем:
Как убираю со стола посуду,
Хожу, гуляю, сплю, тружусь на ниве...
На поле? Нет, на ниве просвещения:
Вот английский глагол в инфинитиве –
Скучает он и жаждет превращения.
То stand – стоять. Глаголу не стоитя,
Зелёная тоска стоять во фрунте,
Ему бы всё меняться да струиться
Он улетит, ей-богу, только дуньте.
А вот и крылья – shall и will – глядите,
Вот подхватили и несут далёко...
Летите, окрылённые, летите,
Гляжу вослед, с тоскою вперив око
В те дали, в то немислимое *фьюче*,
Которого предельно не хватает...
Учу словцу, которое летуче,
И временам, что вечно улетают.

* * *

Oh, I believe in yesterday
Beatles

Пели «Yesterday», пели на длинных волнах,
Пели «Yesterday», так упоительно пели,
И пылали лучи, что давно догорели,
Пели дивную песню о тех временах,
Полупрозрачных тех, где всегда благодать,
Где пылают лучи, никогда не сгорая...
Да хранит наша память подобие рая,
Из которого нас невозможно изгнать.

* * *

Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадежно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты — своё, я — своё, да и как же иначе?
Дождь идёт — мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали. И как не совпасть?
Я — подобье Твоё, и мои неудачи —
Лишь Твоих незаметная часть.

* * *

Голос ломок, слеза солона,
Взгляд растерян — сии сантименты,
Сокровенные эти моменты
Не забудь, коли память дана.

Помни, помни, memento о ней —
Не о смерти, — о жизни, о жизни,
О моментах, что прочих капризней,
Прочих сладостней и солоней.

* * *

А где же мелос? Мелос где?
Где Шуберт — тот, что на воде?
Где Моцарт — тот, что в птичьем гаме?
Какая приключилась с нами,
Вернее, с мелосом, беда?
Быть может, утекла вода,
Та, что пригодна для форели?
Стал суше лес и глуше трели?
Или в созвучии «земля»
Совсем запала нота ля,
Запала и звучит так глухо,
Что не улавливает ухо?
А может, больше нет небес
Божественных, поскольку бес
Попутал всю планету нашу
И заварил такую кашу,
Что тошно нам и небесам,
И верхним нотам и басам.

* * *

Невесть чего мы ждали свыше,
Когда оттуда снег на крыши
Упал, на тропы, что окрест,
И мир, лишившись тёмных мест,
Вдруг стал подобьем светлой ниши,
Где можно скрыться от невзгод.
Да будет снежным этот год!
Да будет снежным, нежным, нежным...
Вот тронул пальчиком прилежным
Малютка семь древнейших нот:
Ре-ми — запнулся — до-ре-ми...
Ну, доиграй уж, не томи,
Играй простые гаммы эти.
Скажи спасибо, что на свете
Всех нот не более семи.
Звучат низы, верхи, низы,
Но там ли, сям — везде азы.
Мы вечно заняты азами —
Густая тьма перед глазами
Иль небо цвета бирюзы.

* * *

Не стоит жить иль всё же стоит —
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут...
Летай душа, какое дело
Тебе, во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачайшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

1999

* * *

На излёте зимы, на излёте
Века бедствий и века любви
Всё тяну на излюбленной ноте
Ту же песню. И всё ж улови,
Улови, улови перемену:
Песня та же, но в голосе — дрожь...
Впрочем, петь — значит биться об стену,
Ту, которую не прошибёшь.

«Разметает, — пою, — разметает
Вешний ветер и всё разорит...»
Но сегодня чуть раньше светает —
Семь пятнадцать, а небо горит.

* * *

Положено идти вперёд,
Но он и давит и гнетёт
Кусок, что прожит.
И даже верба, что цветёт,
Помочь не может,
И даже неба светлый край...
Ты погоди, не умирай —
Там рая нету.
Твой рай — нести под птичий гай
Всю тяжесть эту.

* * *

Иссякло время, и со временем ушло
Всё то, что ранило и мучило, и жгло,
Иссякло время, значит, некуда спешить
И наконец-то можно жить себе и жить,
Читать нечитанное, петь или гадать
О чём — неведомо... Какая благодать!
Я почитала бы, да строк не видит глаз,
Ведь время кончилось, и, значит, свет погас.

* * *

Апрель. И сыро и серо.
И птичье вымокло перо.
Серо и сыро.
Что ни скажу — как мир старо,
И нету мира
Ни в мире, ни в душе самой,
Ни в восклицаньи «Боже мой!»,
Ни в водах талых,
Ни в этих вот — «Пойдём домой» —
Словах усталых.

* * *

Жизнь почти истаяла, стала тоньше льдинки...
Горькие, прозрачные, вешние картинки...
Хрупкие, горчайшие, вешние подарки...
Вьётся нить тончайшая в гибких пальцах Парки,
Вьётся, обрывается — тронешь ту иль эту —
Грань легко смывается между «есть» и «нету».

* * *

Всё вполне выносимо, но в общих чертах,
А в деталях... постылые эти детали!
Не от них ли мы так безнадежно устали,
И особенно те, кто сегодня в летах.

Эти ритмы поповые над головой,
Эта дрель за стеной, что проникла в печёнки,
Уголовного вида хозяин лавчонки,
Одинокой собаки полуночный вой,

Этот ключ, что, хоть тресни, не лезет в замок,
Полутёмный подъезд и орущие краны,
Тараканы и мыши, и вновь тараканы,
В жаркой схватке с которыми всяк изнемог.

Бог деталей, я всё же не смею роптать.
То ли Ты мне шепнул, то ли выскочка-дьявол,
Что на тех, кто в мирском этом хаосе плавал
И тонул, — лишь на них снизойдёт благодать.

Живём, то бишь, спешим
Весной, зимой и летом...
А жизнь — она с приветом,
Причём весьма большим:
То далеко пошлёт,
То вусмерть зацелует,
То спит и в ус не дует,
Холодная, как лёд,
Недвижная почти,
Мертвячка и ледышка,
И ты бормочешь: крышка!..
Но это жизнь — учти.
Она ещё тебя
Огреет и ошпарит,
Ещё под дых ударит
И скажет, что любя.

* * *

Что с городом моим, что с ним,
С тобой, со мной, со всеми нами?
Закатное бушует пламя,
И мы в том пламени горим.
Сгорим — останется зола.
Зола созвучна слову «злато»,
Созвучна золоту заката...
«Живу» сменилось на «жила»,
Сменились малого словца
Две буквы крайние — не ново,
Сменилось окончанье слова
В речах, которым нет конца.

* * *

Хорошо покатались на шарике этом.
И ещё покатаемся нынешним летом
На зелёном, на жёлтом, на белом — на пёстром...
Лишь бы кто не проткнул его чем-нибудь острым,
Лишь бы кто недохнул на него ядовито,
Лишь бы вдруг не исчезла на шарике vita,
«Да уймись, — говорят, — светит солнышко дивно,
Что ты всё о дурном? Даже слушать противно».

* * *

Опять жара. Какая нудь.
Лень даже пальцем шевельнуть.
И ежели сместилась тень,
То вслед за ней сместиться — лень.
Который день жара стоит,
Но жив ещё один пиит,
И тянется к перу рука,
И пьёт пиит из родника,
Что и в жару не пересох,
И пишет он то «ах», то «ох»,
То очи долу, то горе...
О чём он пишет? О жаре.

* * *

— Как живёшь?
— Благодарствуй, живу на свету,
Вот пионы цветут и шиповник в цвету,
И акация. Всё это утром в росе,
В изумрудной, густой. Вот и новости все.

— Неужели других не нашлось новостей
В этом мире темнот и сплошных пропастей,
Тех, в которые ухни — костей не собрать...
И откуда взяла ты свою благодать?
Где живёшь ты, ей-богу?
— В начале села,
Я на лето полдома с террасой сняла.

* * *

На столе алеют розы,
За забором блеют козы,
За окном вздыхает сад...
Ни вперед и ни назад —
Никуда спешить не надо
Из пленительного сада,
Из медлительного дня,
Что пустил пожить меня.

* * *

И всё же он невыносим,
Хотя нести его не надо.
Он сам подобьем водопада
Несёт сквозь груды лет и зим —
Тебя, меня несёт поток
Текущей жизни — и уносит,
Покуда где-нибудь не бросит...
Невыносим он — вот итог.
Невыносим его напор.
И недостаточность напора.
Невыносим он тем, что скоро
Летит и что не слишком скор.
Несясь сквозь груды зим и лет,
Невыносим он всем на свете:
И тем, что хмарь, и тем, что ветер,
И тем, что ветра вовсе нет.

* * *

Время сбрендило, спятило, тихо свихнулось
И ушло, и обратно уже не вернулось,
То ушло, а другое — пришло...
Я от боли от острой внезапно проснулась —
Так нещадно оно меня жгло,
Жгло, как будто о тело гасило окурки, —
Не жалеет оно наши нежные шкурки,
Не бывает щадящих времён.
Мы на каторге здесь — доходяги, придурки —
Каждый мечен, вернее, клеймён.

* * *

«Made in Russia», in Russia, в России одной
Обходиться умеют без речи родной,
С матерком продираясь в тумане,
И, пускаясь в загул, не стоять за ценой,
Даже если негусто в кармане.

Made in Russia, in Russia, взгляните на швы,
Как они непрочны и небрежны, увы,
Да к тому же и нитки гнилые...
Не приткнуться и не приклонить головы —
Времена здесь всегда нежилые.

Наш родной неуют — навека, навека.
Хоть дрожит у хмельного умельца рука,
Когда тянет он жижу из склянки,
Он ещё молодец и при деле пока,
И не рухнул ещё со стремянки.

* * *

Господи, подай словечко,
Онемевшему подай!
Что шепнул Ты? «Богу свечка?»
Что сказал Ты? «К Богу в рай?»
Или это мне помстилось,
И молчат Твои уста,
Просто тень слегка сместилась
На странице, что пуста?

* * *

Снова август в крапинку —
Дивный, дивный вид:
В искорку, в царапинку,
Что слегка кровит.

Всё, что, вроде, кануло,
Перестало быть,
Вдруг опять воспрянуло,
Возопивши: «Жить!»

Жить! Гореть! Мытариться!
Настрадаться всласть,
Чтоб вовек не зариться
На чужую страсть.

* * *

Где хорошо? Повсюду и нигде.
Всё разошлось кругами по воде
По тихой – разбежалось, разошлось...
Гляди-ка, тут погасло, там зажглось.
Там осень лист осиновый зажгла...
Послушай, не проводишь до угла?
Верней, до поворота, а верней,
До тех дрожащих на ветру огней?

* * *

Проснулась... – где я? На земле, на ней, –
Здесь тьма дорог, а также тьма огней
И тьма словес безбожных и пустых,
И тьма сюжетов сложных и простых.

Земля, земля, землёю, на земле...
Гори, гори, не гасни и в золе,
В золе ищи тех близких и родных,
Кто отпылал во временах иных.

Кругла, как нолик, бедная земля,
Где – что ни миг – всё снова, всё с нуля,
Всё тот же шёпот: «Любишь ли?» – «Люблю!
Ловлю твой вдох и выдох твой ловлю».

* * *

Осенний дух листвою шуршит,
Увещевает: «Брось,
Пускай судьбу твою решит
Счастливое *авось*.

Авось — отмычка, верный ключ,
Решенье всех задач...
По рукаву сползает луч...
Не мучь себя, не плачь.

Точнее слов в запасе нет
Про время и про путь,
Чем невесомые — *чуть свет,*
Авось, когда-нибудь...»

* * *

He took his own life

Он взял свою жизнь и куда-то унёс,
На брошенный дом оглянувшись сквозь слёз,
Сквозь слёзы на дали взирая...
Увы, не видать ему рая.
Ведь рай, что мерцает в дали голубой,
Совсем не для тех, кто кончает с собой,
Земного не выдержав ада
И выпив смертельного яда.
Теперь впереди ни границ и ни дат,
А только один нескончаемый ад,
Немыслимый и беспредельный,
И хуже того — бессмертный.

* * *

На деревьях стая соек,
На заборе два дрозда...
Мимо соек и помоек
Лихо мчатся поезда.
Поезд мчится, гнутся травы,
А промчится — снова тишь.
Жизнь моя, куда ты, право,
Как безумная, летишь?
Дай ответ — не даст ответа.
Пролетит — и все дела...
Снова осень рощу эту
Раздевает догола.

* * *

Всё надоело, говоришь,
Всё надоело, надоело —
Твердишь. Кому какое дело,
Что ты уж больше не паришь,
Что никаких не стало сил,
Что впору лишь вздыхать устало,
Что ты тут был, мёд-пиво пил,
Ну а потом тебя не стало?
Сюжет не нов, не нов, не нов,
И не велик улов, ей-богу:
Всего пяток каких-то слов,
Которых не возьмёшь в дорогу.
А что возьмёшь? Да ничего.
И в том печаль, но в том и чудо,
Что даже вдоха своего
Туда не унесёшь отсюда.

* * *

Жизнь — исчезновение
Каждого мгновения,
Всех до одного...
Ты другого мнения?
Выскажи его.
Говоришь — тягучая,
Долго длится, мучая
Особь ту и ту..
Вздор — она летучая,
Жизнь — она лету...

* * *

Пиши поверх чужих письмён,
Чужих имён, чужого пыла,
Пиши поверх всего, что было
За время смены всех времён.
Поверх чужих черновигов,
Беловиков, чужого текста —
Иного не осталось места
По истечении веков.
За годом год, за слоем слой...
Поверхность новую тревожа,
Пиши, сумняшеса ничтоже,
Свой дерзкий стих, бессмертный свой.

* * *

«Да» и «нет» не говорите никогда.
Но упрямо вы твердите «нет» и «да»,
Норовите дать на всё прямой ответ:
— Любишь?

— Да.
— А не разлюбишь?
— Что ты! Нет!
Не мудрее ли звучат обиняки?
Ведь такие здесь гуляют сквозняки,
Что не знаем, как до вечера дожить.
Доживём ли? Может статься... Может быть...

* * *

Когда сгину, Господи, когда сгину,
На кого покину я ту осину,
На ветру дрожащую, эти тропы,
Эти дни, скользкие, как синкопы,
На кого покину я птичью стаю,
Три сосны, в которых всегда блуждаю,
Эту золотистую листьев пену...
Подыщи же, Господи, мне замену.

* * *

Живём, а значит, умираем.
Ведь мы по-крупному играем
И ставим жизнь на кон.
Небесный свод с лучистым краем —
Наш постоянный фон.
На этом фоне столь небесном
Со смертью мы в контакте тесном
Живём, и наш союз
Навек скреплён лучом отвесным —
И нет прочнее уз.

* * *

Всё скоро кончится — увы или ура...
Вот-вот услышу я: «Пора, мой друг, пора»,
Пора, пора, а я ещё не поняла:
Мила мне жизнь моя земная — не мила,
А я ещё не научилась бытовать,
Вставать и падать, и, упав, опять вставать,
Я всё ещё на этом свете новичок,
И до сих пор я обживаю тот клочок
Земли, где жёлтая лежит поверх травы
Листва осенняя. Увы, мой друг, увы...

* * *

С землёй играют небеса
И дразнят, и грозят обвалом,
Грозят в пожаре небывалом
Спалить жилища и леса.
А в тусклый день они опять
Покровом серым и смиренным
Висят над этим миром бранным,
И слёз небесных не унять.

* * *

Не надо истине рождаться,
А надо вечно заблуждаться,
А надо вновь и вновь,
Вновь с удивленьем убеждаться,
Что ты не в глаз, а в бровь
Попал опять, что мимо цели
Твои мгновенья пролетели,
А цели так ясны
И так просты, как след капли
Исчезнувшей весны.

* * *

Прикрепив крыло к плечу,
Крикнув дерзкое «Лечу!»,
Он сорвался с колокольни...
В мире нет пути привольней,
Безрассудней нет пути.
Ты летишь? Лети, лети...
Вот уже и об землю тело,
Но душа... она взлетела.
Лёгким крылышком шурша,
Устремилась ввысь душа.

* * *

Как жизнь? Идёт себе, идёт,
Куда — неважно.
Уже на тропах снег и лёд,
А было влажно,
А было так и было сяк,
И всяко было...
Двадцатый век почти иссяк,
И я забыла,
Зачем пришла на белый свет,
Чего хотела,
А, может, вовсе цели нет,
Пришла без дела, —
И вот хожу, топчу снежок
Под небом серым,
Кропаю простенький стишок
Смешным размером.

* * *

Улетать и опадать —
Вот любимые глаголы
Осени. Кругом так голо
И пустынно — благодать.

Всё как надо. Всё путём.
Лист летит под ноги людям...
Ну давай ещё побудем.
Вот побудем и уйдём.

Помолчим о том о сём,
Бросим взгляд на эту осень...
Впрочем, мы её не бросим
И с собою унесём.

* * *

Жить на земле, земли касаясь
Едва-едва,
Лишь тем от хаоса спасаясь,
Что дважды два,
Что дважды два — всегда четыре,
Не три, не пять,
Что после ночи в этом мире
Светло опять.
И даже если, дня не встретив,
Умрёшь в ночи,
То черноту мгновений этих
Спугнут лучи.

* * *

Перемещённое лицо
С небес на землю
Земля взяла в своё кольцо,
И, небу внемля,
Земле подвластно — всем её
Толчкам и сдвигам,
Идёт земное бытие
Под этим игом.
А наверху, а наверху
В краю небесном
Про тварь земную «who is who»
Давно известно.
Про всех отдельною строкой
Есть запись в деле:
Кто проживает и с какой
Душой в теле,
И чьи мажорны голоса,
А кто в миноре,
И чья душа на небеса
Вернётся вскоре.

* * *

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.

Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней —
Беспощадной и нежной — и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

* * *

А звук дрожит, дрожит, боится,
Боится полной немоты,
Он так боится испариться,
Что умоляет: «Пой и ты».

Пою, пою — куда деваться?
Пою полсотни зим и лет,
Плодя без счёта вариаций
На тему ту, которой нет.

А если есть, то лишь в темнотах, —
На свете мало ли темнот? —
И только тень от темы в нотах,
А тема — где-то между нот.

* * *

И голуби взлетают из-под ног,
И всё здесь в перьях, в перьях и помёте...
Дослушайте меня, и вы поймёте,
Ведь у меня, ей-богу, лёгкий слог...
И всё ласкает нынче слух и глаз
В Венеции, где голуби на *пьяцца*
Гуляют и двуногих не боятся,
Живя в простейшем времени – сейчас,
Живя сейчас, сегодня, нынче, днесь...
Что щедрый Бог пошлёт, тому и рады,
И не сулите в будущем награды,
Пусть сей же час, сегодня, прямо здесь
Нам в клювик крошку бережно кладут –
Сегодня же, сейчас, без промедленья,
Ведь завтра... завтра тленье и забвенье...
Ты к нам с гостинцем, Господи? Мы тут.

* * *

На линии огня, огня,
Где плавится остаток дня
И полыхает, полыхает
И постепенно затухает,
Всевышний, не щади меня!
Пускай сгорит в Твоём огне
Всё опостылевшее мне
Во мне самой. Но если что-то
Ещё пригодное для взлёта
Откроешь Ты на глубине,
На самой... Но чего хочу?
Советую Тебе, учу...

*Надышали и живём
2000–2002*

* * *

*Звонят отсюда через ноль,
А также через боль и муку.
Коммуникации науку
Освоить просто. Уж не столь
Она немислимо сложна:
Нажмёте точку болевую
И речь услышите живую,
Ту самую, что вам нужна.*

2000

* * *

Мир мал и тесен — просто жуть.
И мнившийся столь долгим путь
Ничтожно мал. Не путь — огрызок:
И узок он, и финиш близок,
Он меньше строчки в букваре.
Сменилась дата в январе,
И вроде даже век сменился,
Но путь, увы, не удлинился,
Он так же узок, так же мал,
Как тот диванчик, где дремал
Лизочек, нацепив штанишки
Из тонких крыльев комаришки.
Сквозит старинный этот мир,
Протёртый, как штаны, до дыр,
Он на свету сквозит, как ветошь,
И не поможет даже ретушь.
Мир мал, а ямы велики,
Многообразны тупики,
Кругом царят большие числа,
А жизнь на ниточке повисла,
На тонкой ниточке одной,
Покуда кто-то за стеной
Поёт про малого Лизочка...
Какая дивная отсрочка!

* * *

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни — гаранты,
Того, что варианты есть,
Снежинки — крылышки, пуанты —
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летающих, заживо горящих
В небесном и земном огне, —
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом,
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздохнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

* * *

Ну и так далее, далее, далее,
Далее лишь остановка «Рыдалия».
Если и далее так,
То за «Рыдалией» будет «Усталия»
А за «Усталией» — мрак.

Выход один — избежать неизбежное
И, заглядевшись на небо безбрежное,
В коем плывут облака,
Вдруг ухватиться за облако нежное,
Крикнув землянам: «Пока!»

* * *

В тех юных строках её, первых, начальных,
По-детски смешных и по-детски печальных,
В тех первых давно позабытых строках,
Где пышное «О!» наезжало на «Ах!»,
Где были обильны души излишня,
Где Пушкин боролся с Барто за влиянье,
Где глупая девочка шла напрямик,
Предчувствуя тот ослепительный миг,
Который... которого нету в природе, —
Но это поймёт она лишь на исходе
Годов — там таился мерцающий свет,
Рождённый мгновеньем, которого нет.

* * *

Серое небо над чёрной дырой...
День нынче первый, а месяц второй.
Века начало и года, и дня.
Их осветить не осталось огня,
Сил не осталось огонь раздобыть,
А без огня непонятно как быть.
Где его взять в эти тёмные дни,
Коль из горючего — слёзы одни?

* * *

Темна вода, темна вода
В облацах...
Жизнь уместилась в четырёх
Абзацах,
Вся жизнь, которая текла
И длилась,
Сгустилась разом и в абзац
Вместилась.
А это значит — коль отжать
Всю воду,
Оставив твёрдую одну
Породу,
Получим драму, что весьма
Компактна
И выразительна,
И одноактна,
И динамична, коль всерьёз
Отжата.
Мильон подробностей — пустая
Трата
И сил, и времени, и слёзной
Влаги...
Не растекайся мыслью
По бумаге.
Пускай мгновенья, что текут
И длятся,
И завораживают, —
Испарятся,

И станет счастье пополам
С бедою
В облацах дальних дождевой
Водою.

* * *

Господь посылает сырую погоду,
Чтоб вывести всех нас на чистую воду,
На чистую воду, что льётся с небес...
Ютится ли ангел, ютится ли бес
В душе нашей призрачной? Что в ней ютится —
В душе, что в конце улетаёт, как птица?
В конце бытия улетаёт туда,
Откуда течёт дождевая вода?

* * *

Манна с неба, манна, манна...
До чего же негуманно
Так обманывать людей,
Обещая им туманно
Манну с неба: «На, владей!»
То не манна — просто манка,
Просто жалкая приманка,
На которую клюём,
Чуда бледная изнанка...
Но взгляни на окоём:
Облака на небосклоне,
Стая птиц на дивном фоне,
Ослепительных небес,
К коим тянутся ладони
В ожидании чудес.

* * *

«А» и «Б», что на трубе,
Числясь первыми по списку,
Подвергались злomu риску,
Всё проверив на себе.
И в конце концов, увы,
И упали, и пропали...
Не ясны судьбы детали,
А итоги не новы.
Что ж осталось? Только «И».
«И» надежды не теряет,
Всех и вся объединяет...
Так храни же нас, храни,
Единение любя,
Совершай свой труд полезный,
Висни мостиком над бездной —
Вся надежда на тебя.

* * *

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: «Эй, Колян!»,
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы, и океан
Дневного света.

* * *

Шаг влево, шаг вправо — и будет пиф-паф.
Не прав ты, начальник, ей-богу, не прав:
Так целишься долго, мурыжишь давно,
Что нам уже стало почти всё равно.
«Убью!» — говоришь. Отвечаем: «Убей!» —
Без страха гуляя по зоне твоей.
Опять невредимы, опять пронесло,
Опять не вошли в убиенных число.
А может, затем лишь грозишься убить,
Чтоб мы научились всё это любить:
Весеннюю лужу, где рай воробью,
И небо, и зону с привычным «Убью!».

* * *

Ну, вырвись, попытайся, воспари —
Себе твержу, пуская пузыри
И погружаясь медленно на дно,
Где скорбное бесчувствие одно.
И сбросить этот морок нету сил.
О Господи, хоть Ты бы попросил,
Сказал бы: «Постарайся для меня».
Но Ты живёшь, молчание храня.

* * *

Переживая бренность бытия,
Предпочитаю в рифму убиваться,
Слова, слова — куда от них деваться? —
Заклятия, заплачки, лития?

Зачем переживаю — не пойму,
Что есть предел и пенью, и терпенью,
Везенью, невезенью и мгновенью,
Которое ни сердцу, ни уму.

Бегут года, и, сколько ни продлись
Морока эта, всё пишу о бренной,
О бренной жизни и душе нетленной...
Занудство, да? Занудство. Согласись.

* * *

Поиграй с нами, Господи,
поиграй,
Он такой невесёлый —
родимый край,
Что осталось нам только
играть и петь,
Чтоб с отчаянья вовсе
не умереть.
Поиграй с нами в ладушки
и в лапту,
Дай поймать что-то светлое
на лету,
И, покинув заоблачный
небосвод,

Поводи с нами, грешными,
хоровод,
Сделай столь увлекательной
всю игру,
Чтобы я не заметила,
как умру.

* * *

В ночь из ночи напрямиком...
Точно рыба плавником
День щеки коснулся...
Неизвестно чем влеком,
Ты зачем проснулся
Здесь под небом на земле?
Чтоб найти огонь в золе,
В невесомом пепле,
И глядеть, как в феврале
Ветер пламя треплет?

* * *

Нынче шлют небеса столь рассеянный свет,
Будто вещи, достойной внимания, нет...
Но достаточно бросить рассеянный взгляд
На весеннего леса неброский наряд,
На мелькнувшую бабочку или жука,
На плывущие в талой воде облака,
Чтоб в рассеянных этих весенних лучах
Загустить о посеянных где-то ключах
От заветных дверей, от такого ларца,
Где хранится последняя тайна Творца.

* * *

Каков текучести итог?
Куда впадает дней поток?
Томясь по взлёту и броску,
Куда впадает жизнь? В тоску,
В тоску, где края не видать...
Куда ещё должно впасть
Текущее житьё-бытьё?
Коль не в тоску, то в забытьё.

* * *

Интересно, что случится,
Коль на время отлучиться,
Ненадолго выйти вон
Из потока дней, что мчится,
Всё живое взяв в полон;
Убежать, как дух от тлена,
От наследственного гена,
Прочных связей, кровных уз,
От судьбы, где даже смена
Дня и ночи — тяжкий груз;
Убежать от оста, веста,
Зюйда, норда, из контекста,
Что написан на роду...
Только ты держи мне место
В этом веке и году.

* * *

Тебя опекает и этот листок,
И окна, что утром глядят на восток,
И птичье крыло, и цветущая ветка —
Ты в этом пространстве любимая детка.
И день вроде жаркий, но нет духоты,
У Господа Бога за пазухой ты,
Под небом высоким, под веточкой низкой.
Одно только плохо — проблемы с пропиской.
Царящий закон неизменен и строг —
Тебя здесь пропишут, но только на срок.

* * *

Куда ни глянь — сплошные нети.
Вот объявление в газете:
«Ищу, ищу, ищу, ищу» —
Читаю это и грущу.
Кого-то кто-то ищет срочно,
Указаны приметы точно,
И дан контактный телефон,
И в самом деле, где же он?
Где он, единственный из тыщи,
Которого так срочно ищут,
Который нужен позарез,
Тогда как времени в обрез,
В обрез, на донце, на пределе?
Ну отзовись же в самом деле,
«Я тут, — скажи, — я тут, я тут», —
Откликнись, и тебя найдут.

* * *

День потух, почти потух,
Спит на яблоне петух,
Он вчера сбежал из клетки
И сегодня спит на ветке.
Утром он попьёт росу,
А хозяин, взяв косу,
На участке скосит траву
И устроит там облаву
На шального петуха...
Спи же, петя, ночь тиха,
Спи, и пусть тебе приснится,
Будто ты и правда птица —
Вот подремлешь полчаса
И взлетишь на небеса.

* * *

Всё рифмуется со всем —
С ночью день, с водою суша,
То звончей они, то глуше —
Эти рифмы кровных тем.
Вечно к суше льнёт вода,
Тьму пронзает стук колёсный —
Рифмой парной, перекрёстной
Окольцованы года.
И мелькают тьма и свет,
Как рифмованные строки,
И безумец одинокий
Всё рифмует «да» и «нет».

* * *

На чём настаивает лето?
На чём? На изобилье света,
На том, что солнечный настой,
Такой душистый и густой,
Хмельнее всяческой настойки...
Глотнув его, дремли на койке,
Чтоб в полусне почуять вдруг,
Что жизнь проходит, как недуг.

* * *

Час от часу не легче,
А только тяжелей...
Так много птичек певчих
Средь солнечных аллей.
Их песням нет предела,
И всё ж — увы и ах —
Не птичка пролетела,
А жизнь на всех парах.
Ей не впервой, конечно,
Летучей, не впервой...
На блюбочке — черешня,
Поешь, пока живой,
Пока тебе жуётся
И ягодка мягка,
Пока ещё живётся
Хоть как-то, хоть слегка.

* * *

Всё бессмысленно и плохо
С точки зрения травы,
Жизнь её достойна вдоха
И печального «увы» —
Жгут её и рвут, и топчут,
И покоя не дают,
Поострей косу наточат —
И давай крушить уют,
Насекомую обитель,
Столь любимую жучком...
Не губи траву, воитель,
Лучше ляг в неё ничком.
На тебя здесь зла не держат
И тебе не отомстят...
Пощекочут и понежат,
На ушко прошелестят.

* * *

Ну чем не муза, чем не муза —
Щенячье розовое пузо?
А нос, щенячий чуткий нос, —
Он влажен, как охапка роз,
Покрытая росой, а ухо
Сигналит нам: «Полундра, муха!»
А хвост... О, эта речь хвоста!
Кто скажет, что она проста?
В ней и поэзия, и проза,
И грусть, и нежность, и угроза.

* * *

Под каёмкой голубой
В три оконца дом с трубой,
Дом, крылечко и дорожка,
На которой пёс и кошка.
Так приятно рисовать,
Тут — цветочки насовать,
Там — каких-то дивных птичек...
Мир прекрасен без кавычек.
Ничему не мерян срок.
Кошка — мяу, птичка — скок,
Сад сверкает изумрудно...
Богом быть совсем нетрудно —
Нужно что? Карандаши
И движение души,
И обычный лист бумаги,
Что боится только влаги,
Только влаги и творца —
Желторотого мальчика,
Созидающего в раже
То, о чём и думать даже
Позабудет, коль дружки
Позовут играть в снежки.
Где? В какой вселенской точке
Бросит он свои цветочки,
Дом, тропинку, кошку, пса,
Голубые небеса —
Чтоб обречь своё творенье
На распад и разоренье.

* * *

To beat about the bush

Вокруг да около — чего?
Горящего куста, наверно.
То солона, то эфемерна
Роится жизнь вокруг него.

Вокруг да около куста
Неопалимого хождение,
Рождение, смерть, опять рождение
Под синевою, что густа.

Вон те сгорели, плач по ним,
И мы сгорим — бушует пламя,
Бог с нами, грешными, Бог с нами,
Лишь был бы куст неопалим.

* * *

Средневековые картинки —
Герои гибнут в поединке,
На сцене мёртвые тела...
А я пока ещё цела,
Судьбой-злодейкой не убита,
Моё окно плющом увито,
И я пока ещё могу
Кивнуть кому-то на бегу,
Прочесть по-аглички Шекспира
И посмотреть кино с Де Ниро,
Иль просто выйти во садок,
Но мне мешает холодок,
Которым — сладко мне иль худо —
Всё тянет, не поймёшь откуда.

* * *

Досадно, Господи, и больно,
Что жизнь Тебе неподконтрольна.
Она течёт невесть куда
И утекает, как вода,
И тает, как весной сосулька...
Осталось с гулькинос, а гулька —
Из не особо крупных птах,
И кроме бедной рифмы «прах»
Не нахожу другой удачной,
Чтоб поделиться думой мрачной
О жизни суетной, дурной,
Надсадной, как звонок дверной,
Как в кухне сорванные краны,
О жизни, ноющей, как раны,
Немыслимой, такой-сякой,
Где счастья нет, но есть покой,
Да и покой нам только снится...
А впрочем, если уж делиться,
То не предчувствием дурным,
А мёдом, молоком парным.

* * *

– Поговорим о пустяках,
О том, что не живёт в веках,
О том, чего – подуй – и нету,
О том, что испарится к лету,
К рассвету, к осени, к весне...
– О чём ты? Говори ясней.
– Я о пустячном, мимолётном,
О состоянии дремотном,
О том, как просыпаться лень,
Как тянет в беспросветный день
Забыв себя, стать первым встречным...
Постой, но это же о вечном.

* * *

А птички всё летают,
Чирикают, поют,
А люди всё питают
Надежду на уют,
Хмельную свадьбу правят,
Поделки мастерят...
Как жаль, что всех отправят,
Куда Макар телят...
Да ладно уж, не каркай,
Отправят не сейчас,
Под этой кровлей яркой
Ещё подержат нас,
Дадут дослушать пташку,
Досочинить стишок
И поднесут рюмашку
Винца на посошок.

* * *

Ах, жизнь, опять твои проделки,
Опять я не в своей тарелке,
У этой тоже есть края
С каёмочкой, но где моя?
В каком ведре? В каком утиле?
А может быть, её разбили?
А может, отдали бомжу?
В чужую с ужасом гляжу.
Моя была плохого сорта,
Была каёмка полустёрта,
Большая трещина на дне —
Короче, всё, что нужно мне.

* * *

— Что делать?
— Ждать.
— Что делать?
— Ждать и ждать
Под небесами, точно под часами.
— Чего же ждать?
— Чего? Решайте сами...
— Всё нет его?
— Покуда не видать.
— Что делать?
— Ждать.
— Как долго?
— Вечно жди.
— А толку что, коль даже не маячит?
— И хорошо. И ладно. Это значит,
Всё впереди, всё только впереди.

* * *

Для печали есть резон —
На глазах увял газон
Ослепительный.
Начинается сезон
Отопительный.
Это значит — близок мрак,
И во мраке бедный зрак
Будет мучиться,
Избежать тоски никак
Не получится.
И нужна совсем не цель,
А какая-нибудь щель
В долгой темени,
В беспросветности недель,
В толще времени.

* * *

Мир становится всё суше
И шуршит сухим листом,
Тем, который, муча душу,
На земле лежит пластом,
Или тем, что вьётся, вьётся
И не падает никак,
Или тем, что бьётся, бьётся
На ветру, как рыжий стяг..
До земли полёт недалний —
Миг один — не день, не год.
Лишь мгновение летальный
Совершается исход.

* * *

Спите с горем пополам...
За окном орёт alarm,
Это ложная тревога,
Так что спите, ради Бога.

Это в чей-то мерседес
Средь ночи вселился бес
В виде адского сигнала,
И машина заорала

И орёт на все лады
В ожидании беды.
Битый час, надсадно воя,
Уверяет: нет покоя.

Есть пустой ночной квартал,
Где заблудший лист витал,
Есть осеннее ненастье
И предчувствие несчастья.

* * *

Коль за душой осталось что-то,
То разве что такая нота
Осталась там, такой звучок,
Который больше на молчок,
Похож, из коего, хоть тресни,
Не выжмешь ни строки, ни песни...
Увы, исчерпан креатив.
Сойду на нет, не воплотив
Всего, что воплотить хотелось.
А пелось как, какой был мелос,
Как много было верхних нот!
А нынче разеваю рот...
Ну и так далее... Не станем
Тянуть резину. Просто канем
В ту тишину, которой нет
Прекрасней, как сказал поэт.

* * *

Но выход рядом. Выход есть.
Коль от тоски на стенку лезть,
То в ней зимой или весной
Нашаришь выход запасной.
Нашаришь выход, дверцу, лаз
В ту жизнь, что горше во сто раз
Твоей, в которой, сжав виски,
На стенку лезла от тоски.

* * *

О себе, о себе, о себе...
Как не вскочит волдырь на губе?
О себе — без конца и без края,
То любя себя, то проклиная,
Проклиная, жалея, любя,
Своё бедное «я» теребя...
Боже, как мне с собою расстаться
И при этом на свете остаться?
Хоть на время расстаться с собой,
Став предметом иль тварью любой,
Хоть стеной, хоть часами с кукушкой...
Дело, кажется, пахнет психушкой.

* * *

Я живу в *нигде*,
Пустотой владея
И слегка баддея
От таких щедрот.
Просыпаюсь — где я? —
Господи, в *нигде* —
Места нет пустее
И свободней от
Суеты и пыла...
Всё, что прежде было,
Утекло, уплыло,
Унесли ручьи.
Чем жила, забыла.
Помню, сердце ныло
И собака выла
За окном в ночи.

* * *

«С'est dommage, dommage, dommage» —
Череда сплошных пропаж —
Наша жизнь под небосводом....
Но займёмся переводом.
«С'est dommage» — по-русски «жаль».
Жаль листвы, летящей вдаль,
Жаль пустеющего сада...
Всё проходит — вот досада,
«С'est dommage», — звучит шансон,
И с шансоном в унисон —
«Жаль, — поёт душа, — до боли
Жаль. Кого — его, её ли?»
С'est dommage, увы и ах,
Чьих-то рук бессильный взмах,
Роковое опозданье
На любовное свиданье.

* * *

Проживая в хате с краю,
А вернее, на краю
Чёрной бездны, напеваю:
Баю-баюшки-баю.
Дни под горку, как салазки,
Скачут быстро и легко.
Баю-бай, зажмурим глазки,
До конца недалеко.
Повороты, буераки,
Кочка, холмик, бугорок
И стремительный во мраке
Прямо в бездну кувырок.
Впрочем, я ведь не об этом:
Я про быструю езду
Про мерцающую светом
Неразгаданным звездю.

2001

* * *

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам — таять, птицам — петь.

Тают в небе облака,
Тает снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.

* * *

Сил осталось — ноль,
Всё ушло в песок,
И кочует боль
Из виска в висок...
Всё ушло в песок,
Золотой речной,
Или стало в срок
Лишь золой печной.
Но не всё ль равно,
Что куда ушло,
Коль не жжёт давно
То, что прежде жгло.
Путь закрыт назад,
И потерян ключ.
И горит закат,
Я иду на луч.
И другого нет
У меня пути,
Кроме как на свет
До конца идти.

* * *

А день имеет бледный вид,
Он испариться норовит
До срока,
И всё крылатое парит
Высоко

В пространстве чистом и пустом,
Покуда я лежу пластом
С мигренью,
И тычет жизнь в меня перстом,
Смиренью,
Терпенью на исходе дня
Уча занудливо меня...
О Боже,
Так не хватает ей огня,
Мне тоже.
Так не хватает дерзких слов
И сотрясения основ,
И вспышки
Болезни той, где жарких снов
Излишки.

* * *

Среди сплошного дежа вю
Несозидательно живю
(Здесь буква «ю» стоит для складу,
И исправлять её не надо).
Уж вроде всё видали мы,
Сердца пылали и умы,
И щёки иногда пылали...
Чего мы только не видали!
Мы не видали ничего,
За исключением одного
Себя любимого, родного —
Что так не ново, так не ново.

* * *

Раствориться в пейзаже —
Что за дивная неть! —
И о жалкой пропаже
Никогда не жалеть.

Раствориться и слиться
С тёмной птицей, вон той,
С этой талой водицей
С красотой, лепотой.

Раствориться в пейзаже
Средь весенних полей
И ни чёрточки даже
Не оставить своей,

Ни штрихов, ни колечек
От постылого «я»,
От настырных словечек
Вроде «мой» и «моя».

* * *

А что в записке? Что в записке?
О жизни в ней, о страшном риске
На свете жить и умереть,
Чтоб не бывать на свете впредь.
А кто писал? Любой и каждый,
Кто на земле бывал однажды,
Кто жил однажды на земле.
А где записка? Там, в золе.

* * *

Когда-нибудь и где-нибудь...
Всё вздор! Нигде и никогда,
Но только там, где горек путь
И с горьким привкусом вода,
Где счастье, коль оно и есть,
Даётся с горем пополам,
Где даже радостная весть
Звучит тревожно, как alarm, –
Лишь там под утренний галдёж
Весенних птиц, спугнувших тишь,
Ты испытываешь страх и дрожь
И оторвёшься, и взлетишь.

* * *

Итак, не приходя в себя,
Придти в него, в неё, в тебя,
Придти в кого-нибудь другого,
Не приходя в себя, чтоб ново
И странно стало всё кругом –
Пейзаж и улица, и дом.
Забуть себя, свои ужимки,
Свой бледный вид на старом снимке,
Картинки новые плоды,
Зажить, в себя не приходя.

* * *

Жизнь — тяжёлая обуза...
Но куда в ритме блюза
Дождь идёт, и тихо дни
Протекают, в двери муза
Постучалась — не спугни.
«Пам-парам», — всю ночь до света
Напевает близко где-то
То контральто, то басок...
Говоришь, что чуда нету?
А не хочешь адресок?
«Пам-парам, тарам, тарам-та,
Проживает чудо там-то,
Проживает чудо там...»
В ритме дивного анданте
Дождь по листьям и цветам...
Адресок зажав в ладошке,
Поспеси на свет в окошке,
И, романтику любя,
Дождь потратит всё до крошки,
Всё до капли на тебя.

* * *

Сию минуточку, сию
Минуточку — сквозь кисею,
Сквозь кисею дождя и снега
Проникну — и конец забега,
И оборвётся жизнь сия.
Но так воздушна кисея,

Но так она меня ласкает
И от себя не отпускает,
Что говорю ей: не уйду,
Зачем идти на поводу
У времени? Не лучше ль сдаться
На ласку и навек остаться.

* * *

Так тихо, будто снится,
Так тихо в море трав,
Что слышно, как ресница
Упала на рукав.

* * *

Опять неполная картина —
Есть повседневность, есть рутина,
Есть очевидное «сейчас» —
Но что же до и после нас?
И даже данность, даже данность
Упрямая — и та туманность,
Казалось бы ясна, видна,
А тронешь — видимость одна.
Картинки милые, родные —
Все как одна — переводные,
Которые, когда хочу
Яснее сделать, намочу,
Чтоб потереть, достав из блюда,
Но лишь коснусь — картинки рвутся.

* * *

— Между нами, entre nous,
Как тоскуется в плену?
Как живётся, как поётся
И на волю удаётся ль
Выбираться иногда?
— Удаётся, но тогда,
Когда, бросив мир телесный,
В путь пускаемся небесный.

* * *

Всё осадки да осадки,
Уж давно полны все кадки,
Все бидоны, все корыта,
Вся земля дождём изрыта.
Хватит воду лить, ей-богу,
На дома и на дорогу,
На траву и на корягу..
Вот возьму и в лужу лягу,
В ту большую, в знак протеста,
Лягу в лужу и ни с места,
Потому что сколько можно
Поливать нас так безбожно?!
Это лето иль не лето?
Ни ответа, ни привета,
Только квакают лягушки
В переполненной кадлушке.

* * *

Села на землю небесная птичка —
Это земного-небесного смычка.
Травки небесное тело коснулось,
Травка под телом небесным качнулась.
С травки стекли серебристые росы.
И, поглядев на окрестности косо,
Вспомнив какое-то срочное дельце,
Вновь упорхнуло небесное тельце.

* * *

И это всё от Бога,
От Бога — от кого ж?
И дальняя дорога,
И в небе лунный грош,
И горести людские,
И грешные тела,
И разные мирские
Безбожные дела.

* * *

Электронная начинка,
Примитивная починка:
Батарейку заменили,
И часы засеменяли.
А они теперь без тика.
Хоть и мчится время дико,
Хоть, как прежде, убывает,
Но бесшумно убывает.
Ни бим-бома, ни тик-така,
Только тихая атака:
Час ни стукнул и ни пробил,
А подкрался и угробил.

* * *

— Ты где?
— В лакуне я, в лакуне,
В просвете, что велик в июне,
В пробеле, в пропуске, в дыре,
В необозначенной поре,
И день, который мне дарован,
Не назван, не пронумерован,
Не найден, к делу не подшит
И в нём никто не шебаршит,
Он ни текущий и ни прошлый.
И лишь бы только кто-то дошлый
По солнцу, ветру, шуму крыл
Его однажды не открыл.

* * *

Жизнь — загадка, тайна, пазл.
Тот попал, а тот промазал —
Тот промазал, тот попал,
Ну а тот совсем пропал.
Почему — не вопрошайте.
Как хотите, так решайте
Этот дьявольский кроссворд.
Может, «торт», а может, «чёрт»
Надо вставить в эти клетки.
Вот опять промазал меткий,
Прямо в цель попал слепой,
Поистратился скупой,
Бедолаге не до смеха,
Но зато тому потеха,
Кто всё это сочинил
И над каждым учинил
Не расправу, так забаву,
Чтоб помучился на славу,
Не кемарил, не дремал —
Вечно голову ломал.

* * *

22 июня. Долгота дня 17.34

23 июня. Долгота дня 17.33

Из календаря

Нынче проводы светлой минуты,
Время скорби и час похорон.
На минуту мы к области смуты
Стали ближе и терпим урон.

На попятный идём, на попятный,
Уплываем во мрак, в темноту.
День покуда ещё необъятный,
Ночь светла, и шиповник в цвету.

Но уже мы назад повернули,
Или нас повернули назад,
Станут ночи длиннее в июле,
А позднее осыплется сад,

А потом мы во мраке потонем,
Но таков уж порядок вещей.
Мы сегодня минуту хороним,
Проходя через поле хвощей,

Через сад, где пионы и маки,
Через лес, где кукушка поёт,
И какие-то странные знаки
Ускользящий день подаёт.

23 июня

* * *

Ступни огромны, а головка
Мала, как божия коровка,
Глаза — квадраты, нос — крючок,
Власы — оранжевый пучок.
Кто говорит, что жизнь — рутина?
Пылает дерзкая картина,
И вопиёт автопортрет,
Что жизнь безудержна, как бред,
И фантастична, и бездонна...
Кто говорит, что монотонна,
Не хороша, не дорога?
Того посадит на рога
Бычок, что сбоку примостился.
Откуда бык? Да так, помстился.
Сам мал, а рог — и крут, и толст,
А снизу подпись: масло, холст.

* * *

Боже мой, какое счастье!
Всё без моего участия —
Ливень, ветер и трава,
И счастливые слова,
Что в загадочном порядке
Появляются в тетрадке.

* * *

Ну и как он в переводе
На земной и человеческий?
Получилось что-то вроде
Бесконечно длинной речи.
Хоть бессмыслица сверкает
Тут и там и сям порою,
Но процесс нас увлекает,
Все мы заняты игрою:
Переводим, переводим
С языка оригинала,
Где-то возле смысла бродим —
Есть сюжет, а толку мало.
И пером не очень нежным
Божий замысел тревожим,
Окончанием падежным
Их скрепляя, строки множим.
Но в хорошую погоду
Свет такой *оттуда* льётся,
Что земному переводу
Ну никак не поддаётся.

* * *

Вторник, пятница, среда...
Жить-то надо — вот беда,
Дни недели обилетить,
Проводить, потом приветить,
После снова проводить,
С ними есть и с ними пить,

В их дождях-лучах купаться,
В их подробностях копать,
Их дарами дорожить...
Ну, короче, надо жить
От восхода до восхода
И в любое время года.

* * *

Увы, хлебаю что дано.
Уже едва прикрыто дно,
Уже на доньшке остатки,
Но, говорят, остатки сладки.
Пока июнь идёт к концу,
Стекает дождик по лицу,
Водичку пьёт из лужи птичка,
Пресна небесная водичка.
Стекает дождик по устам,
Пока шагаю по крестам,
По влажным крестикам сирени,
Из света в тень, на свет из тени.

* * *

Всё от лукавого, ей-ей...
Иначе как могло случиться,
Что дождь прошёл и сад лучится,
И белый день ещё белей.

Всё от лукавого. В манок
Дни напролёт свистит лукавый,
И листья ластаня и травы,
Дрожит роса у самых ног.

И этот луч средь бела дня
И миг стремительного лёта
Стрижа – ловушка и тенёта,
Силки, тенёта, западня.

* * *

Ослепительные дни
Длятся, не кончаются.
Маков яркие огни
Там и сям встречаются.

Рябь в глазах от пестроты
И от разных разностей...
Отложи свои труды,
Умирай от праздности.

День сверкает, точно брешь,
Мысль течёт ленивая.
Грушу спелую заешь
Столь же спелой сливою

И следы полёт шмеля
Иль следы за бабочкой,
Или как плывёт земля
Вместе с этой лавочкой.

* * *

Творил Он без черновика,
А прямо сразу на века.
Без чертежа и без наброска –
Земля, небесная полоска –
Без плана и без чертежа –
Небесный свод, полёт стрижа....
И всё цвело, и всё лучилось...
А что, о Боже, получилось!
Глядишь – и Твой печален лик.
Ей-богу, нужен черновик.
Уж лучше черновик вначале,
Чем после пребывать в печали.
Уж лучше планчик набросать,
Чем после замысел спасать,
В тоске искать пути спасенья
Все дни, включая воскресенье.

* * *

«Дай, Боже мой, к Тебе припасть», —
На причитанья каждый падох,
Когда полнейший беспорядок
В душе и боязно пропасть.

С утра до ночи — дай, не дай,
Дай, Боже, то, не дай мне это...
Господь устал, его уж нету,
А просьб и жалоб — через край.

* * *

Где же всё это — язвы, проказа?
Кто-то стёр аккуратно с доски.
Существует лишь *tabula rasa*.
Нарисуй на ней, Боже, с тоски,
Нарисуй на ней снова со скуки
Рыбок, птиц, человечьи полки.
Вот тебе в Твои чуткие руки
Кисти, уголь, цветные мелки.
Стёрто прошлое — как не бывало —
Не кровила ранимая плоть,
Никого ещё не убивало
И доски не касался Господь.

* * *

Иди со мною. Vade tecum.
Иди с хорошим человеком.
Не заведу, не подведу,
Не принесу тебе беду.

Я поведу тебя сквозь лето,
Вдоль поля, мимо бересклета,
Пойдём с тобой кружным путём
И в поле ягодку найдём.

Иди со мною, vade tecum,
На пруд, на озеро, на реку –
Цветистый луг пересечём
Под ослепительным лучом.

Моя тропа – конца ей нету –
Не заведёт к Харону в Лету,
А только в следующий год
С таким же блеском летних вод.

* * *

Всё будет хорошо, как вы хотели,
И будет дух здоров в здоровом теле,
И прилетите вы, куда летели,
И будет время медленно ползти.

Да, но когда? Когда? Уже ведь поздно,
И где-то погромыхивает грозно,
Кого-то кто-то умоляет слёзно
Понять, простить. «Прости, — твердит, — прости».

Всё будет хорошо, как вам мечталось,
Совсем немного потерпеть осталось.
Усталость? Да, конечно же, усталость.
Она пройдёт, она пройти должна.

Когда? Когда? Ни щёлки, ни просвета —
Прошла зима, уже проходит лето
И грозно погромыхивает где-то...
Всё так, всё так. Зато заря нежна.

* * *

Приручи меня, жизнь, приручи, приручи,
Протяни мне свои золотые лучи
И ветрами обдуй, и дождём ороси,
И о том, как живу, между прочим спроси,
И отвечу, травинку во рту теребя:
Я не знаю, что будет со мной без тебя.

* * *

О. Чухонцеву

Взаимоотношения
Зелёного с зелёным,
Зелёного брожение
Под синим небосклоном.

Зелёное касается
Зелёного так нежно,
Как будто опасается
Всего, что неизбежно.

Дрожание зелёного
Листа на синем фоне
И трепетанье оного
В темно-зелёной кроне.

* * *

Не имей привычки жить,
Не имей привычки.
Жизнь твоя дрожит, как нить,
И горит, как спички.

И цвета терзают глаз,
Звуки бьют по нервам,
Будто в самый первый раз,
Будто в самый первый.

Ни к дождю не привыкай,
Ни к берёзам-елям,
Ни к тому, что будет май
Следом за апрелем.

* * *

Тебя целует ветер в темя,
Пока живёшь и тратишь время
На то, чтоб по миру кружить,
Точней сказать, на то, чтоб жить.
Тебя целует в темя ветер,
Пока живёшь на белом свете,
Пока ведёшь игру с огнём,
Который ярче с каждым днём, —
С огнём закатным и рассветным
На этом свете несусветном,
Где жизнь идёт и так и сяк...
Но лишь бы ветер не иссяк,
Который, рыская меж нами,
Шальное раздувает пламя.

* * *

Вроде просто — дважды два,
Щи да каша, баба с дедом.
А выходит, что едва
Мир не рухнул за обедом.

Вроде море, ветерок,
Сок в бокале с горстью льдинок.
А выходит — морок, рок
И кровавый поединок.

Вроде руку протяни —
Белый-белый куст жасмина.
Но прозрачнейшие дни
Вдруг взрываются, как мина.

Что на сердце, на уме?
Что пульсирует под кожей?
Что там вызрело во тьме?
Пощади нас, Святой Боже.

* * *

Точно вспышка — есть и нету.
Не поймать за хвост комету.
Нынче вместе, завтра врозь.
Всё приснилось, пронеслось:
Блицлюбовь и блицсвиданье.
Долго длится лишь рыданье.
Долго длится только плач.
Остальное мчится вскачь.

* * *

Всего лишь несколько недель
Продлится эта канитель,
А дальше белый этот цвет
Сойдёт на нет.

И станет тускло и темно,
И сиротливо станет, но —
Припомню среди серых спин,
Как цвёл жасмин.

Как цвёл жасмин и как была
Дорога через сад бела,
Хоть никуда не привела,
Но так звала,

Как будто там не чернота
И не последняя черта,
А только светлые лета,
Цветы... цвета...

* * *

Пёсик лает, козлик блеет,
Куст жасминовый белеет
Возле самого крыльца...
А у сказки нет конца.
Как и нынче, прошлым летом
Цвёл жасмин таким же цветом,
Козлик блеял, лаял пёс,
Ветер всё это унёс.

А потом принёс обратно,
На ушко шепнув невнятно
Что-то вроде: «На, держи
И подарком дорожи».
Хороши его подарки:
Куст жасмина маркий-маркий,
«Бе» да «ме», да пёсий лай,
Писк, жужжанье — в общем, рай.

* * *

Ура, каникулы у нас!
Свободный день и тихий час,
И гору сладостей припас
Создатель щедрый.

Он нас пасёт, как прочих пас,
И с нас не сводит чутких глаз,
И всё подкармливает нас
Цукатом, цедрой.

Летай же, Божие дитя,
Летай, ликуя и шутя,
Покуда жизнь идёт, светя
Зарёй, закатом,

Светись и ты, на свет летя,
Без всяких «всё же» и «хотя»,
Пока Создатель кормит тя
Халвой, цукатом.

* * *

Лист изъеденный и ржавый
На земле лежит шершавой,
Неказист его овал,
Он своё отвоевал,
Отшуршал и осветился,
От всего освободился,
Распластался не дыша,
Но жива его душа
И тихонько кружит где-то
В тех краях, где снова лето.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Глядя в небо вечное,
Тает жизнь конечная,
Тает, истончается
И совсем кончается.
С неба дождик капает...
Время смертных сцапает,
Серым волком явится,
Съест и не подавится.
Хоть в Москве, хоть в Жмеринке —
Волк ухватит серенький,
Тот, из старой песенки...
Он уже на лесенке.

* * *

Вроде живы, живы вроде,
Раз имеемся в природе,
Тащим ноги еле-еле,
Подуствав к концу недели.
Нам бы жить на всю катушку,
Мы же дрыхнем — нос в подушку,
И, с трудом сумев проснуться,
Вяло тянем чай из блюдца,
Разговор ведя убогий.
В общем, мы живём, как боги —
И ленивы, и беспечны,
Будто вечны, вечны, вечны.

* * *

Всё говорю и говорю
Про дождь и ветер, и зарю,
Про тех, кто в памяти и в нетях,
Про сны и явь, про всё на свете,
На тыщу бесполезных тем
Я говорю не знаю с кем,
Волнуюсь, горячусь, сбиваюсь,
Спешу, слезами обливаюсь,
Шепчу слова, пугая тишь...
И слышу: «Почему молчишь?»

* * *

Пластинкой крутится земля,
Заигранной пластинкой, —
Всё то же вечное ля-ля,
Всё тот же диск с картинкой
И те ж царапины на нём,
И пенье, и шипенье...
И белым днём, и чёрным днём
Живи — имей терпенье.
На диске — чуткая игла,
Круженье вечность длится,
Земля давно изнемогла,
Но как остановиться?
Как прекратить и хрип, и визг,
И вой, и кантилену?
И, поцарапав чёрный диск,
Игла вонзилась в вену.

* * *

Чем кончится век золотой? Чернотой.
А чем ещё всё это кончиться может?
На золото чёрную краску положит
Незримый художник могильной плитой.
Но всё это после, когда-то, потом.
А днесь — листопад ещё не начинался
И ты ещё в золоте не искупался,
И в веке ты не жил ещё золотом.
Ещё ты надеешься слабо, чуть-чуть,
Что вовсе не будет конца и заката
И чистое золото ляжет на злато,
И будет лишь золотом вымощен путь.

* * *

На поверхности воды —
Сплошь осенние следы,
По окраске — золотые,
А по форме — запятые.
Каждый следующий след
Утверждает: точки нет,
Непреренно жди продленья —
Озаренья или тленья.
Лист роняют дуб и клён...
Как-то будет путь продлён...
И шуршит, с ветвей слетая,
Золотая запятая.

* * *

А дальше будет день, а дальше,
А дальше снова ночь тишайше
Наступит, и затихнет дом,
А дальше утро, а потом
Опять кружить ночами, днями
Под фонарями и лучами,
А дальше — день и ночь, и день...
Живите долго, коль не лень.

* * *

Под небесами так страшно слоняться,
Надо хоть как-то от них заслоняться —
От безразмерных, бездонных, пустых,
В млечных разводах и тучах густых.
Чтоб не болеть одиночеством острым,
Надо прикрыться хоть чем-нибудь пёстрым,
Плотным, тугим, осязаемым на вес,
Но ярко залитым светом небес.

* * *

Очень трудно быть живой,
Жить, как транспорт гужевой
В век высоких технологий,
И, едва таская ноги,
Всё же всюду поспевать,
С энтропией воевать,
В завтра светлое тащиться
И ещё при этом тщиться
Сохранить задор юнца
До победного конца.

* * *

Смертный ужас и гибельный час —
Это всё не про нас, не про нас.
Едкий дым от спалённого крова —
Это всё про кого-то другого.
Вой сирены и смерть по пятам —
Это всё где-то там, где-то там.
Ураганы проносятся мимо...
Я пока ещё кем-то хранима.

PRESENT CONTINUOUS

Цикл стихов

Продлись же, вечное «сейчас»,
Пусть жизнь течёт под этой синью,
Продлись, прошу, продлись, continue.
Горит огнём небесный глаз.

Ни «прежде» нету, ни «потом» —
Есть лишь сей час, сия минута,
Та, что просвечена, продута
Ветрами всеми, — вот наш дом.

Текущий миг — о нём лишь речь,
Лишь он умеет течь и длиться,
И извиваться, и струиться,
И убивать нас, и беречь.

*

Проживаем с рассвета до темени
В настоящем продолженном времени,
В том, которое длится и тянется,
И с живыми никак не расстанется.
Над землёй — голубое свечение,
На земле, как обычно, — мучение.
Если что непременно получится
У любого, так это помучиться
В настоящем, продолженном, длительном,
Беспощадном и всё же пленительном.

Тот мрак зовётся светом,
«Тот свет, — твердят, — тот свет»,
А там зимой и летом
Темно и света нет.
А может быть, там тоже
И свет, и блеск лучей,
Но мы открыть не можем
Своих земных очей.

Неуютное местечко.
Здесь почти не греет печка —
Вымирают печники.
Ветер с поля и с реки

Студит нам жильё земное,
А тепло здесь наживное:
Вот проснулись стылým днём,
Надышали и живём.

2002

* * *

Дай руку, Господи, дай руку.
Дороги все ведут в разлуку,
Ведут в разлуку напрямиком,
И каждый, чем-нибудь влеком,
По ним идёт, спешит и мчится
Лишь для того, чтоб разлучиться
И с тем, и с тем, как выйдет срок,
И нету здесь иных дорог.

* * *

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит...
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.

И чего она боится
Под неспелых яблок стук?
Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.

* * *

А на этой акварели
Абрис виден еле-еле
И дорога чуть видна...
Сколько пятниц на неделе?
К сожалению, одна.
Если б пятниц было много
И видней была дорога,
Я по ней бы топ да топ —
Ни предела, ни итога.
Сколько пятниц, столько троп,
Выбирай хоть ту, хоть эту —
Ничему предела нету:
Можно день перебелить,
Обмелеет чаша к лету —
Можно новую налить.
Небо землю опекает,
Птица птицу окликает,
Проплывают облака,
И течёт — не утекает
Жизни длинная река.

* * *

Убить бы время, ну его,
Убить бы время.
Куда вольготней без него —
Не клонет в темя.

Ему б сказать: «Тебе капут.
Прощай навеки.
Не надо нам твоих минут,
Твоей опеки.

И торопя, и теребя,
Ты всех “достало”,
Какое счастье, что тебя
Совсем не стало».

* * *

На что надеюсь? На потом.
На после. На иную пору.
На то, что недоступно взору
И мреет в веке золотом.

На март надеюсь в январе,
А в понедельник — на субботу,
На то, что всё решится с лёту
В ближайший вторник на заре.

* * *

Что же это? Боже, Боже,
Каждый день одно и то же:
Сверху твердь и снизу твердь,
Неизбежные, как смерть.
Смертный тут живёт-канючит,
Жизнь его чему-то учит
И, сердясь по пустякам,
Бьёт линейкой по рукам.
Но разумно ли сердиться?
Раз уж выпало родиться,
В том проёме день за днём
Как умеем, так живём.
А умеем-то не шибко:
Тут помарка, там ошибка;
Но почти что вышел срок,
И кончается урок.

* * *

Всё как с гуся вода, всё как с гуся вода,
И года — не года, и беда — не беда,
И беда — не беда, и труды — не труды,
Ничего, кроме чистой небесной воды.
И не вздох в тишине, и не плач за стеной,
И не груз на спине, а крыло за спиной.

* * *

О том, что пустынно и голо,
Поёт это бедное соло,
Пустынно и голо, и сиро,
В душе ни покоя, ни мира,
А только отчаянья море.
Об этом не лучше ли в хоре?
Но голос взлетает высоко,
А там в вышине одиноко,
Там лишь в одиночку поётся,
И держит, пока не сорвётся,
Любой свою верхнюю ноту,
Тоскуя и радуясь взлёту.

* * *

Тишайший аквариум, дивное лето,
Избыток зелёного, синего цвета,
И сверху и снизу, и слева, и справа —
Лишь небо да листья, лишь небо да травы.
Мы в этот аквариум тихо заплыли
И всё, что до этого было, забыли,
В зелёном и синем от мрака спасаясь,
Податливых листьев ладонью касаясь.

* * *

Жить не умею и зову
На помощь влажную траву,
Цепляю дождевые нити
С немым призывом: «Помогите!»
Куда ж нам плыть? Куда плыву?

По ком небесный плач, по ком?
Каким чудесным черенком
Сей лист древесный с миром связан?
Куда мне путь навек заказан?
Куда я движусь прямым?

Милльон вопросов в пустоту...
Простое галльское c'est tout
Пришло на ум. Оно уместней
Других словес, и всех чудесней
Тот звук, что пойман на лету.

C'est tout. Приехали. Увы...
Ищу спасенья у травы
И у дождей, летящих косо,
Пространству задаю вопросы,
Что так печально не новы.

* * *

Какое там сражение,
Какой там вечный бой! —
Есть тихое кружение
Под тканью голубой.

Какое там борение,
Надсада и надлом! —
Есть тихое парение
С распластанным крылом.

Какое там смятение,
Метание в бреду! —
Есть тихое цветение
Кувшинки на пруду.

* * *

Жизнь легка, легка, легка,
Легче не бывает,
Потому что свет пока
Только прибывает,
Потому что луг в росе
И ажурны тени,
Потому что тропы все
В крестиках сирени,
Потому что яркий свет
Ранним утром будит,
Потому что ночи нет
И, Бог даст, не будет.

* * *

Не бросай меня, не надо,
Забери меня с собой,
Подари дорожку сада
С незабудкой голубой.

Этой просьбы нет банальной,
Только всё же не покинь...
Мчится поезд дальний-дальний,
А над ним сплошная синь.

Уведи в непрожитое,
В неизвестность уведи.
То ли утро золотое,
То ли темень впереди.

* * *

Сколько разных заморочек:
То июньский ветерочек,
То сорочья стрекотня,
То лужочек, то лесочек,
То шиповник у плетня.
Что за жизнь — одна отрада!
Возликуй, земное чадо!
Нынче время ликовать,
А кукушка до упаду
Будет в чаще куковать,
Чтобы ты, не умирая,
Жил среди земного рая,
Привалясь к стволу плечом,
В игры летние играя
С тенью, бликом и лучом.

* * *

Этот вечный вальсок —
Раз-два-три, раз-два-три —
Ах, замри на часок,
На минуту замри.

Но не светит покой,
И оркестр гремит,
И не ясно, какой
Нам отпущен лимит.

То мажор, то минор —
Разоряется медь:
До каких это пор
Нам по кругу лететь?

Ну, а рухнем, тогда —
Два-три-раз, два-три-раз —
Под вальсок в никуда
Провожать будут нас.

* * *

Жизнь идёт, и лето длится...
Может, надо помолиться,
Попросить: «Великий Боже,
Сделай так, чтоб завтра тоже
Зеленела в поле травка,
В гуще сада пела славка,
На окне на тонкой леске
Колыхались занавески».

* * *

А по миру кружение
Есть тихое вторжение
В туманное «потом»,
Опасное скольжение
Во времени крутом,
Где даже травка режется,
В которую понежиться
Однажды ты прилёт,
И на которой держится
Бесстрашный мотылёк.

* * *

Лето – чистый изумруд...
Почему-то люди мрут.
Что за варварский обычай
Уходить под гомон птичий,
Уходить да уходить.
Видно, ткнут гнилую нить
Те небесные ткачихи,
Что свершают труд свой тихий.
Летний дождик моросит,
Всё на ниточке висит –
Мир висит такой отважный
На небесной нитке влажной.

* * *

Тем временем, тем самым, тем,
Которого и нет совсем,
Тем временем лишь то случилось,
Что ничего не приключилось.
На месте небо и земля,
И можно всё начать с нуля
Или продолжить в том же духе.
Мир кроток — не обидит мухи.
Тем временем, какого нет,
Он Божьей дланью был согрет —
Мир, где горит на небосводе
Звезда, которой нет в природе.

* * *

А в этом лучшем из миров
Мы наломали столько дров,
Что стал он вовсе нежилым —
Лишь гул и грохот, смрад и дым.

И в непролазном том дыму —
Помочь не в силах никому,
Не в силах совершить полёт —
Бескрылый ангел слёзы льёт.

* * *

Петух и скрипка, и букет...
Художник, твой весёлый бред
Пленяет душу.
Летают двое много лет,
Покинув сушу.

Они летят, цветы в руках...
А мы с тобой, увы и ах,
Стоим на месте.
Лукавый ангел — крыльев взмах —
Летит к невесте.

Всё висит там и сям,
И никаких бездонных ям —
Весь мир в полёте.
Летают дяди по краям,
Летают тёти.

* * *

Как поживаешь, первый снег?
Как поживаешь?
Уж больно короток твой век —
Летишь и таешь.
Летишь и таешь без следа,
Пропасть без вести
Способен каждый без труда.
Исчезнем вместе.

Исчезнем вместе, покружив
По белу свету,
И я жила, и ты был жив,
Вот жил и нету.
В пустом пространстве помелькав
Без всякой цели,
Густые хлопья на рукав
Бесшумно сели.

* * *

Время шло вперёд, назад,
Пронеслось из дома в сад,
Пролетело в дом из сада...
Что, не веришь? И не надо.
Время вспять бесшумно шло
И угасший миг зажгло,
А горящий — погасило...
Боже, как его носило,
Как стремительно несло!
Всё смешалось — день, число.
Позабыв земные сроки,
Всё несло в шальном потоке
Взад, вперёд и вспять, и вдаль,
Больше времени не жаль,
Нет конца ни дню, ни веку,
И в одну и ту же реку,
Ту, что вечно на пути,
Можно тыщу раз войти.

* * *

Ангел бедный, ангел мой,
Отведи меня домой,
Уведи меня из края,
Где, бесшумно догорая,
Дни уходят в никуда,
Где озёрная вода
Спит под жёлтым одеялом.
Я прошу тебя о малом:
В тихих сумерках спаси —
Лист последний не гаси,
Пусть он светит на дорогу,
По которой ты к порогу
Приведёшь к исходу дня
Заплутавшую меня.

* * *

День прошёл и был таков.
Боже, сколько облаков
За минувший век проплыло!
Сколько горестного было!
Не печалься, отдохни.
Сквозь изменчивые дни
Проплыви под облаками,
Разводя беду руками.

* * *

Одинокий лист безродный
Проплывал по глади водной.
Лист течением несло...
Было пятое число,
Но оно уже кончалось...
Ветка голая качалась...
Как тебе на свете быть,
Бедный хомо? Дальше плыть,
Плыть во времени текучем.
Бедный, бедный, чем ты мучим?
Что бы ни было – плыви
С красным шариком в крови.

ПРИМЕЧАНИЯ

- с. 92. Dahin, dahin! (*нем.*) – Туда, туда!
- с. 162. I and You, I cry, I sing (*англ.*) – я и ты, я плачу, я пою.
- с. 164. Presto (*муз.*) – скоро, быстро.
- с. 176. Ритенуто (*муз.*) – постепенно замедляя.
Дольче – транслитерация dolce (*муз.*) – нежно.
- с. 182. Tabula rasa (*лат.*) – чистый лист.
- с. 196. С-mol (*муз.*) – тональность до-минор.
- с. 238. To be or not... (*англ.*) – быть или не...
- с. 244. Tutti (*муз.*) – исполнение всем составом оркестра или хора.
- с. 268. Bring out your dead (*англ.*) – Выносите своих мертвецов (клич могильщика во время эпидемии чумы, Англия, XVI век).
- с. 289. Ab ovo (*лат. идиома*) – с самого начала (дословно: «от яйца»).
- Primavera (*итал.*) – весна.
- с. 331. Very good (*англ.*) – очень хорошо.
- с. 339. Dolce vita (*итал.*) – сладкая жизнь.
- с. 346. Nevermore (*англ.*) – никогда.
- с. 349. Anno (*лат.*) – год.
- с. 353. Tombe la neige (*фр.*) – падает снег.
- с. 359. Лингва итальяна, кантарэ, волярэ – транслитерация lingua itaiana, cantare, volare (*итал.*) – итальянский язык, петь, лететь.
- с. 363. Фермата (*муз.*) – знак, обозначающий увеличение длительности звука или паузы.
- с. 373. Alas (*англ.*) – увы.
- Con fuoco (*муз.*) – с жаром, с огнём.
- с. 381. La vie (*фр.*) – жизнь.
- с. 384 Сик транзит – транслитерация sic transit (*лат.*) – так проходит (sic transit gloria mundi – так проходит слава мирская).

с. 386 Shall, will (*англ.*) – вспомогательные глаголы для образования будущего времени в английском языке.

Фьюче – транслитерация future (*англ.*) – будущее.

с. 387. Oh, I believe in yesterday, Beatles (*англ.*) – Я верю в день вчерашний, Битлз.

с. 388. Memento (*лат.*) – помни.

с. 394. Vita (*лат.*) – жизнь.

с. 397. Made in Russia (*англ.*) – сделано в России.

с. 400. He took his own life (*англ. идиома*) – Он покончил с собой (дословно: он взял свою жизнь).

с. 408. Who is who (*англ.*) – кто есть кто.

с. 410. Пьяцца – транслитерация piazza (*итал.*) – площадь.

с. 420. Запlachка – причитание невесты в свадебном обряде. Лития (от греч. lite – просьба, моление) – усердная молитва.

с. 428. To beat about the bush (*англ. идиома*) – ходить вокруг да около (дословно: ходить вокруг куста).

с. 433. Alarm (*англ.*) – сирена.

с. 436. C'est dommage (*фр.*) – жаль.

с. 439. Дежа вю – транслитерация déjà vu (*фр.*) – уже видел.

с. 444. Entre nous (*фр.*) – между нами.

с. 455. Vade mecum (*лат.*) – иди со мной.

с. 467. Present continuous (*англ.*) – настоящее продолженное время; to continue – продолжить, продлить.

с. 474. C'est tout (*фр.*) – всё.

О поэзии Ларисы Миллер

Отклики разных лет

Владимир Соколов

Литературная Россия, 5.03.1971

...Путь в поэзию труден, тернист, и путать его с путём в печать не следует. «Читатель стиха — артист», — сказал один из виднейших советских поэтов. И этого читателя не проведёшь. Печатаются многие стихи, запоминаются немногие. А если вспомнить, какой глубокий эстетический и нравственный смысл вкладывал в слово «артист» Александр Блок, то можно ещё раз уяснить для себя, что наш читатель и есть наш главный судия.

Я с легким сердцем выношу на суд серьёзного читателя ряд стихотворений Ларисы Миллер, поэта молодого, но знающего цену слову, мысли и чувству.

На недавно прошедшем Московском совещании молодых писателей и В. Казин, и В. Субботин, и я были единодушны в оценке стихов Л. Миллер. От имени нашего семинара мы с радостным чувством рекомендовали рукопись молодой поэтессы к изданию.

Дело не в том, что преподаватель МГУ Л. Миллер печаталась в «Смене», «Юности», «Москве». Дело в том, что целина, Казахстан, Архангельск, Мезень, Алтай, Закарпатье, Урал, война и мир, любовь и дружба, город и природа нашли сдержанное и взволнованное, общественно значимое отражение в её небольших по объёму своеобразных стихотворениях.

С первого взгляда эти стихи могут показаться камерными. Но их нельзя читать бегло. Они из тех стихов, которые следует читать и перечитывать.

Лев Озеров
О стихах Ларисы Миллер
Московский комсомолец, 12.03.1971

Четыре—восемь строк. Иногда — двенадцать. Реже — шестнадцать. И совсем редко — двадцать. Эту цифирь привожу для того, чтобы сказать: человек запрещает себе многословие. <...>

Поэзия — речь огромной концентрации и напряжения. На малом плацдарме она ведёт большие бои. Не зря в прошлом веке каждое — самое малое стихотворение — именовали «пиеса». Да, иная миниатюра под рукой мастера становится драматическим действием в трёх или четырёх актах, да ещё и с прологом, и эпилогом...

Арсений Тарковский
День поэзии, 1978, с. 170

Когда-то мне довелось быть одним из руководителей поэтического семинара при Московском отделении Союза писателей. Говорят, что если бы консерватория подарила миру тысячу бездарностей и только одного Рихтера, то в её стенах время не было бы потеряно напрасну. Из моих «семинаристов» настоящими поэтами стали трое. Я не думаю, что поэзии можно кого-нибудь научить; вероятно, и без моего участия эти трое занятий поэзией не оставили бы. Но — как знать! Может быть, одной из этих трёх — Ларисе Миллер — семинар помог преодолеть раннюю застенчивость? Ещё тогда её товарищам по семинару и мне казалось, что будущее Ларисы Миллер оправдает затею Союза писателей и наш семинар и впрямь нужен начинающим поэтам. Было это больше десяти лет тому назад.

Уже десять лет имя Ларисы Миллер знакомо читателям по публикациям в периодической печати, в альманахе «День поэзии». В 1977 году издательство «Советский писатель» выпустило в свет сборник её стихотворений «Безымянный день». Попытаемся объяснить самим себе, почему «день» у Л. Миллер «безымянный»? Не потому ли, что печали и радости

понедельника и воскресенья, как бы мимолётны они ни были, претворены в (талантливые) стихи, закреплены (подлинным) поэтом на долгие грядущие годы, что судьба их в любой день недели, и в будни и в праздники, — распространять благотворное влияние душевной чистоты и духовного благородства среди людей, пристрастных к поэзии, которых так много сегодня, а завтра будет ещё больше.

Мы знаем, что чудо в поэзии — это воплощение замысла в стихии обогащённого слова, прежде — привычного, разговорного, бытового, а теперь ставшего как бы в новость для нас, исполненного новых значений, новых глубин; слова, свободно и широко охватывающего жизненные явления. Поэзии порой достаточно двенадцати строк там, где прозе потребно столько-то и столько-то страниц. Подлинное стихотворение — ступок воли, разума и чувства, натуго заведённая пружина живого организма человеческой души, воздействующего на всю сферу своего языка. Понятие поэзия не так уж легко определимо, потому что она жива, как сама жизнь. Поэзия больше, шире, выше, глубже и нужнее людям, чем то значение, какое этому слову придаёт толковый или энциклопедический словарь. Недаром Пушкин утвердил равенство «Поэт — Пророк».

Быть может, Л. Миллер и не пророк, но поэт она несомненный, не только «поэтесса». Нам, читателям, и этого достаточно, чтобы навстречу стихотворениям двинулось наше сочувственное и благодарное признание.

Среди её замыслов: семья, дети, жизнь сердца, дом, природа родной земли. И этот внешний мир, слившийся воедино со словом, со светящейся отвагой женственной душой автора, создаёт ту гармонию, которая дарит нам возможность радостного восприятия истинной художественности.

Л. Миллер поэт гармонического стихотворения, а это было и будет драгоценностью во все времена. Язык её поэзии — чистый и ясный до прозрачности литературный русский язык, которому для выразительности не нужно ни неологизмов, ни словечек из областных словарей; у неё нет ничего общего ни с футуризмом, ни с вычурностью какой-нибудь дружной поэтической школы минувших лет. Это вполне современная нам реалистическая поэзия, а именно такая поэзия — на мой (читателя) взгляд

особенно калорийна. Стихотворение Л. Миллер не хочет стать ни песней, ни живописью, ни ораторской речью повышенного тона. Л. Миллер говорит с читателем доверительно и доверчиво, как добрый и верный друг, ожидающий взаимного доверия в ответ на свои признания, на свою искренность и убежденность.

Стихотворения «Безымянного дня» таковы, что читателю кажется: это не Л. Миллер тревожится о своих близких и дальних (а «дальние» для каждого подлинного поэта тоже «близкие»), не Л. Миллер встречает каждый новый день заботой о своём и не своём счастье, не Л. Миллер делится с читателем своими печальями и радостями, а это он, читатель, говорит её словами, живёт её мыслями, её радостями и печальями. Подлинный поэт — это тот, кто говорит за многих и многих, не причастных его искусству.

Слово поэта — его дело (Блок), а дело поэзии — излучение одной живой души, возбуждающее излучение другой, третьей, тысячной души, излучение, распространяющееся на всю сферу человечности. Этому высокому делу всечеловеческого сочувствия служит и скромная, застенчивая и благородная поэзия Ларисы Миллер.

Мы верим в её будущее. Мы верим в будущее поэзии. Мы ещё прочтём вторую — третью — седьмую книги автора «Безымянного дня».

Смотрите: зеленеет трава, листва колеблется, после дождя просыхают лужи, приходит осень, листопад, идёт снег, молодая женщина ведёт за руку детей, вот она глядит в окно своего дома на улицу, в углу передней стоят маленькие калоши на красной подкладке, день сменяется другим, за чудом совершается чудо: на белый свет на смену уходящим рождаются новые люди, и осуществляется бессмертное дело искусства — осмысление жизненного подвига человечества.

Арсений Тарковский

Голос музыки

Юность, 1978, № 3, стр. 92

Голос музыки Ларисы Миллер («Безымянный день». Стихи. «Советский писатель», 1977) напоминает флейту. Современная поэзия предлагает чи-

тателю не столь уж много образцов такой определённости замысла и ясности стихотворного письма. Стих Л. Миллер тяготеет к установившемуся десятилетиями ритмическому рисунку, рифма её не рассчитана на читательский шок и, быть может, даже слишком скромна; «застенчивость» строки, не щеголяющей ни изысканным тропом, ни чрезмерно резким всплеском интонации, даёт возможность Л. Миллер особенно доверительно, не повышая голоса, выразить тайну (подлинная поэзия всегда тайна и чудо) своего отношения к миру, к явлениям бытия.

Идея стихотворения Л. Миллер искренне и чисто распределена по всему его объёму, равномерно, в единой тональности, с той особенной скульптурностью, которую порой мы с удивлением открываем для себя в музыке.

Сила стихотворения Л. Миллер не только в способности к обогащению слова, но и в том, что эта сила служит выражению одной мысли, одного суждения от первой до последней строки, — кажется, это основной секрет её убедительности.

Мысли и чувство поэтессы поглощены нашей всеобщей заботой о судьбе человека, теснейше связанной с продолжением в грядущем и усовершенствованием человеческого рода, с условиями его существования в мире, ещё полным тревог, с семьёй, с материнской землёй, с природой, с языком родной страны. Мысль Л. Миллер, лежащая в основе её стихотворений, всегда глубока, современна и своевременна.

Я верю в долговечность, скажу даже громче — в бессмертие поэзии. Нам, читателям, ещё предстоит не одно знакомство с нужной, как хлеб, книгой. По прочтении «Безмянного дня» читателя не оставляет чувство дополненности, привносимое этой книгой (быть может, это происходит благодаря тому, что в старину было принято называть духовностью явления неподдельного искусства), дополненности многозвучного ансамбля современной русской советской поэзии, человеческой в самом глубоком смысле этого дорогого для нас слова.

Вот одно из стихотворений Ларисы:

Пела горлица лесная,
Над костром струился дым.
Сладко жить, цены не зная
Дням просторным, золотым;

Жить, как должное приемля,
Что ласкают небеса
Невесомой дланью землю,
Горы, доли и леса.

Сладко жить... И всё же слаще,
Будь ты молод или стар,
Каждый луч и лист летящий
Принимать как редкий дар.

«Безымянный день» — первый сборник стихотворений Л. Миллер, объединивший произведения за десятилетие. На страницах книжки нетрудно отыскать следы недостаточности поэтического опыта, например, некоторую робость интонации, но и в этой молодой книге гармонично выявлено триединство «мир — язык — художник», а это — свидетельство истинности пути.

Григорий Померанц

Из предисловия к книге «Стихи и проза» — М.: Терра, 1992

...Страсти поэта — радость читателя: в испытаниях рождались самые лучшие, самые вдохновенные стихи и лучшие страницы лирической прозы. Бывает, что творческие натуры прямо ищут такие падения, «пропады», затерянности в бездне. Лариса Миллер — не ищет. Но провалы в бессознательное иногда сами находят её:

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах —
Вот ещё один взмах, и ещё один взмах —
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сем принадлежность —
Всё неважно, когда есть безмерная нежность...

Воля здесь сказывается только в форме — в которой целая философия сдержанности, противоположная традиции прямо называть сокровенное и обнажать корни:

Когда любовь перегорала,
Когда из многих тем хорала
Звучали только зов и стон,
Любовь от смерти спас канон...

В очень непосредственной, кажущейся иногда импрессионистической поэзии Ларисы Миллер есть внутренний канон, близкий, может быть, классическому канону в столкновениях долга и страсти, отчаяния потери — и любви к оставшемуся и оставшимся:

Прости меня, что тает лёд.
Прости меня, что солнце льёт
На землю вешний свет, что птица
Поёт. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьётся след
На той земле, где больше нет

Тебя. Что в середине мая
Всё зацветёт. Прости, родная.

В этой воле к равновесию в страсти и в отчаянье — самое важное из того, что Лариса Миллер говорит нашему времени...

Зинаида Миркина
Из предисловия к книге «Стихи и проза»
М.: Терра, 1992

Основное чувство от поэзии Ларисы Миллер — сочетание хрупкости и значительности бытия. Всё невероятно хрупко, незащитно, разрушимо, и одновременно каждая деталь, каждый миг продолжается за собственные пределы и очень весом и значим. Каждый всплеск красоты — бабочка Брэдбери, от которой идут нити в будущее. Их невозможно проследить за одну жизнь. Каждая жизнь, каждая частица бытия связаны этими невидимыми нитями с чем-то, чего сейчас нет перед глазами. Отсюда это пронзительное чувство разлуки со своим домиренным «я», со своим неведомым «ты», которое является смыслом и сутью всего ведомого, явного. И с одной стороны, нет ничего нужнее этого «ты», а с другой — ничего нет мучительнее чувства зыбкости, незащитности, мимолётности всего здешнего, веского, явного и такого родного. <...>

Пронзительность — это, кажется, главное слово, когда говоришь о поэзии Ларисы Миллер. Чего уж нет совсем в этой поэзии так это самоуспокоенности, самодостаточности, даже просто защищённости. Если было бы позволено сравнивать эту поэзию, эту поэтическую мысль с домом, то это был бы дом, в котором главное — не плотные стены, а почти сплошное окно, уводящее в дали. Отсылка куда-то за себя, от себя, сквозь себя. Эта мысль не утверждает, что она что-то нашла незыблемое и неизменное. Нет, она точно говорит: «Я совсем никакого не основание, я только чувствую свою связь с ним и трепещу от этого чувства».

Этот трепет и есть, на мой взгляд, начало истинной религиозности. Хотя — только начало и — «Вместо благодати — намёк на благодать». Этот

намёк на нечто бесконечно большее, чем то, что вмещено в наш окоём, и есть поэзия Ларисы Миллер. <...>

Между тем без согласия на тайну, без сократовского «я знаю только то, что я ничего не знаю» по-настоящему невозможны, ни поэзия, ни религия, ни духовный рост.

Поэзия Ларисы Миллер это трепет радости и боли одновременно. Радости от соприкосновения с тайной, намекающей на благодать, и боли от чувства недостижимости благодати. Это жизнь, открытая своему источнику и одновременно открытая боли, жизнь с ощущением вечной иглы в сердце. Жизнь с вечно открытым вопросом: найдёт ли она успокоение среди беспокойства и неизбежность среди бездны — ту небесную твердь, ощущение которой и есть благодать?..

Найдёт или не найдёт, она никогда не променяет её на твердь земную — ту твёрдую почву под ногами, которая всегда отгорожена от Бесконечности, всегда от чего-то и кого-то закрыта. А от чего бы мы ни отгородились при самозащите, мы рискуем отгородиться от Бога. Ибо никто не знает, с какой стороны Он придёт.

Григорий Померанц

Поэзия горькой правды. – Знамя, 1997, № 8

...Если нет Бога, без воли которого и волос не упадёт, то что может дать его непостижимая, сверхчеловеческая вездесущность?

Всё дело в том, что дела нет
Ему до нас. И всякий след
Готов исчезнуть через миг.
Всё дело в том, что Светлый Лик
Всегда глядит поверх голов,
Не видя слёз, не слыша слов,
Не опуская ясных глаз,
Глядит туда, где нету нас.

Хочется возразить: Бог действительно начинается там, где мы исчезаем. «Одна капля твари вытесняет всего Бога», — учил великий Мейстер Экхарт... Но такого Бога — Бога Иова, отвечающего на страдания праведника только своей творческой радостью, в которой тонет страдание, — Лариса Миллер не может принять. А в утешения неопитов она не верит. Её духовные муки — на пороге встречи с подлинным Богом, который не защищает от бед, а только даёт силы переносить их...

Григорий Померанц

Затихнуть в Боге. — Литературная газета, 24.09.1997

В обаятельной и грустной книжке Ларисы Миллер «Заметки, записи, штрихи...» (М.: Глас, 1997), где есть «Энергия отчаянья» и много других прекрасных страниц, несколько строк остановили меня. Это конец стихотворения «Пена дней, житейский мусор...». Я не могу согласиться с его итогом, по-моему, он выскочил откуда-то из глубины, он не вытекает из всего предыдущего, да и из других посылок, из которых его обычно выводят... Так что стихотворение Ларисы Миллер — просто толчок, заставивший меня вступить в спор с одной из современных ересей: «...Сотворил Господь однажды / Нет, не мир, а лишь сырец, / Чтоб, томим духовной жаждой, / Мир творил земной творец».

Я думаю, что эта строфа — слишком сильная гипербола...

Манук Жажоян

«Дневник» Ларисы Миллер.

Из рецензии на книгу «В ожидании Эдита». — Русская мысль, 27.04.1995

Лариса Миллер часто говорит о поэзии в терминах музыки. Так, она очень привязана к слову «туше» (характер прикосновения к клавишам при игре на фортепиано). Подразумевая под этим стиль, манеру, интонацию, слог... Любовь Л. Миллер к музыке не столь неразделённа, как она пишет. Музыка отплатила ей любовью в стихах:

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездонен светлого запас, а чёрного в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка,
И надо медленно читать и утопать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках,
И жизнь не хочет вразумлять и звать на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

У Ларисы Миллер очень красивые и очень музыкальные стихи. Такие стихи в начале века назвали бы слишком *«de la musique avant toute chose-ными»* (а так говорили о её любимом поэте Георгии Иванове). Да, стих Л. Миллер лёгок и строен; мы же, читатели XX века, больше привыкли к стиху *трудному*, даже тяжеловесному и замысловатому, «тягучему» (*«Золотистого мёда струя из бутылки стекла»*). Ни плавность, ни певучая звучность нас, кажется, уже не насыщают, не завораживают. И, наверное, необходимо известное мужество, чтобы сохранить в такой атмосфере современного стиха лёгкое дыхание:

Такая тоска и такое веселье
Испить до конца это дивное зелье.
Такое веселье, такая тоска,
Что жизнь и любовь не прочней волоска.

<...> Для того чтобы оставаться верным своему дару откровенности (то, что называют лирикой), откровенности, ничем не ограниченной, в наше время, да и во все времена, тоже необходимо мужество. К Ларисе Миллер очень применимы слова Мандельштама: «Истинное поэтическое целомудрие делает ненужным стыдливое отношение к собственной душе».

...Как-то не хочется привносить сюда «экзистенциализм», но мы действительно находим в творчестве Ларисы Миллер (особенно в её прозе) влияния философов-экзистенциалистов и писателей, близких к такому ощущению жизни (Габриэль Марсель, Герман Гессе и др.). И страх её хотя и человеческий, но не слишком человеческий, точнее, не просто человеческий. И когда Миллер цитирует своего любимого Мейстера Экхарта — «Все вещи созданы из Ничто. Поэтому настоящий их источник — Ничто», — мы понимаем, что настоящий источник этих её пристрастий — не склонность к философии небытия, а совсем уж не средневековая, вполне современная незащищённость от страха перед жизнью или страха за неё... Один из любимейших писателей Л. Миллер Рильке (она приводит в своей прозе изумительные цитаты из него) писал в самом начале этого века, в сущности, о двух вещах: о детстве и страхе. О чистоте детства и чистоте страха. Затем эта чистота «обогадилась» экзистенциализмом, «страхом перед Ничто», превратено понятием «страхом и трепетом», «вытеснением детских фобий» и т. п. И, возможно, мы ошиблись в определении влияний на творчество Л. Миллер — у неё, кажется, счастливо отсутствуют следы этих «богатств». Оглядываясь, она словно видит лишь ту, рилькевскую чистоту...

Евгения Печуро

Поэзия Ларисы Миллер. — Русская мысль,

24.10.1996

...Некое рондо, в котором отдельное, случайное и всеобщее, меняясь местами, выступают ипостасями друг друга. Та форма, которая чаще всего встречается в стихах Ларисы, когда концовка и начало как бы противостоят друг другу и одновременно дополняют друг друга, на мой взгляд, не поэтическая находка, а органика мировосприятия поэта.

Редкий в наше время гармонический стих, вероятно, следствие того же. И отсюда же, вероятно, отсутствие столь распространённого в наше время авторского эгоцентризма:

Что плакать ночи напролёт?
Уж всё менялось не однажды,
И завтра там родник забьёт,
Где нынче гибнешь ты от жажды.
И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

В этом, конечно, не только приятие всеобщности — как истории (не частое в наше время, но широко распространённое в классике XIX века), в этом — активное желание увидеть мир и себя глазами этой всеобщности, но не для их оценки с её высоты, а для проникновения в её глубину:

Однажды выйти из судьбы,
Как из натопленной избы
В холодные выходят сени,
Где вещи, зыбкие как тени,
Стоят, где глуше голоса,
Слышнее ветры и леса,
И ночи чёрная пучина,
И жизни тайная причина.

Преодолевая дисгармонию жизни гармонией стиха, преодолевая дискретность жизни ощущением симфонии бытия, его протяженности, Лариса стойко несёт службу, на которую назначила её Поэзия. Ибо я убеждена, что не поэт творит поэзию, но поэзия создаёт поэта и диктует его судьбу. Она была до поэта и будет после него. Слышать её голоса, вторить её звуку — великое счастье поэта. И здесь нет никакой мистики: поэзия — исторический процесс поэтического творчества, поэт — его мгновение...

Юрий Ряшенцев

Загадка Ларисы Миллер

Из выступления на презентации книги «Стихи и о стихах»

Литературная газета, 19.02.1997

Когда я слушаю стихи Ларисы Миллер, то возникает загадка. Где те средства, которыми она добивается успеха, успеха у меня — читателя?.. Я почти не знаю людей, которые писали бы стихи настолько загадочно. Этот поэтический аскетизм поразителен...

Андрей Василевский

Хорошо быть беглой гласной

Новый мир, 1997, № 5

...Но перебирание банально-поэтического словаря — дело весьма рискованное. Стоит оступиться — и сразу банальность намеренная оборачивается банальностью невольной. «Кажущаяся эфемерность» (выражение Александра Зорина из его давней новомирской рецензии на давнюю книгу Миллер — «Новый мир», 1988, № 2) — эфемерностью не кажущейся. Ключом к её поэтике является (во всяком случае, для меня) её статья «И другое, другое, другое» — сравнительный разбор стихотворений Владимира Набокова и Георгия Иванова (так сказать, в пользу Георгия Иванова). <...>

Понимая всю двусмысленность сравнения, скажу: в книге Миллер есть места, которые, если бы не были заведомо написаны ею, а встретились мне, скажем, в недавнем трёхтомнике Георгия Иванова, читались бы как не худшие его строки... Вряд ли это можно принять за комплимент, но и упрёка тут нет никакого. Это не подражание, не стилизация, а — словами Гёте — «избирательное сродство»...

Реальный творческий и человеческий опыт богаче критических схем. Как хорошо кто-то сказал: я не обязан быть последовательнее самой жизни. Да и «песнопенье» (коль скоро оно присутствует) зачастую оказывает

ся сильнее и важнее «содержания». К тому же, что интересно, как раз *хаоса* (как бы его ни понимать) в её поэтическом мире я не заметил. Картинка, напротив, весьма чёткая и яркая. Контрастная. Есть, образно говоря, цветущая поляна, вдруг обрывающаяся в *бездну*. Но и там — не пресловутый хаос. Там — или *ничто*, или *неизвестно что*. Не смотри туда, не надо, говорит поэт. Пройди по краю. Ведь «...если есть там что-нибудь, / Узнаешь. А пока — забудь». Сюда лучше смотри, на полянку. Полянка — настоящая, не эфемерная. Хорошая. Тут можно жить. Живи. Согласитесь: это скорее *kosmos*, чем *chaos*. Кажется, что с годами стихи Миллер становятся суше и строже, а может быть, это иллюзия. Краткость (как и отсутствие названий у стихов) была присуща ей и раньше. Иногда стихотворения в шесть, в восемь строк запоминаются сразу и накрепко. Становятся частью твоего «я». Об отдельных строчках уж не говорю. «...А пока мы ждали рая, / Нас ждала земля сырая».

И вздрагиваешь там, где другой пролистнёт небрежно и равнодушно. Ничего не поделаешь — избирательное средство.

Илья Кукулин

Время на просвет и на вкус. – Независимая газета, 28.05.1998

...Если говорить про стихотворения «сами по себе», то Миллер продолжает традицию почти дневниковой философской лирики, которая в русской поэзии восходит к Тютчеву. Очень важна для Миллер и идея текста как концентрата личного опыта, когда в стихотворении словно становится видно сквозь толщу времени, становятся видны его разные слои и их взаимные движения и смещения...

Летающие чудеса

Из рецензии на книгу «Мотив. К себе, от себя». – Ex libris НГ, 21.02.2002

...Стихотворения Ларисы Миллер просты, и это их цель: простота, безыскусность. Чистота оптики: именно чистый взгляд в эстетике Миллер позволяет увидеть мир во всей его противоречивости и назвать события

по имени. «Боже мой, какое счастье! / Всё без моего участия — / Ливень, ветер и трава...» Литературовед Альфред Бем писал в 1930-е, что просто-та Георгия Иванова столь же литературно изощрена, как сложность Марины Цветаевой. Миллер ориентируется на такую играющую трагическую простоту, как у Георгия Иванова...

Наталья Трауберг
Стихи Ларисы Миллер

Из предисловия к сборнику «Между облаком и ямой». — М.: HGS, 1999

Много лет назад, более четверти века, Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Не знаю, всюду ли, но здесь, в моей стране, поэзия целительна и животворна, а люди не утратили дара проникаться её внутренней силой». <...>

Обратим внимание на самые слова Надежды Яковлевны. Прежде, чем сесть за это предисловие, я спрашивала людей — и давно любящих стихи Ларисы Миллер, и впервые узнавших — что с ними (людьми) происходит, когда они читают эти стихи. Лучше всего мы обобщим ответы, если скажем: они проникаются внутренней силой. Такая поэзия именно целительна и животворна.

Само по себе это — чудо, случилось же оно потому, что поэт, как героиня одной сказки, сочетает почти несочетаемое. Многие из нас, скажем я, в сущности *не жили* в «семидесятые годы», которые продолжались лет двадцать, хотя бы с суда над Синявским и Даниэлем и до весны 85-го. Тем самым, мы не могли создавать того, что Сергей Сергеевич Аверинцев назвал «сокровищами семидесятых». Людей, которые тогда жили, не зная, что это — не жизнь, можно жалеть, не стоит бранить, но они уж точно ничего создать не могли. Лариса Миллер и жила и не жила не в смысле какой-то смутной недожизни. Она полностью жила и полностью не могла жить. Мы с ней не виделись, но стихи говорят гораздо больше, чем несовершенные земные встречи. В самой сердцевине этих лет она просит: «Научи меня простому — дома радоваться дому», а в самом начале, и без просьбы, видит «июньский день и сад зелёный в квадрате моего окна».

Поближе к концу она не только закликает, но и рассказывает: «Хорошего уйма хорошее сплошь <...> и если не манна слетает с небес, то всё ж филигранна, воздушна на вес снежинка...» Снежинки эти «на фоне безрадостных лиц», но по отношению к Ларисе Миллер слово это — не очень точное. Снова и снова в её стихах сочетаются благодарная пристальность и стоическая трезвость. Ни вымученных восторгов, ни понурого безразличия в них нет никогда.

Другое сочетание несочетаемого: стихи классически просты, их справедливо называли аскетичными — но они покажутся несовременными только очень простодушному снобу. За эти тридцать с лишним лет сменилось множество поветрий и много раз открывали, что простота — кончилась. Но чистые и строгие стихи пишутся снова, ничто их не берёт.

Сказала «стихи» и статью назвала «Стихи...», а пишу я не о стихах. Может быть, это вообще невыполнимо, разве что в крайне поэтичном эссе, или тоже в стихах, или в музыке. На самом деле я пишу о поэте, о годах и о чудесах. <...> Казалось бы, нам, людям, достаточно, чтобы нас щадили и жалели, но к автору этих стихов испытываешь странные чувства — уважение, а может — и почтение.

Ошибаюсь я или нет, но мне кажется, что человек этот, ко всему прочему — взрослый. Конечно, не в обычном, мирском смысле слова — тогда он не увидел бы ни окна, ни снежинки, и не знал бы о себе исключительно важного: «Не вменяю, Господи, не вменяю, / Ты мне столько даришь, а я нищаю». Но другой, высокий смысл слова «взрослый» проглядывает даже в этих строках. Лариса Миллер сумела выразить поистине библейскую радость, рассказывая, как сотворены стихи: «Когда Господь на дело рук / Своих взглянул, и в нём запело / Вдруг что-то, будто бы задело / Струну в душе, запело вдруг...» «И с той поры / трепещет рифма, точно пламя, / Рождённое двумя словами / В разгар Божественной игры». Псалмопевец Давид, Тереза Авилакская, Честертон, Мандельштам — дети в позе блудного сына — знали такую радость; однако, мне кажется, что Лариса Миллер знает это — сердцем, а не надеждой. <...> Да, вот ещё слово — достоинство. Может быть, самые жалкие жалобы, самая простая слабость, тем более — ничтожность (в прямом

смысле) убавили бы достоинства, но помогли бы жить. Однако тут мы выходим за пределы стихов, к прямой проповеди, которая сейчас так опошлена, что делать этого не стоит. <...>

Вот — сборник, новое окно из суеты на «луговину ту, где время не бежит». Читая эти стихи, я вспоминала, страдала, благодарила, а потом и скорбь, и строгость, и даже отчаяние недавних стихов исчезли куда-то, остались травы, тишина и рай.

Лиля Панн

Хорошо быть беглой гласной. Высокая лирика с метафизической ухмылкой

Из рецензии на книгу «Между облаком и ямой»

Ex libris НГ, 26.08.1999

«Там в ангельском облике облако, о!» — где междометие «о» не предшествует восклицаемому, а как бы вспоминает о том, что позабыло воскликнуть (такой ход заслуживает «о» в начале оценки критика). <...>

Простодушие ее стиха не от лукавого, а от того, что «не до жиру». Литературный результат ереси «немыслимой простоты» при немалом таланте — то пан, то пропал: «Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же? / Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже, / И сюжеты твои не новы, / И картинки Твои безнадежно похожи: / Небо, морось, шуршанье травы... / Ты — своё, я — своё, да и как же иначе? / Дождь идёт — мы с Тобой сливаемся в плаче. / Мы совпали. И как не совпасть? / Я — подобье Твоё, и мои неудачи — / Лишь Твоих незаметная часть».

Да, ещё один Иов. Конец двух тысячелетий христианства принес обильный их урожай. Богоборчество в виде богокритики — «доброжелательной», конечно, — вот живой мотив у Ларисы Миллер: и здесь она просто пленяет. Стихотворение проговаривается о трудных отношениях автора с Богом прежде всего невозможностью во второй строке прочесть, произнести «Боже мой» одним-единственным образом. Что здесь, прямое, почтительное обращение к тому, кого автор называет Ты? Или старейшая идиома, несущая досаду?

Её поэзия тоже «находится в промежутке» — как того требовал Тьянов, но промежуток этот чуть заметен. Всё чаще его создает юмор — соломинка из самых крепких для утопающего поэта. Притом, что дело её — высокая лирика, её всегда тянуло и на метафизическую ухмылку («Любовь до гроба. Жизнь до гроба. Что дальше — сообщает особо». <...> Не сдавая позиций на «небе», пересмеять его, поскольку «смеётся небо над землёй». Тогда: «Смеётся факт, не веря бредням... Кто будет хохотать последним?» <...>

«Невероятно до смешного: Был целый мир и нет его». Да, с гением ностальгии Георгия Иванова муза Ларисы Миллер на дружеской ноге. В новой её книге брошен взгляд на весь путь от «целого мира» — к «нет его». «Всё страньше жизнь моя и страньше». Отчаянная ностальгичность мироощущения Ларисы Миллер захватывает и прошлое поэзии, его сохранить более по силам, чем своё собственное. Как это удаётся — вот тайна её семантически нетаинственной поэзии. Неотменяемая тайна, собственно, равносильна здесь загадке классического стиха: почему он избежал участи анахронизма...

Татьяна Бек

Отважная весть. Из рецензии на книгу «Между облаком и ямой»

Литературная газета, 02.02.2000

...Разрыва и противоречия меж ранним и поздним творчеством нет — поэзия Ларисы Миллер двигалась и движется плавно, органично, чуть расширяющимися витками, и лишь сочувственному и пристальному взгляду открывается напряжённое обогащение её ритмики, заострение речевого жеста, углубление горестной и благодарной мудрости. «На излёте зимы, на излёте / Века бедствий и века любви / Всё тяну на излюбленной ноте / Ту же песню...»

И верность той же песне, и острые перемены — уловили! А ещё заметили: добрая половина стихотворений Ларисы Миллер написана в форме мягкого императива: ...не спугни, явись, открой глаза, люби, прости, посмотри... Но это вовсе не знак властности — это связь с миром, это не-

расторжимость нити меж «я» и «ты», это подлинный демократизм открытости. Потому-то она так любит почти по-детски начинать стихотворение с «А» или «Но», или «Итак» — точно длит нескончаемый разговор с близким человеком, лишь иногда прерываясь и возобновляя диалог на вчерашнем полуслове... <...>

Открытия и откровения этого поэта творятся не в прямых высказываниях или любовных лирических формулах, но в паузах, проёмах, щелях между словами. Недаром любимый символ у Ларисы Миллер — это *воздух*. Опять же можно привести целый долгий ряд её слов и словечек, означающих таинственное пространство, за пределами коего «мысль изреченная есть ложь»: *вечный зазор, пробелы, пропуски, прогулы, лазейка, между строк, брешь, пробоина...* Лариса Миллер сама знает, что не в резких штрихах, не во взбалмошных линиях и не в театральном выворачивании себя наизнанку её сила, а в сокровенном тайнослушании и тайновидении: «Не мы, а воздух между нами, / Не ствол — просветы меж стволами, / И не слова — меж ними вдох / Содержат тайну и подвох».

С годами в стихах Ларисы Миллер стало больше «сора», жаргона, иронии и прозы — и чем ближе она к небу, тем больше в стихах земли. А быть может, наоборот: чем больше земли, тем ближе она к небесам? «Ломит голову к ненастью, / В сердце колики... / Сядем, братья по несчастью, / Сдвинув столики...»

Песня, поэзия, музыка существуют в стихотворениях Ларисы Миллер наравне с детьми, с любимым, с друзьями, ибо искусство в её личном мире — это способ жить, это, пожалуй, самая существенная возможность сопротивления хаосу и безбожию. Её стихотворчество — это и жизнотворчество тоже, недаром она с лёгкой самоиронией говорит: «Концы с концами я свожу / Путём рифмовки». Интересно, что в самые смятенные и отчаянные минуты Лариса Миллер прибегает к ритму особенно отчётливому и всегда предпочитает рифмовку смежную: «Иди сюда. Иди сюда. / Иди. До Страшного суда / Мы будем вместе. И в аду, / В чаду, в дыму тебя найду». Или «Доколе, Господи, доколе», — / Прошелестело чисто поле».

Так ставят скобки на рану. Так обхватывают руками голову. Так прижимаются друг к другу.

В стихах Ларисы Миллер есть всё — мрак, тоска, ужас безвременья, страх смерти, усталость от пошлости, тиски сиюминутности, ощущение необратимой истории. Но всё это осенено высью. И её строгий, чистый, совершенно *отдельный голос* талантливо противостоит массовке тупика, являясь вестью оглушающе внятной, насыщенной и отважной.

Мария Ремизова, Павел Белицкий

Выбор достойнейших из достойных

Независимая газета, 18.02.2000, приложение «Кулиса НГ» № 3

В феврале, как обычно, стали известны имена номинантов Государственной премии в области литературы и искусства за 1999 год. <...> Лариса Миллер выдвинута на соискание Государственной премии журналом «Новый мир», что уже придаёт самому факту выдвижения весомость и убедительность. Заметная едва ли не во всех литературных жанрах (проза, поэзия, эссеистика — то есть в двух всё-таки основных и одном более и более набирающем силу и литературную влияние), Лариса Миллер, как кажется, значительна во всех трёх — и тем не менее заставляет думать скорее о пользе писателей умных (достоинство не малое, тем более что и не частое) и щедрых, но никак не государственного масштаба... «О, мир, твои прекрасны штампы: / То свет с небес, то свет от лампы, / То свет от белого листа... / Прекрасны общие места...» <...> А что как государство заметит поэта (извините за тавтологию) масштаба поэтического.

Андрей Мирошкин, Евгений Лесин,

Среди тьмы метаморфоз. Русская поэзия в новых сборниках

Московская правда, 14.03.2000

Новая книга Ларисы Миллер «Между облаком и ямой» (издательство «HGS») включает стихи разных лет: начиная с 60–70-х годов и заканчивая днём сегодняшним. Впрочем, стихи последнего десятилетия занимают по-

ловину сборника. Читая их, поражаешься простому открытию: автор глядит на мир, не то чтобы не меняясь с течением времени, не то чтобы одинаково в разные периоды жизни, а как будто всё более убеждаясь в чём-то, что было ясно с самого начала, но до сих пор требует (каждый день!) нового подтверждения. Стихи Ларисы Миллер — вне времени и пространства, по ту сторону всего. Их можно было писать в прошлом веке, они возможны и через века. В то же время эти стихи не просто современные, эти стихи хотят и способны остановить время. Не запечатлеть, а именно остановить. Как летящий камень, как льющуюся воду, как рождающуюся мысль: «Устаревшее — “сквозь слёз”, / Современное — “сквозь слёзы” — / Лишь одна метаморфоза / Среди тьмы метаморфоз...» Мы все живём среди этой тьмы метаморфоз, «обалдев от всех новаций», не замечая ни прошлого, ни настоящего, боясь думать о будущем, остановить же нас можно лишь чудом. Например, чудом поэзии.

Вера Чайковская

Независимая газета, 24.08.2000

В ряду поэтов «классических» таких, как Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Олег Чухонцев, Александр Кушнер, слышен голос и этого автора. Речь идет о Ларисе Миллер, несколько книг поэзии и прозы которой вышло за последнее время. Лариса Миллер выбрала в наставники поэтов века предшествующего. Баратынский, Фет, Тютчев — вот её поэтическая родословная. Её отец — литератор, погибший на войне, прекрасно знал поэзию русского золотого века... Баратынский открыл в русской поэзии душу, которая мается в мире, не в силах преодолеть разрыв между земным и небесным. Лариса Миллер эту тему подхватывает. Душа для неё — «обуза»: «Утомлено её крыло. / И обвисает тяжело...»

И больше всего привлекает перспектива «закрыть лавочку» или стать «беглой гласной», то есть осуществить некий уход из реального бытия. Речь, разумеется, идет не только о житейских сложностях и смутах нашего времени, даже не о генной памяти представительницы иудейского племени, а о метафизическом выборе тонкой и ранимой

души, которой в тягость земное огрубелое — «плотское» бытиё. Можно предположить, что речь идет не о простом уходе в «смерть», а о тоске по каким-то иным формам существования, иным мирам, отблеск которых (о вечный Платон!) грезится душе: «Как будто с кем-то разлучиться / Пришлось мне, чтоб на свет явиться... / И шарю беспокойным взором / По лицам и земным просторам...»

Само бытиё мыслится как некая щель между «безднами» добытия и небытия, безднами, в которые Лариса Миллер постоянно взглядывается. Не из этого ли заворожённого внимания её интерес к средневековым мистическим учениям и к знаменитой книге Моуди, описывающей опыт «постсмертного» существования? «Любовь, она лишь стылый след. / Покой? Но он нам только снится. / Так что же есть? Небесный свет, / В котором облако и птица». <...>

Безнадёжность метания между «двумя безднами» смягчается в поэзии Миллер не только «детским» прищуром, но любой бытовой подробностью, мелочью, хрупкой вещью, становящейся любимой, драгоценной в космической перспективе...

Музыка в поэзии Миллер не только лирический камертон поэтического слова, не только излюбленная тема, не только организующий принцип на всех уровнях от строки до книги стихов, но и некий символический образ мироздания, всеобщая метафора бытия. <...>

Здесь музыка — не отвлечённая пифагорейская «гармония сфер», а интимный диалог души с мирозданием, сокровенная исповедь, обращённая к «другому».

И как в высокой музыке — симфонии, сонате — в стихах Миллер есть контрапункт, напряжение «несогласных» тем, внутренняя противоречивость, которая делает эту поэзию явлением подлинного искусства, а не сладким стишком «для забавы» и не обиходной мудростью...

Ирина Машинская
Новое русское слово, 27.10.2001

Лариса Миллер, автор множества книг стихов, эссеистики и мемуарной прозы (обычно под одной обложкой со стихами), один из самых необычных современных поэтов. Необычность этих стихов — не только в полном отказе — естественном, неханжеском — от каких бы то ни было современных стилистических ухищрений и при этом — редкое сочетание! — свободно входящей в них современности во всём обаянии повседневной речи. Необычность — и даже необыкновенность их — прежде всего в том, что цитируемый в одном из её эссе Баратынский называл «полным ощущением известной минуты».

«Чем кончится век золотой? Чернотой». Хотя бы этого простого довода достаточно для того, чтобы увидеть белый или золотой день — белым или золотым. Передать дисгармонию какофонией, конечно, можно, и в этом отношении в XX веке было много сделано, гораздо труднее, почти невозможно, находясь внутри скомканного, изломанного мира, сделать это так, как будто смотришь на всё это снаружи, из незримого, пронизывающего это обыденное — космоса. Вот эта запредельная пристальность — не только зрения, но всех чувств, как будто в беззвучно шумящую мировую листву двигается бесконечный телескоп — и есть едва ли не главное свойство стихов Миллер.

Казалось бы, перед глазами читателя проходит, бесконечно повторяясь, столько раз уже виденное, в том числе в стихах: птицы, трава, тот самый «тарковский» *белый день*. Ничего зрелищного — но всё зримо, никакой музыкалки, никакого нарочно нанятого оркестра аллитераций — а всё звучит. От слов идёт свечение, и каждый раз ты следишь за развитием всегда короткого, стремительного стихотворения с напряжённым интересом, сродни тому острому чувству соучастия, с которым смотрят на пронсящийся по упругому, равномерно гудящему и гремящему мосту поезд — всегда новый, всегда другой.

Лев Тимофеев

Из выступления на презентации книги

«Мотив. К себе, от себя», 13.02.2002

Интернет-журнал «Русский переплет», раздел «Критика»

...Это что-то совершенно удивительное – пластика стиха у Ларисы Миллер. Прежде всего этой пластикой она и завораживает. Завораживает, потом уже проявляется смысл, и ты ощущаешь себя в этом море смысла. Да, море, да, эта глубина, эта ровность <...> Лариса поймала свою интонацию. Иногда эта интонация кажется своеобразной. Но знаете, это как ровная поверхность океана. У Шнитке есть концерт для хора, где очень ровно всё, там нету глубоких перепадов. Но это такая океаническая глубина смысла и миропонимания <...> «Неужто два такта всего до конца? / Семь нот в звукоряде. Семь дней у Творца. / И нечто такое творится с басами, / Что воды гудят и земля с небесами».

Вот гудят воды, гудят. И земля с небесами. Это стихи. Спасибо.

Валентин Оскоцкий

О книге Ларисы Миллер «Мотив. К себе, от себя», февраль 2002

Интернет-журнал «Русский переплет», раздел «Критика»

...Для меня всегда важно найти, угадать у поэта ту ключевую строку или строфу, которые становятся как бы моей призмой восприятия его личности, понимания его творческой индивидуальности. Допускаю, что мой поиск ключа субъективен: то, что мне кажется ключевым, для другого читателя, а тем более для самого поэта ключ вовсе не это, а совсем другое. Но и при подобной скидке на свою читательскую субъективность, я не сразу сумел найти в книге Ларисы Миллер – в открывающих её стихах самых последних лет – строки, которые воспринялись бы как ключевые. И причина не во мне, читателе, а в авторе книги, в поэте. Выразительная индивидуальность Ларисы Миллер – в многослойности поэтического слова, в много-

гаммности мотивов, в множественности смыслов, которые не столько напрямую вычитываются, сколько опосредованно угадываются в строке, в строфе, в стихотворении в целом. На поверхности первый смысл, но за ним и под ним — второй и третий, а то и пятый, и десятый. <...>

И всё-таки среди последних — 1999—2001 гг. — стихов я нашёл то, которое воспринял ключевым: «Переживая брэнность бытия». Ключевое его начало — в органичном сопряжении брэнности жизни и нетленности души как взаимосвязанных, взаимопроникаемых, неразделимых первооснов поэтического мировосприятия поэта. И в завершающем, нечастом в лексике и стилистике этого автора повелительном наклонении: «Согласись». Выше было «Пиши», но в обоих случаях повеление — не наказ, а просьба — приглашение к раздумью и о своём, и об общем. Наказ, предполагающий проповедничество и из него вытекающий, как и сама проповедь вместо исповедания, — не стихия Ларисы Миллер.

Алексей Мокроусов

Слово Ларисе Миллер

Домовой, 2002, № 7/8, июль-август

Сейчас в моде стали жалобы: ах, как изменилось время! Какое оно, дескать, жёсткое и быстротечное! Некогда читать стихи!.. Специально для лентяев — что мне так понравилось в последнее время:

О, научи меня, Восток,
Жить, созерцая лепесток.
Спаси в тиши своей восточной
От беспощадной ставки очной
С минувшим, с будущим, с судьбой,
С другими и с самим собой.
Разброд и хаос. Смех и слёзы.
И не найду удобной позы,

Чтоб с лёгким сердцем замереть
И никогда не ведать впредь
Ни жарких слов, ни мелких стычек,
Лишь наблюдать паренье птичек
В углу белейшего холста,
Где остальная часть пуста.

Нашёл я это стихотворение в сборнике Ларисы Миллер «Мотив. К себе, от себя» (М.: Аграф). Миллер, кстати, проявляет себя очень хорошим читателем поэзии, так что, если вам не с кем поговорить о стихах, беседуйте — пусть и заочно — с Ларисой Миллер. А также внимайте ей изустно. <...> Нельзя сказать, что стихи Ларисы Миллер не перекладывались на музыку — этим занимались, например, Петр Старчик и Александр Дулов. Но сейчас существуют сразу два компакт-диска с песнями на стихи Миллер композитора Михаила Приходько — «Позови меня негромко» и «Да» и «нет» не говорите». Михаил Приходько и Галина Пухова исполняют песни под аккомпанемент гитары и флейты...

Александр Зорин

В поисках адресата. Рецензия на книгу «Мотив. К себе, от себя»

Новый мир, 2002, № 8

Лариса Миллер складывает каждую свою книгу наподобие очередного «Избранного», всякий раз добавляя изрядное количество новых произведений — стихов и прозы. <...>

Она заговорила своим голосом давно, как говорится, родилась с ним, в отличие от поэтов, пробивавшихся к себе путём возрастных мутаций. Сначала дала ему проявиться, а потом сохранила, упражняя и совершенствуя в практике, которую можно назвать творчеством, а лучше — жизне-творчеством, ибо стих и поступок, судя по всему, у неё идентичны.

Характерна абсолютная законченность стихотворения, соразмерность частей: звуков, смыслов, образов. Их подвижное равновесие, кото-

рое техникой недостижимо, а суть состояние души, ранимой и отзывчивой. Не побоюсь назвать эту соразмерность классической. Гармония, в ней явленная, привычна и отрадна нашему слуху и чувству в сравнении с той, которая, как она пишет, только рождается «в виде сморщенного, невзрачного, орущего комочка».

Существует мнение (его придерживается, например, критик Станислав Рассадин), что гармоническое начало ушло из искусства чуть ли не сразу после смерти Пушкина. Трудно с этим согласиться, потому что гармония — не атрибут искусства, а удерживающая сила жизни, гравитационная постоянная, которая сама по себе ничтожна, но — удерживает миры. Малость её величины не заметна блуждающему взгляду.

Напряжение, модуляции голоса связаны с душевным состоянием, которое у Миллера на протяжении жизни пульсирует в амплитуде маятника: «Вечно тянет то петь, то беззвучно рыдать». Беззвучно не получается. Особенно в стихах последних лет, где преобладает тема (беру это слово в музыкальном ключе) гибели, распада, аннигиляции всего живого и драгоценного. Ничего, кроме золы, не останется — ни от личности, ни от прощальной записки, в которой, может быть, заключена вся жизнь. <...>

Её среда обитания — «Меж небом и землёй», «Между облаком и ямой», «Серое небо над чёрной дырой». Положение едва ли не эфемерное, непостоянно, куда она перемещается с колыбелью — вверх или вниз? Или дрейфует вокруг шарика — зелёного, жёлтого, белого — пёстрого...

Впрочем, непонятно для зрения. Потому что пространство — метафизическое, хотя помечено осязаемыми деталями. Ослепительным миготом, «которого нету в природе». Пространство, где таится «мерцающий свет, / Рождённый мгновеньем, которого нет». А что же есть? То, что она и силится передать: неуловимое состояние, сравнимое с потоком, куда нельзя войти не только дважды, но даже и один раз. Она пишет о том, что не даётся в прочном опыте, а только в мимолётном ощущении. «Есть вещи, от которых ускользает определение... Это неуловимо, это возможно передать только языком поэзии...» — обмолвился как-то о. Александр Мень.

Но ощущения двойственны. Вроде бы ожог и ужас и предвестие гибели... А музыка стиха, короткие энергичные танцующие ритмы вышпают тему, нейтрализуют страх. <...> «Предчувствие несчастья»? — но ведь я не только про это, настаивает она, а про летучее, мгновенное, необъяснимое чудо жизни: «Про мерцающую светом / Неразгаданным звезду».

Форма — прозрачна. Душевные травмы, темноты видны в ней насквозь. Спасителен сам воздух искусства, утончённая поэтика. Противодействие распаду укоренено в природе творчества. Но — приходится сражаться в одиночку: преодолевать хаос в себе, свою инерцию, свою энтропию. Никто здесь не помощник, даже Господь Бог, отпустивший поэта в свободное плавание.

Чувство гармонии, по слову Блока, неотъемлемо присущее поэту, не отдаляет бездны и, увы, не является залогом бессмертия. Наверное, в свободном плавании без компаса не обойтись.

Иногда она предельно точно, «без затей и без загадок», объявляет свою позицию. Как в стихах о непогоде — зримых и убедительных.

Разгулялась непогода,
Всё стонало и гудело,
В царстве полного разброда.
Лишь разброд не знал предела.
Всё стонало и кренилось
В этом хаосе дремучем...
На ветру бумажка билась —
Кто-то почерком летучим,
Обращаясь прямо к миру
Без затей и без загадок,
Написал: «Сниму квартиру.
Гарантирую порядок».

Прямое обращение к миру может позволить себе тот, кто отвечает за свои слова. Кто бьётся, но не подчиняется стихии. Бумажка... Слово-то какое уничтожительное... Ключок надежды. А он и есть центр кренящегося мироздания. Если что-то может спасти мир, то только личное противостояние хаосу — в себе, в своём, а время арендованном, теле.

Её поэзия устремлена к диалогу, она настроена слушать: «Ты другого мнения? / Выскажи его». Диалог, часто внутренний, заполняет стихотворение целиком. Среди собеседников присутствует самый... авторитетный, самая, так сказать, высокая инстанция. Правда, присутствует инкогнито, безответно, «молчание храня». «Досадно, Господи, и больно, / Что жизнь Тебе не подконтрольна. / Она течёт невесть куда...» Безучастность делает Его неким эфемерным адресатом, о котором можно сказать, что он вообще «устал» и что «его уж нету...» В таком случае, присутствует ли? <...>

Но в поэзии Миллер преобладает иное мироощущение. Она в постоянном поиске адресата, местонахождение которого (если можно так выразиться) для неё сомнительно. И тем не менее она ждёт отклика именно от Него. Напряжённое ожидание чревато безотчётной тревогой и даже отчаянием: «Дело, кажется, пахнет психушкой».

Блаженный Августин согласился бы с таким выводом. В молодости он пережил сходные настроения, пока не услышал призыв свыше. Как подходят его слова к нашей сегодняшней клинической ситуации: «Ты создал нас для Себя, и мятётся сердце наше, доколе не успокоится в Тебе». Успокоиться — не значит бездействовать, а самораскрыться вобретении подлинной свободы и воли. Не об этом ли мечтал в конце жизни Пушкин?..

Есть и другой не проявленный адресат: множественные местоимения — они, их... «Хоть бы памятку дали какую-то, что ли...», «Научили бы...», «отправят», «поддержат». <...> Кто — они? Кто эти злосчастные фантомы, на которых можно взвалить наши беды? Вообще-то Миллер не из тех, кто ищет козлов отпущения. Но эта обезличенная обобщённость как-то соотносится — может быть, полярно? — с тем, к которому взывает душа, жаждающая ответа.

Однако — вернусь к мелодическому равновесию. Стихи раскрываются, как фортепьянные пьесы, — с их единством настроения и содержания. В малом объёме, в многомерном чувстве — философская глубина. Теза перекликается с антитезой, фон с антифоном. Диалог динамичен.

Мировоззрение художника может быть абсурдным, настроение крайне неустойчивым, но выраженные художником, они сбалансированы, оправданы средствами искусства. Благозвучие оправдывает содержание и каким-то непостижимым образом обогащает его.

Лодочка формы

Из беседы Инги Кузнецовой с Ларисой Миллер

Вопросы литературы, 2003, № 6

И. К.: Лариса, может быть, ответ на этот вопрос сложится из частных, которые возникнут потом, но хочется спросить сразу: в чем, по-вашему, суть поэзии — в отличие от других видов литературы, искусства?

Л. М.: Кто-то говорил: кратчайший путь — от сердца к сердцу. Мне кажется, что поэзия и есть этот путь (это, наверное, звучит очень старомодно, потому что сейчас, в век постмодернизма — игры, пересмешничанья, ёрничанья — совершенно другие функции выполняет поэзия). Каждый раз я меряю только одним: будут ли эти стихи нужны кому-нибудь. Если нет, то зачем они?

И. К.: То есть нужно какое-то равновесие между автором и адресатом?

Л. М.: Адресат важен потом, когда стихи написаны. В начале, когда пишешь, ты, конечно, о нём не думаешь. Это нужно прежде всего тебе. Но потом... Иногда ведь бывает так, что поэт тебе интересен, но спросишь себя: а ещё когда-нибудь ты захочешь прочитать его стихи, твоя рука потянется именно к этой книжке? И ответишь: нет.

И. К.: Если взглянуть на ваши стихи с формальной точки зрения (а всегда интересно, что форма как верхняя часть айсберга имеет под собой в структуре сознания), можно заметить, что очень часто они построены как обращение к себе, самооговаривание, урок. Чувствуете ли вы дистанцию между вашим буквальным «я» и лирическим?

Л. М.: Нет, я думаю, не в дистанции тут дело. Это очень правильный вопрос, и у меня часто бывает некое «ты» в стихах — но это, конечно, я. У меня бывает потребность в разговоре, который со мной никто не может вести, кроме меня самой. Может, я бы хотела, чтобы мне сказал эти слова кто-то другой, но поскольку другой не говорит, то я говорю сама. У меня вообще очень часто стихи — как бы заклинание от обратного: на самом деле всё плохо, а я себе говорю: «скажи, что жить легко». Что-то в этом роде.

И. К.: Есть поэты, у которых мы в стихах ощущаем не то что бы маску, но некий...

Л. М.: Имидж.

И. К.: Да, и за ним очень много может стоять. Вот, например, Борис Рыжий (я знаю, что этот человек был значим для вас). Как вы думаете, чем является это другое «я» его стихов — квинтэссенцией коллективного бессознательного или?.. Или, общаясь с ним, вы не ощущали большой разницы между ним самим и тем, кто в его стихах?

Л. М.: Вы знаете, для меня он остался загадкой, потому что я его не знала лично — только по переписке. Мне кажется, он был очень рафинированный человек. Он настолько знал поэзию... Но этого нельзя вывести из его стихов — они другие. Какую он жизнь вёл, была ли поза в том, как прилагательно он писал — или это тоже часть его жизни? Или он задыхался в этом, или он без этого не мог? — я так и не поняла. В переписке он был очень нежен, и мне страшно его не хватает, я не могу вам передать, насколько. Это удивительно — у нас такая разница в возрасте, ведь ему было 27 лет. Я давно не встречала такой открытости и такой прямоты, искренности предельной, которой я верила абсолютно. Я не знаю, может, я ошибалась... <...>

И. К.: Я бы хотела подхватить одну «нить» разговора, который уже у нас возник. Современная поэзия — может быть, не самая последняя, молодая, а та, что известна, прочитана сейчас, — стесняется пафоса.

Л. М.: Нет, даже не пафоса — я пафоса не люблю. Искренности — может быть, вы это имели в виду?

И. К.: Открытой эмоциональности.

Л. М.: Открытой эмоциональности! Для меня это — всё. Может, это мой недостаток — никто же не сказал, что есть правда окончательная. И проза у меня исповедальна. Но это очень несовременно.

И. К.: Задача сделать что-то экспериментальное никогда перед вами не стояла?

Л. М.: Никогда. У меня есть близкие друзья, которые ставят перед собой формальные задачи или, например, читают какую-нибудь книгу для того, чтобы увидеть, как это делается. Для меня подобное совершенно не-

мыслимо. У меня довольно однообразная ритмика в стихах, часто встречается парная рифма — но я без неё не могу жить, это как дыхание: вдох и выдох.

И. К.: Судя по вашей автобиографической прозе, вы начали писать достаточно поздно. Как это случилось?

Л. М.: Конечно, в школе я что-то писала. Когда Корейская война шла, писала что-то гражданственное (смеется — *И. К.*). Была у меня и поэма — называлась «Двойка». В моей характеристике во втором классе учительница написала: «Сама пишет свои стихи». Но, в общем-то, я не чувствовала тогда никакого призвания. И когда я училась в институте, у меня была колоссальная внутренняя неудовлетворённость: я никак не могла понять, зачем живу. Этот вопрос постоянно стоял на повестке дня! Каждый день я спрашивала себя: ну неужели я живу лишь для того, чтобы закончить институт и преподавать английский язык? Это можно делать ради того, чтобы деньги зарабатывать, но ведь должно быть что-то ещё. Я просыпалась, и у меня болело сердце. Помните Печорина, который чувствовал в себе силы необъятные. Я тоже, наверное, что-то такое чувствовала, но никак не могла понять что.

А потом я поехала в Коктебель (это был 1961 год) — в первый раз одна, без всех. И там был замечательный человек Виктор Андроникович Мануйлов. У меня есть эссе «Поговорим о странностях любви» — о любимых книгах и любимых людях, которые мне в жизни встретились и очень помогли. Так он один из них. Литературовед, лермонтовед, редактор и составитель «Лермонтовской энциклопедии», профессор Ленинградского университета, завсегдагой Коктебеля и знаменитого дома Волошина. А ещё он был знатоком хиромантии, которую изучал всю жизнь, со времён гражданской войны. Как-то он меня остановил на набережной, пригласил сесть рядом с ним на скамеечку, посмотрел мне на руку и сказал: «У вас огромная тяга к самовыражению, вы будете что-то делать». Я говорю: «Что?» — «Я точно не знаю».

Колоссальная тяга к творчеству — я не люблю этого слова, но что-то в этом роде он мне сказал. Через год, осенью 1962-го, я вдруг взяла и написала первое стихотворение. Я тогда вспомнила слова Мануйлова и

очень удивилась. Когда я написала эти свои первые стихи, я почувствовала, что это именно то, что я должна делать. Что я наконец нащупала. <...>

И. К.: В одном из ваших рассказов есть описание бессонницы и ощущения хода времени, которое мучает по ночам вас, школьницу. Не было ли это каким-то предчувствием поэтического ритма?

Л. М.: Насчёт поэтического ритма не знаю, но я помешана на времени. Для меня это одно из самых главных понятий: ход времени, ощущение человека во времени.

И. К.: А время для вас противоречит вечности?

Л. М.: Нет, это по-другому. Это что-то очень живое, определяющее жизнь. Если бы меня спросили: «Чего ты сейчас большего всего хочешь?», я сказала бы, что хочу, чтобы передо мной прокрутили плёнку жизни. Когда я смотрю старые фильмы, всегда обращаю внимание на старые улицы — Москву 60-х, 70-х годов — и просто задыхаюсь, настолько мне важно снова увидеть, как всё это выглядело.

И. К.: То есть время для вас — не холодная константа, а дыхание жизни.

Л. М.: Да, вы это очень точно сказали.

И. К.: Была ли у вас потребность читать об этом у философов?

Л. М.: Была. В одном стихотворении у меня есть такая строчка: «И лежит моя закладка в толстой книге философской». Когда меня что-то в жизни брало за горло, происходили потрясения, с которыми я с трудом справлялась, я начинала читать философов, чтобы разобраться во всём. Я читала китайских, индийских, русских философов. Для меня это было очень важно, и, самое забавное, мне казалось, что я согласна со всеми. Казалось, что все толкуют в общем-то похожие вещи, все идут к одному, но разными путями. Мейстер Экхарт — может быть, он был самым сильным моим впечатлением. Ведь он мистик. <...>

И. К.: Я думала о том, какова природа образа в ваших стихах. На первый взгляд кажется, что это просто предметы, что они не отсылают прямо к вашему состоянию. Но потом я поняла, что всё-таки это символы — не столько вашего индивидуального состояния, которое выражено в сти-

хах интонацией, как-то ещё иначе — а творения, мира вообще. Поэтому они весомы, и кажется, что это не слова, а буквально — дерево, облако, стол и стул.

Л. М.: Вы правильно говорите. Но при этом у меня очень мало конкретного — например, нет названий птиц. Вот недавно только появилась славка. А то — дерево, облако, птища...

И. К.: В эссе «Чаепитие ангелов» вы писали о том, что даже в талантливых стихах слова подчас остаются словами, а хочется, чтобы они становились вещами. Может быть, с этой темой связан у вас отказ от пышной метафорики?

Л. М.: Я привожу там слова Владимира Соколова: «Как я хочу, чтоб строчки эти / Забыли, что они слова, / А стали небо, крыши, ветер, / Сырых бульваров дерева!». Даже не вещами, а самой жизнью — это было бы точней. Чтобы слово вернулось в жизнь, совершило обратный путь. Чтобы оно осталось живым. У меня сейчас просто какое-то наваждение: я живу в слове — но боюсь слов. Я открываю книжку и думаю: Боже мой, зачем столько слов? Какому-то композитору показали рукопись, и он сказал: «Слишком много нот». У меня ощущение, что я могу читать только то, где самое необходимое.

И. К.: Мейстер Экхарт и другие мистики — например, исихасты — хотели сохранить Слово ценой молчания, на его грани.

Л. М.: Мне это очень близко! У меня есть строчка про то, что в начале было Слово, а потом одни слова. Но на самом деле это какой-то разлом: я не могу ни писать, ни читать — но я и не могу выносить слова. И я стала так просто писать... У меня и раньше не было особенно сложной поэтики. А сейчас получаются просто детские считалочки. «Мир от снега белый весь. Кабы знать, зачем мы здесь», — ну что это за стихи? А сложней у меня уже не получается.

И. К.: Вы недовольны этим?

Л. М.: Я не знаю. Я не могу по-другому. Это идёт от того, что у других поэтов мне мешает обилие слов. Я не буду никого называть — не хочу обидеть. Ведь это очень субъективно. Кому-то нужны длинные строчки и большие формы.

И. К.: А кто вам близок из современных поэтов? Кто количеством слов не ранит?

Л. М.: Это даже не вопрос близости. Нравиться ведь могут стихи, совсем не похожие на собственные. Мне, например, нравится Гандлевский — не всё подряд, но очень многое. А при этом он мне не очень близок: он поэт иронично-жесткого склада. Но за этим много стоит. А из тех, кто пишет просто, мне очень нравится Лев Лосев. Меня, правда, разочаровала его последняя книга, где есть и стихи, и эссе — уж так там много постмодернистского стеба. Но как поэт он мне очень интересен. И как раз он не страдает лишними словами.<...>

И. К.: ...Но давайте вернёмся к вашему началу.

Л. М.: Когда я начала писать... как же это было? У меня всё время оставалось двенадцать стихотворений. Я писала-писала, писала-писала, потом смотрю — а у меня опять двенадцать стихотворений. И мама повела меня к Матусовскому, с которым, кажется, училась на одном курсе в Литинституте. Я показала ему эти свои двенадцать стихов, и он сказал, чтобы я обратилась к Лидии Либединской, которая тогда опекала молодых поэтов. Она отправила меня к Светлову. Помню, как он открыл мне дверь и сказал: «А, старая большевичка пришла...»

И. К.: Почему?

Л. М.: Наверное, потому, что я была очень молодая (смеётся — *И. К.*). Он сказал: «Ну садись, садись, у меня дом — полная чашка». В это время кто-то пришёл и принёс сосиски. Он почитал мои стихи и сказал: «Знаешь, самое главное, чтобы стихотворение было интересным». И, в общем, в этом есть какая-то правда.

И. К.: Что он имел в виду?

Л. М.: Я не знаю, я его не спрашивала. Я ведь жутко всего стеснялась, лишних вопросов не задавала — и пошла с пачкой своих стихов, о которых он сказал: вот это интересно, а это не интересно. Позже я начала ходить на литобъединение «Знамя строителей», которое вел Эдик Иодковский. Там я познакомилась и подружилась с Феликсом Розинером (в 1979 году он уехал в Штаты, умер несколько лет назад от тяжёлого заболевания, которое мучило его семь лет, но, болея, он продолжал писать — уди-

вительно стойкий был человек, у него есть замечательный роман «Некто Финкельмайер» о непризнанном поэте-гении – «непригене»). Долгие годы мне было очень важно его мнение. Это очень плохая черта, наверное, – крайняя неуверенность, низкая самооценка, когда тебе обязательно должны внушить всеми силами: да, это хорошо. Я больше верю тем, кто ругает, и это очень тяжело.

И. К.: Это до сих пор так?

Л. М.: До сих пор. Есть люди, которые являются для меня неким ГОСТом. Из всех людей на том литобъединении я выбрала человека с ироническим взглядом и замечательной улыбкой. Это был Феликс. Я подошла к нему и сказала: «А можно я приеду к вам и покажу вам свои стихи?» Он ответил: «Конечно, можно». Тогда я сказала: «А можно я приеду к вам с мужем?» «Ну приезжайте», – сказал он немного удивлённо. И вот целую неделю я писала, а по воскресеньям мы приезжали к нему.

И. К.: Он был вас старше?

Л. М.: Он был старше на три года, но казался гораздо взрослее. Он не нуждался так в моём одобрении, как я – в его.

И. К.: А вы много писали в то время?

Л. М.: Я много писала, но оставалось мало стихов. Я всё время выбрасывала. Если Феликс одобрял моё стихотворенье, я летела на крыльях – это был счастливый день. Мне больше ничего не было надо. Но потом... он так часто слышал мои стихи, так хорошо их знал, что привык ним. Я поняла, что он теряет к ним вкус. Про одно стихотворение я сама уже чувствовала, что оно хорошее. А Феликс сказал: «Ты повторяешься». И тут я поняла, что надо делать перерыв. Дружить мы продолжали, но он уже не был моей «конечной инстанцией». Долгое время ею был мой муж – но потом, сравнительно недавно, он тоже привык к моим стихам, что неудивительно: он же все мои книжки составляет. И ему стало казаться, что всё одно и то же, что я повторяюсь, а притворяться он не умеет. И я страшно расстраивалась, потому что только что написанное стихотворение и первая реакция на него – это всё очень остро. Я где-то читала, что Маяковский говорил: «Ругайте все мои стихи, кроме последнего». И мы с мужем решили из чистого человеколюбия, что я ему не буду сразу

показывать новые стихи, а только потом, когда отлежатся, когда посмотрят друзья. <...>

А где-то в 67-м объявили, что студия молодых литераторов открывается в ЦДЛ. Я хотела попасть в семинар к Давиду Самойлову, но к нему записалось слишком много народу, и я оказалась в семинаре Арсения Тарковского. Теперь я благодарна судьбе, что так получилось.

И. К.: Вы писали о Тарковском, о том, как он отреагировал на ваши стихи. Это было сильным потрясением?

Л. М.: Это было так. У нас на семинаре начались обсуждения. А он вообще очень мягкий был человек — обычно на литобъединениях сильно кусались. Откусить часть носа, вырвать что-нибудь с мясом... А у него совсем другая была тактика. Он обычно говорил: «Это очень далеко от меня». Дошла очередь до меня. Я почитала стихи, и мне показалось, что ему не очень понравилось. Но он попросил взять их домой. Когда я потом пришла к нему... Он был без протеза, открыл мне дверь, прыгая на одной ноге. Вы знаете, у меня тут даже слов не хватит, чтобы это описать. Он был в эйфорическом возбуждении. Он сказал: «Я как раз пишу вам письмо. Вы чудо и прелесть!» Поцеловал мне руку. «Только я сейчас допишу». Я сидела рядом, а он писал мне.

Это письмо опубликовано, потому что в своих воспоминаниях о Тарковском я не могла этого пропустить. Это было бы фальшью. Ну какая тут может быть скромность, если Тарковский подарил мне такое счастье! Я там объясняю даже, чтобы меня не обвинили в нескромности: поэт всё равно не может гордиться старыми достижениями. Это было в 1967 году — так, может, я с той поры уже ни на что не гожусь! Может, я вообще не знаю, буду ли я завтра писать стихи. Для меня это было судьбоносное событие. Может быть, я вообще не стала бы писать о Тарковском, если бы мне сказали: только не пиши о его письме.

Я не помню, как летела домой... Это то, чего сейчас так не хватает людям, — когда не только о себе, когда любят не себя в искусстве, а искусство в себе. Это точное определение. Ему была важна поэзия. Он обрадовался, что нашёл человека, которого считает поэтом. И вот он — старый человек, инвалид! — сначала пошел в «Юность», там читал мои стихи, отдал их

туда. Потом одиннадцать раз приезжал в издательство «Советский писатель», чтобы сдвинуть с мёртвой точки мою книгу, которая вышла только благодаря тому, что Тарковский не оставлял усилий. Причём он мне не рассказывал об этом. Я узнавала случайно. Тамара Жирмунская мне однажды сказала, что она видела, как шёл главный редактор — по-моему, Соловьёв, я могу ошибиться, — и Тарковский ждал его, чтобы обо мне поговорить, но тот спешил, и Тарковский шёл за ним, со своей палкой, хромая, и читал мои стихи ему наизусть. Представляете, чтоб человек так действовал? Это особое свойство, особая отзывчивость. Если она исчезнет, по-моему, культура просто умрёт. <...>

И. К.: Как вы чувствуете, поэзия Тарковского оказала на вас какое-то решающее влияние?

Л. М.: Очень важное влияние оказала его любовь к точным рифмам. Я с трудом воспринимаю стихи с неточной рифмой. Я не знаю узость это или нет, хорошо это или плохо, но это так. У меня должна быть полная слиянность, и я знаю, что для Тарковского это было так же важно.

И. К.: Интересно подумать, с чем это связано — психологически и космически, что ли. Сейчас мы видим разные формы рифм, и силлабо-тоника в современной поэзии расшатывается по-разному. Разные шумы времени...

Л. М.: Вмешиваются.

И. К.: Да, и с каких-то точек поэтам естественно это наблюдать. А вы, например, сами отмечали, что многим современникам кажется старомодной. С чем это связано? Есть творческое движение, а есть энтропия — рассеяние энергии. И поэты, которые работают сейчас, вынуждены учитывать это. Они оказываются в тех метафизических «точках», где степень энтропии уже велика. А для вас важна гармония. Может быть, вопреки этому.

Л. М.: Чем выше энтропия, тем сильнее у меня потребность в гармонии. Я настолько боюсь хаоса, я настолько его чувствую в мире, вокруг... Стихотворение — это, как лодочка, на которой я должна удержаться. Гармония стиха, даже при трагическом его содержании, сама является спасательным кругом.

И. К.: Лодочка формы.

Л. М.: Лодочка формы — это очень важно. Я как-то верю поэтической мысли, которая опирается на точную рифму. Это не значит, что я совсем не воспринимаю других стихов, но сама не могу иначе.

И. К.: Как вы чувствуете, где находится поэт в момент написания стихотворения?

Л. М.: Я всё время чувствую, что нахожусь на грани выпадения в космос. Самое сильное ощущение — бездны, которая буквально в двух шагах. Иногда это бывает до физиологического ощущения. Точно я иду по очень тонкому льду и могу рухнуть.

И. К.: Может быть, это отчасти объясняет вашу склонность к повторы? Очень часто у вас стихотворение начинается с повтора ключевого слова — как будто вы пробуете путь на ощупь.

Л. М.: Думаю, да, это связано. Всё это очень интересные вещи! Есть поэты фактурные — например, Татьяна Бек, которая мне очень нравится. У неё все названо своими именами — я могу только позавидовать этому. Шершавая плоть жизни — она её чувствует. У неё тактильная поэзия. Я бы-ла бы счастлива уйти в какую-то конкретность — и не могу. Я всё время остаюсь наедине с пространством. У меня даже есть такое стихотворение: «Я вас люблю, подробности, конкретные детали / Ведь вы меня с рождения, с младенчества питали...». Я объясняюсь им в любви, но тем не менее они меня покидают. Я нигде не могу спрятаться от ощущения бесконечности, времени. Поэтому моя поэзия почти за чертой бедности. В ней очень мало конкретных вещей, и это неслучайно.

И. К.: Я заметила, что в семидесятые годы у вас было много стихов о стихах — а позже они точно растворяются. Может быть, у меня ложное впечатление — или это так и есть? Почему именно в этот период для вас это было важно?

Л. М.: Позже тоже были, но меньше. Я вдруг услышала такую точку зрения: очень нескромно писать стихи о стихах — несколько человек мне сказали об этом. И я стала гасить их в себе.

И. К.: Может быть, это условная дихотомия, но о писателях говорят: или он создаёт свой язык, или он находится внутри языка, слова. Мне ка-

жется, что вы не ориентированы на «свой» язык (не в том смысле, что не своеобразны): я не встретила у вас ни одного неологизма, ни одной неправильности (которая тоже может быть продуктивной). Вы не чувствуете себя мастером, обустроивающим свою вселенную?

Л. М.: Я чувствую, что заброшена в эту вселенную, и все мы, как у Маая в лодке. Существует огромное пространство, в которое мы заброшены, и несущее нас время. Всё, что у меня в стихах, продиктовано этим. И у меня страстное желание во что-то спрятаться: «Под небесами так страшно слоняться, / Надо хоть как-то от них заслоняться». Я и в детстве не могла ни во что уткнуться. Я и тогда чувствовала, что жизнь очень легко может нарушиться. Например, страшно боялась за дедушку. Когда провожала его на трамвай, уходила не оглядываясь, потому что боялась, что, если буду смотреть, ему прищепит дверью ногу. Я вообще всю жизнь боюсь за близких.

Вот это ощущение неравновесной жизни преследовало меня всегда. И, может быть, это неприятная подробность, но скандалы, которые случались в нашей семье в моём детстве, совершенно выбивали меня из колеи. Я не могла себе представить, что наутро жизнь будет такая же, как прежде. Нет, радостей было много, но возможность нарушения гармонии пугала меня страшно. А потом ведь надо знать, что это было за время моего раннего детства. Жизнь в коммунальной квартире, с больными соседями — один туберкулезник, другая — дурочка, но это, конечно, не самое страшное. В детстве ведь многое воспринимается как норма. Всё равно детство — это самое счастливое время, потому что до десяти лет все хорошо, что бы ни было.

Мне иногда говорят: удивительно светлые стихи. А ведь там очень много мрака! Я думаю, ощущение света возникает только из-за формы — точных рифм, внутреннего звучания. <...>

И. К.: Есть такое расхожее представление: поэт с биографией — и без. Но что считать биографией? Самоубийство — страшное событие, которое бросает отсвет на всю предыдущую жизнь. А более позитивное — что? Ведь потрясение от какого-нибудь фильма, картины, раскрытой случайно книги — это ведь тоже события, которые могут оказаться судьбоносными.

Л. М.: Как раз незадолго до вашего прихода я говорила со своей подругой Юлией Покровской (она талантливый поэт и замечательный переводчик) о том, как не хватает тех потрясений от чтения, которые раньше у меня были в жизни. Внутренне я всё время нахожусь в режиме поиска. Почему-то потрясения были чаще от прозы. «Другие берега», «Дар» — когда мне дали их почитать, вы не представляете, что со мной творилось, я потеряла покой. Такого типа впечатления очень нужны. Не знаю, может, в определённом возрасте это уже не происходит, и я напрасно жду...

И. К.: А стихи?

Л. М.: В 1971 году у меня был «роман» с Заболоцким — я просто упивалась им. У Заболоцкого есть что-то пантеистическое — и его влюблённость в тайну природы, и его гиперболы — всё это соответствовало моей молодости. С Мандельштамом было сложнее: очень сильное впечатление, но растянутое на годы. Так же, как в случае с прозой Марины Цветаевой, именно прозой. У её поэзии совсем другой психологический склад, она взрывная, её насада иногда утомляет. Но, конечно, у неё есть стихи, без которых невозможно представить себе русскую поэзию. Было несколько современных поэтов: Владимир Соколов, чьи стихи я иногда вырезала из журналов; помню, как зачитывалась книгой Чухонцева «Слуховое окно». Помню сильное впечатление от сборника Кушнера «Канва» — избранное из семи книг (год 80-й). Было и немало других. И помню, как читала и перечитывала «Голос из хора» Синявского. Там поразительное чувство слова и такая густота и сжатость, какие бывают только в поэзии.

В более позднее время и с другой окраской — уже не было такой влюблённости, этого прекрасного бреда, как с Заболоцким, — в девяностые годы я увлеклась Георгием Ивановым. Я была в Швеции и попала в закрывающуюся русскую библиотеку, откуда можно было просто брать книги и уносить. Я выбрала книжечку Георгия Иванова. Я даже не сразу стала её читать. А когда открыла, то обалдела от невероятной простоты этой поэзии. Она голенькая. Ни оборочек, ни рюшек — стихи из ничего. И при этом так цепляют! Я читала и с каждым словом соглашалась — я хотела бы так писать о вечности, скоротечности, о самом существенном. Такое ощущение, будто он напрямую говорит с вечностью, и при этом дивная иро-

ния — не сухая и жёсткая, как у современных поэтов, а мягкая, лиричная. Колоссальная экзистенциальная тоска. Жизнь как дар и в то же время кара, которую надо выдержать. Я нашла в его поэзии то, чего мне так не хватало в других поэтах — разговор о том, как человек справляется с жизнью, как он чувствует себя перед лицом вечности.

А после Георгия Иванова я открыла для себя Ходасевича — и прозу его и стихи. И написала эссе, сопоставляющее Ходасевича и Тарковского. Это может показаться странным, но у них много пересечений на уровне лексики, только с разным знаком: там, где у одного минус, у другого плюс. Тарковский всё-таки поэт гармонии. Стихи у него рождаются тогда, когда уже побеждены тоска и боль. А мне хочется, чтобы меня пустили внутрь процесса, хочется видеть, как эта победа происходит. И у Георгия Иванова, и у Ходасевича я как бы присутствую внутри души, борющейся с этой стихией. Для меня сейчас это самое важное в стихах — и вообще в жизни. Жить практически невозможно — и одновременно всё-таки прекрасно. «Вторник, пятница, среда — жить-то надо, вот беда». Это, конечно, шутка, но ведь очень трудно справляться с жизнью, особенно не в бытовом плане, а чтобы как-то в ней осуществиться, почувствовать её полноту. Это очень трудно, почти неподъёмно. У этих двух поэтов я нашла свою ноту — тоски и приятия жизни. Тонкую-тонкую ниточку, которая соединяет душу с этим миром и может порваться в любой момент. Они пишут о том, как её защитить и как жить. <...>

И. К.: Наверное, каждый поэт думает об этом — может быть, не в самые счастливые периоды: что мешает писать, прорываться своему голосу?

Л. М.: Тут у меня такая теория есть: должна быть настойчивая необходимость писать, какая-то почти болезненная, физиологическая потребность. Если её нет, очень легко не состояться. Если человек находит себе занятие, которое отвлекает от писания... Жизнь же захлестнёт, она это сделает с лёгкостью. А потребность писать бывает очень тяжело вынести. На самом деле мы все настоящие графоманы! Графомания, зуд. Когда ты этого не делаешь, ты пропадаешь. Помню, что в молодости я была склонна к самым мрачным настроениям, когда проходило четыре дня, а я ничего не писала. Напишешь стихотворение, и становится легче. Это вовсе не

значит, что оно потом останется. Но мне это необходимо, чтобы чувствовать, что живу. И когда не пишу, я самый несчастный человек. Просто коврик у двери, о который ноги нужно вытирать. Ничего не стою. Только с таким чувством можно осуществить то, что ты хочешь.

И. К.: В другом статусе вы себя не ощущаете?

Л. М.: Вообще-то у меня есть другие занятия — я преподаю всю жизнь английский и с 80-го года женскую музыкальную гимнастику по системе Людмилы Алексеевой. И если английский — это работа, то гимнастика в какой-то период стала для меня страстью, сопоставимой с желанием писать стихи. Желание танцевать, двигаться — это с детства. Я так приставала к маме, что она повезла меня в 1946 году к Игорю Моисееву. Но я была такая рахитичная и худая, что он, постучав по моим коленкам, сказал: «Сначала подкормите этого ребёнка, а потом привозите ко мне». Тогда меня отдали в музыкальную школу, посчитав, что для моего развития этого достаточно. И так получилось, что первые двадцать девять лет жизни моя мечта танцевать так и оставалась мечтой. А в 1969 году я нашла то, что искала — уникальную алексеевскую гимнастику, которой предана до сих пор. Были периоды настоящей одержимости, когда я всё на свете бросала и мчалась на занятия. Когда начала преподавать, то вела занятия четыре раза в неделю по три часа. За годы преподавания я сочинила более полусотни собственных упражнений-этюдов.

И. К.: Для вас эти сферы как раздельные комнаты?

Л. М.: Вы знаете, один мой друг-поэт как-то сказал: «А у тебя в стихах видно, что ты двигаешься, потому что у тебя слово похоже на жест». Я думаю, что это действительно очень связанные вещи: «полёт» и «лёгкость» — из моих любимых слов. Я ценю полётность (а в танце это главное). Мне важно отрываться от земли. Когда я пишу, возникает странное чувство, что лечу. А когда долго не пишу, чувствую, что оседаю, тяжелею. «Что со мною? Я болею. /Я никак не одолею/ Ненавидимое мною /Притяжение земное». И это не метафора. Я думаю: почему многие поэты пьют? Вот, наверное, поэтому и пьют, что трудно переносить провалы между взлётами. Но и писать без конца тоже невозможно. Поэтому очень здорово, когда вдруг начинаешь писать прозу — ведь это процесс. А стихи — импульс: на-

писал — и кончилось. Прошёл день, и ты уже не знаешь, хорошее это стихотворение или нет или оно вообще последнее. А с прозой иначе.

И. К.: Поговорив с вами, я поняла, что всё-таки тема небесного и земного не однозначна у вас: мол, хочется быть там и не хочется здесь. Вы хотите не вырваться, а прожить — стоять, где вы есть. У вас есть стихотворение, начинающееся со слов «Мы ещё и не живём, и не начали...». Может быть, жизнь вообще — черновик. Не только зазор между там и тут, но и какое-то обещание другой жизни.

Л. М.: Именно так! Во-первых, очень часто себе противоречу в стихах — по моему, это естественное состояние человека. А во-вторых: не то чтобы вся жизнь — черновик, а всё время есть ощущение обещания. «На что надеюсь? На потом, на после, на другую пору...» Всё время кажется, что потом будет что-то ещё, что тебе пока не удалось. Почему мы идём вперёд? Самое тяжёлое чувство, которое у меня появилось с возрастом и от которого я не знаю, смогу ли избавиться: отсутствие будущего. Логически я понимаю, что сейчас у меня остаётся только сегодняшний день — в переносном смысле. И всё-таки я продолжаю надеяться на какое-то «потом», на особую полноту жизни, которой я ещё не испытала. Что-то я изжила, пережила — у меня нет уже такой возможности воспламениться, как раньше. А с другой стороны, есть чувство, что мне ещё предстоит что-то новое, что ещё можно начать с чистой страницы. Огромная потребность новизны — может быть, даже больше, чем раньше. Я хочу какого-то полного переворота. Мне этого очень не хватает — и в себе, и вовне, потому что это связанные вещи. Я устала от привычного, от обыденности. Мне хочется перейти на другой уровень чувств. Я боюсь умирания заранее. Я не могу жить, в режиме сплошного дежа вю. Очень хочу остаться живой до самой смерти. И всё время ищу, от чего бы загореться. Последним моим потрясением был фильм Бертолуччи «Пленённые», но с тех пор прошло уже два года, а ничего подобного больше не случилось. Что это — возраст или отсутствие таких вещей, ведь они редко бывают? Потребность в новизне и отсутствие будущего — вот узел, который я никак не могу развязать. Но надеюсь...

Книги Ларисы Миллер

1. *Безымянный день*. – М.: Советский писатель, 1977.
2. *Земля и дом*. – М.: Советский писатель, 1986.
3. *Поговорим о странностях любви*. – М.: Вестъ, 1991.
4. *Стихи и проза*. – М.: Терра, 1992.
5. *В ожидании Эдипа*. – М.: Авиатехинформ, 1993.
6. *Стихи и о стихах*. – М.: Глас, 1996.
7. *Заметки, записи, штрихи*. – М.: Глас, 1997.
8. *Сплошные праздники*. – М.: Глас, 1998.
9. *Между облаком и ямой*. – М.: HGS, 1999 (*Поэтическая библиотека*).
10. *Мотив. К себе, от себя*. – М.: Азграф, 2002 (*Символы времени*).
11. *Dim and Distant Days*. – Moscow: Glas, 2001 (*Автобиографическая проза в переводе на английский язык*).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- «...А ведьма косточки глодала...» 189
«А ветки сквозь осенний дым...» 99
«А вместо благодати – намёк на благодать...» 126
«А воды талые кругом...» 25
«А в этом лучшем из миров...» 479
«А где же мелос? Мелос где?...» 388
«А дальше будет день, а дальше...» 465
«А день имеет бледный вид...» 438
«А дождик, выившийся из сил...» 352
«А если говорить по существу...» 313
«А если праздник по душе...» 224
«А за последнюю строкой...» 159
«А за тьмою снова тьма...» 266
«А звук дрожит, дрожит, боится...» 409
«А” и “Б”, что на трубе...» 418
«А к вечеру того же дня...» 206
«А кругом туман густой...» 28
«А кстати... Впрочем, всё некстати...» 368
«А лес в шелку зелёном...» 278
«А лес весь светится насквозь...» 56
«А листьям падать и кружить...» 293
«А меж осин витает осень...» 21
«А между тем, а между тем...» 340
«А мне туда и не пробиться...» 174
«А на экране, на экране...» 214
«А на этой акварели...» 470
«А начинал он в до-мажоре...» 196

- «А по миру кружение...» 478
«А пока из этой жизни нас не выбили...» 350
«А после дождя, пролетевшего presto...» 344
«А птички всё летают...» 430
«А следом, следом шёл июль...» 325
«А там, где нет меня давно...» 108
«А ты в пути, а ты в бегах...» 288
«А у меня всего одна...» 22
«А у нас ни двора ни кола...» 19
«А чем здесь платят за постой...» 128
«А что в записке? Что в записке?...» 440
«А что там над нами в дали голубой?...» 384
«А я ещё живу, а я ещё дышу...» 265
«А я живу отсель досель...» 134
«А я мечтаю только об одном...» 329
«Адресую туда-то такому-то...» 181
«Ангел бедный, ангел мой...» 482
«Апрель. И сыро и серо...» 392
«Ах, всё о том же – как пою и плачу...» 34
«Ах, друг Аркадий, друг Аркадий...» 314
«Ах, жизнь, опять твои проделки...» 431
«Ах, куртуазный давний век!...» 225
«Ах, тонус, тонус, нужный тонус...» 383
«Ах, dolce vita, dolce vita...» 339

Б

- «Батарейка кончилась у меня в часах...» 362
«Батуми. Дикый виноград...» 158
«Без гнева и ярости, взрыва и взлома...» 210
«Без докуки к тебе, без корысти...» 28
«Без обложки, без первых страниц...» 149
«Безумец, что затеял?...» 229
«Безымянные дни. Безымянные годы...» 126
«Белый день за белым днём...» 334
«Белый день мой в чёрной рамке двух ночей...» 81
«Бесшумно листья умирали...» 195
«Благие вести у меня...» 170
«Блажен, кто посетил сей мир...» 287

«Близость фауны и флоры...» 246
«Боже мой, какое счастье!» 449
«Будто я Шехерезада...» 226
«Было всё, что быть могло...» 96

В

«В допотопные лета...» 8
«В машинном рёве тонет зов...» 338
«В Москве стоит сентябрь с ветрами...» 16
«В ночной тиши гуляет ветер...» 309
«В ночь из ночи прямиком...» 421
«В пору долгих и тёмных ночей...» 45
«В старой голубитне...» 36
«В тех юных строках её,
первых, начальных...» 415
«В тишине тону с головой...» 264
«В том царстве уснули на много веков...» 190
«В час небесного обвала...» 129
«В эпицентре тоски и страдания...» 265
«В этой области скорби и плача...» 312
«В ясный полдень и в полночь,
во тьме, наяву...» 89
«Вели меня и довели...» 346
«Ветер клонит дерева...» 83
«Взаимоотношения...» 457
«Взгляни на всё сквозь пальцы, сквозь...» 332
Взлётное 146
«Взорвать бы всё или взорваться...» 318
«Вновь играем в игры эти...» 320
«Во влажные кусты жасмина...» 371
«Во времена до нашей эры...» 34
«Во всех ситуациях — только слова...» 345
«Возвращаемся на круги своя...» 272
«Возникли трудности в связи...» 372
«Войти в картину и вращаться...» 291
«Вокруг да около — чего?...» 428
«Вот жили-были ты да я...» 188
«Вот и на этом пепелище...» 65
«Вот какая здесь кормёжка...» 163

«Вот он, омут моей души...» 44
«Вот условие задачи...» 197
«Время пишет бегущей строкой...» 315
«Время сбрендило, спатило,
тихо свихнулось...» 397
«Время с вечностью сверяте...» 348
«Время шло вперёд, назад...» 481
«Вроде живы, живы вроде...» 463
«Вроде просто — дважды два...» 459
«Все жили где-то и когда-то...» 346
«Все небожители в опале...» 215
«Все спасёмся как-нибудь...» 136
«Все эти времена лихие...» 364
«Все эти солнечные маки июньским
днём...» 70
«Всего лишь несколько недель...» 460
«Всех слов и строчек, всех “ляля”...» 322
«Всё бессмысленно и плохо...» 426
«Всё будет хорошо, как вы хотели...» 456
«Всё было до меня, и я не отвечаю...» 157
«Всё в воздухе висит...» 131
«Всё в мире есть — и пыльный тракт,
и стёжки...» 49
«Всё вполне выносимо, но
в общих чертах...» 392
«Всё в порядке вещей,
а верней, в беспорядке...» 358
«Всё говорю и говорю...» 463
«Всё дело в том, что дела нет...» 357
«Всё дорого нынче, а жизнь дешева...» 347
«Всё исчезнет — только дуть...» 82
«Всё как будто не фатально...» 148
«Всё как по нотам, как по нотам...» 167
«Всё как с гуся вода, всё как с гуся вода...» 472
«Всё лето шёл зелёный ливень...» 140
«Всё надоело, — говоришь...» 401
«Всё на земле безнадежно запутано...» 375
«Всё осадки да осадки...» 444
«Всё от лукавого, ей-ей...» 452
«Всё отодвинуть и всё миновать...» 316
«Всё переплывится. Всё переплывится...» 125
«Всё по порядку: до, ре, ми...» 359

«Всё поправимо, поправимо...» 72
 «Всё предстоит, лишь предстоит...» 54
 «Всё происходит наяву...» 152
 «Всё разрешится чистым ля...» 307
 «Всё рифмуется со всем...» 424
 «Всё серьёзно — каждый шаг,
 каждая улыбка...» 46
 «Всё скоро кончится — увы или ура...» 404
 «Всё способно умереть...» 437
 «Всё страньше жизнь моя и страньше...» 366
 «Всё так — готова побожиться...» 172
 «Всё угасает, чтоб вновь озариться...» 266
 «Всё уходит. Лишь усталость...» 80
 «Всё фантазии и бредни...» 66
 «Всё это движется, шуршит...» 311
 «Встань, Яшка, встань. Не умирай.
 Как можно!...» 162
 «Вся эта груда, громада, нелепица...» 237
 «Вторник, пятница, среда...» 450
 «Второе августа. Прекрасно...» 234
 «Вы в наличии имелись, мы имеемся...» 333
 «Высота берется с лёгку...» 258

Г

«Где же всё это — язвы, проказа?...» 454
 «Где ты тут, в пространстве белом?» 50
 «Где хорошо? Повсюду и нигде...» 399
 «Глагол, струись от счастья бытия...» 347
 «Говорим, говорим...» 182
 «Года друг друга неустанно...» 349
 «Голос ломок, слеза солоня...» 388
 «Гори же, осень, пламеней...» 178
 «Горячей галькой к морю выйду...» 19
 «Господи Боже мой, лёгким касанием...» 309
 «Господи, не дай мне жить,
 взирая вчуже...» 78
 «Господи, подай словечко...» 398
 «Господь посылает сырую погоду...» 417
 «Гуси-лебеди летят...» 111

Д

«Да будет душа терпеливой и короткой...» 130
 «Да будет лёгким слог...» 193
 «Да будет память справедливой...» 86
 «“Да” и “нет” не говорите никогда...» 402
 «Да разве можно мыслить плоско...» 279
 «Давай поедем по колыцу...» 186
 «Давайте в чёрный день подумаем
 о снеге...» 285
 «Давайте отменим вселенскую гонку...» 269
 «Дай, Боже мой, к Тебе припасть...» 454
 «Дай руку, Господи, дай руку...» 469
 «Двадцатый век идёт к концу...» 285
 «День голубой, голубей голубого...» 289
 «День потух, почти потух...» 424
 «День прошёл и был таков...» 482
 «Дети, дети, наши дети...» 41
 «Диаспора. Рассеянье...» 120
 «Для грусти нету оснований...» 38
 «Для печали есть резон...» 432
 «Дней ослепительные вспышки...» 302
 «Дней разноликих вьётся череда...» 54
 «Дни весенние горчат...» 169
 «Дни текли. Душа алкала...» 335
 «Дни тяжелы и неподъёмны...» 380
 «До чего красивый дятел!...» 303
 «До чего регламент жёсткий...» 238
 «Доводы, всё доводы...» 33
 «Дождь идёт да идёт...» 361
 «Дождь осенний моросил...» 236
 «Должно быть, под угрозой пытки...» 192
 «Дом — это Иверский или Казачий...» 154
 «Досадно, Господи, и больно...» 429

Е

«Если память жива, если память жива...» 330
 «Если что-то мне и светит...» 273
 «Есть удивительная брешь...» 194

- «Ещё и нет в черновиках...» 112
- «Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд...» 88
- «Ещё немного всё сместится...» 142
- «Ещё пролёт, ещё ступени...» 185
- «Ещё смиренней и скромней...» 212
- «Ещё холстов, холстов и красок...» 235

Ж

- «Жалко Ниневию. Господи, жалко...» 196
- «Ждали света, ждали лета...» 344
- «Желаю пуха и пера...» 218
- «Живём, а значит, длим попытку...» 343
- «Живём, а значит, умираем...» 403
- «Живём на волосок мы от всего на свете...» 64
- «Живём себе не ведаем...» 338
- «Живём, то бишь, спешим...» 393
- «Живи младенческое “вдруг”...» 150
- «Живи, покуда поглощён» 370
- «Жизнь до ужаса проста...» 97
- «Жизнь — загадка, тайна, пазл...» 447
- «Жизнь идёт, и лето длится...» 477
- «Жизнь — исчезновение...» 402
- «Жизнь легка, легка, легка...» 475
- «Жизнь моя — цветочный луг...» 102
- «Жизнь побалует немного...» 73
- «Жизнь почти истаяла, стала тоньше льдинки...» 392
- «Жизнь — тяжёлая обуза...» 442
- «Жили-были старик со старухой...» 299
- «Жить на земле, земли касаясь...» 407
- «Жить на свете — что может быть проще?...» 31
- «Жить не тяжело дурочке...» 119
- «Жить не умею и зову...» 474
- «Жить сладко и мучительно...» 241

З

- «За всё земное заглянуть...» 168
- «За концом, пределом, краем...» 109
- «Забьёт. Забьёт. Забьёт...» 138
- «Заварила целебную травку...» 124
- «Завершается всё полосой закатной...» 41
- Заклинание 103
- «Закрывать бы лавочку да вывеску убрать...» 310
- «Заметки, записи, штрихи...» 351
- «Заполним форму: год рождения...» 350
- «Засилье синевы и трав...» 82
- «Зачем сводить концы с концами?...» 202
- «Зачем-то сна себя лишаю...» 337
- «Звонят отсюда через ноль...» 412
- «Звук протяжен, точно провод...» 298
- «Здесь почва впитывает влагу...» 376
- «Земля да небо. Третий — лишний...» 195
- «Земля из-под ног уплывает. Бывает...» 343
- «Злые спутники сумеречной полосы...» 30

И

- «И в городе живя, оплакиваю город...» 275
- «И в чёрные годы блестяли снега...» 274
- «И вижу улицу родную...» 153
- «И вновь, как все века назад...» 51
- «И всё же он невыносим...» 396
- «И всё же уговор жестокий...» 67
- «И всё равно я буду помнить свет...» 57
- «И всякий день — всё та же спешка...» 32
- «И говорим о том о сём...» 26
- «И голуби взлетают из-под ног...» 410
- «И день и ночь, и день и ночь...» 73
- «И если этот путь продлится...» 214
- «И ещё виток, и ещё виток...» 280
- «И замысел тайный ещё не разгадан...» 183
- «И звал меня. И вёл. Но вдруг отнял руку...» 135

«И звучит средь вселенского хаоса...» 223
«И золотым дождём прольётся...» 349
«И каждый глядит со своей колокольни...» 210
«И как писать на злобу дня...» 233
«И как шар наш земной ни кругл...» 30
«И кто его выдумал — мостик шатучий...» 339
«И лист, покружившись, летит с паутины...» 217
«И лишь в последний день творенья...» 367
«И не ищи его ни в ком...» 182
«И не осмыслить в словесах» 204
«И ночью дождь, и на рассвете...» 52
«И останешься ты в дураках, в дураках...» 335
«И от начала далеко...» 86
«И плод, созревающий медленно, сладок...» 218
«И при впадении тьмы в рассвет...» 179
«И проступает одно сквозь другое...» 250
«И речи быть не может...» 276
«И снова мир угоден Богу...» 295
«И снова стала погорельцем...» 138
«И снова я заговорила...» 31
«И троп извилистых тесьма...» 224
«И ты попался на крючок...» 336
«И через влажный сад, сбивая дождь с ветвей...» 257
«И что за странный вздор...» 47
«И эта жизнь идёт к концу...» 228
«И это всё от Бога...» 445
«И этот дар, и это зло...» 143
«И я испытывала страх...» 62
«И я сгораю в том огне...» 326
«Идёт безумное кино...» 262
«Иди со мною. Vade tecum...» 455
«Иди сюда. Иди сюда...» 133
«Идти на убыль не пора...» 258
«Идут по свету дяди, тётки...» 376
«Из года в год играем пьесу...» 297
«Из дома выносили мебель...» 150
«Из пышного куста акации, сирени...» 271
«Измена, смута, изгнан, взят под стражу...» 58

«Интересно, что случится...» 422
«Исписан лист простой и нотный...» 338
«Иссякло время, и со временем ушло...» 391
«Итак, место действия — дом на земле...» 226
«Итак, не приходи в себя...» 441

К

«К юной деве Пан влеком...» 134
«Каждый шаг с трудом даётся...» 81
«Казалось бы, всё мечено...» 100
«Казалось мне, я песнь пою...» 113
«Как Бог на душу положит...» 369
«Как будто с кем-то разлучиться...» 185
«Как всё сложится, как обернётся...» 42
«— Как живёшь?...» 395
«Как жизнь? Идёт себе, идёт...» 406
«Как под яблоней неспелый...»
«Как поживаешь, первый снег?...» 480
«Как ручные, садятся на грудь...» 65
«Какие были виды...» 106
«Каков текучести итог?...» 422
«Какое странное желанье...» 114
«Какое там сражение...» 474
Картина Пиросмани 243
«Картина рисована примитивистом...» 247
«Картина та нерукотворна...» 203
«Кипень вся июльская, весь жасмин...» 336
«Кнотом и пряником. Кнотом...» 328
«Когда звучала сонатина...» 110
«Когда любовь перегорала...» 132
«Когда-нибудь и где-нибудь...» 441
«Когда отчётливы приметы...» 226
«Когда садилось солнце в пять...» 59
«Когда стину, Господи, когда стину...» 403
«Когда тону и падаю, не види дня другого...» 133
«Когда это было — вчера, не вчера...» 32
Кольбельная 462
«Коль за душой осталось что-то...» 434

«Коль поглядеть, когда рассвет...» 251
 «Коль связать два слова нечем...» 353
 «Концерт для ветра и берёз...» 244
 «Концы с концами я свожу...» 308
 «Короче говоря...» 248
 «Краткой осени момент...» 305
 «Кривоколенный, ты нетленный...» 324
 «Крутом зелёная завеса...» 232
 «Кто та, с малиновою грудкой...» 354
 «Куда бежать? Как быть? О Боже...» 144
 «Куда ни глянь — сплошные нети...» 423
 «Кукушкины слёзки, кукушкины
 слёзки...» 224
 «Купальщиков схлынул поток...» 26

Л

«Легко дышать на вешнем сквозняке...» 92
 «Легко, на цыпочках, шутя...» 242
 «Легко проделав путь обратный...» 238
 «Легко сказать, легко сказать,
 сказать легко...» 198
 «Летаем, Господи, летим...» 154
 «Лететь, без усталости скользить...» 87
 «Лето — чистый изумруд...» 478
 «Легучий слог, легчайшее перо...» 256
 «Лёгкой поступью, с лёгкой душой...» 217
 «Лист движением нежным...» 236
 «Лист изъеденный и ржавый...» 462
 «Ложатся дни, как чуждые слои...» 44
 «Люби без памяти о том...» 236
 «Люблю начало речи плавной...» 200
 «Люблю такой прекрасный бред...» 61
 «Любовь до гроба...» 164
 «Любовь — испытание. Счастье —
 мученье...» 307
 «Любовь — не прах. И жизнь — не прах...» 64

М

«Манна с неба, манна, манна...» 417
 «Мгновение. Ещё мгновенье...» 187
 «— Между нами, entre nous...» 444
 «Между облаком и ямой...» 170
 «Мелким шрифтом в восемь строк...» 261
 «Мелькают дивные места...» 374
 «Мемуары, флёр и дымка...» 284
 «Местоименье “я” имеет место быть...» 382
 «Миллион оранжевых штрихов...» 306
 «Мир в лазоревых заплатках...» 290
 «Мир ловил и поймал меня в сети...» 116
 «Мир мал и тесен — просто жить...» 413
 «Мир становится всё суше...» 432
 «Миру всякая смерть...» 301
 «Мне говорят и говорят...» 39
 «Мне земных деяний суть...» 122
 «Можно ль жить, ни о чём не жалея?...» 208
 «Мой белый день, гори, гори...» 194
 «Мой любимый рефрен: “Спль небес,
 спль небес”...» 259
 «Молчание — золото, золото, злато...» 201
 «Московское детство: Полянка,
 Ордынка...» 298
 «Моя любовь, моё проклятье...» 206
 «Муза. Оборотень. Чудо...» 69
 «Музыка, музыка, музыка, мука...» 363
 «Мы все как кур попали во щи...» 348
 «Мы ещё и не живём...» 292
 «Мы одержимы пеньем...» 260
 «Мы у вечности в гостях...» 184

Н

«На Беговой ли, на Садовой...» 24
 «На влажном берегу, на пенистой
 волне...» 267
 «На деревья дробится лес...» 192
 «На деревьях стая соек...» 401

«На заре и на закате...» 102
«На земле-то жить нельзя...» 377
«На излёте зимы, на излёте...» 390
«На крыше — мох и шишки...» 304
«На линии огня, огня...» 410
«На лист бумаги, как следу...» 17
«На небе — тишь, на небе — птица...» 336
«На Николойной Горе да на
Николкиной...» 332
«На планете беспредельной...» 115
«На поверхности воды...» 465
«На приполярном белом свете...» 11
«На рассвете, на закате...» 60
На смерть Максима Шебалина
Цикл стихов 356
 «Отчалила Харона лодка...» 356
 «И снова в этом мире Божьем...» 356
«На столе алеют розы...» 396
«На том стою, на том...» 361
«На хлеб и воду, хлеб и воду...» 204
«На чём всё держится? На честном...» 369
«На чём настаивает лето?...» 425
«На что надеюсь? На потом...» 471
«Наверно, на птичьих правах...» 120
«Наверно, нехитра наука...» 112
«Наверно, прекрасно за тою горою...» 45
«Наверно, так и будет длиться...» 151
«Над сараем белые голуби...» 16
«Надоел ты, человек, нету сил...» 317
«Надоели хмарь и хаос...» 326
«Наливаю в вазу воду...» 332
«Нам август, уходя, позолотил пильноло...» 256
«Нам выпало счастье, не так ли...» 245
«Нас годы предают...» 71
«Наступают сна несмышней...» 88
«Научи меня простому...» 107
«Нашёл себя? Ну, слава Богу...» 354
«Не больно тебе, неужели не больно...» 219
«Не бросай меня, не надо...» 476
«Не бывает горше мифа...» 270
«Не ведаю, как быть, и как не быть —
не знаю...» 304

«Не вмещаю, Господи, не вмещаю...» 373
«Не горечь, не восторг, не гнев...» 50
«Не держись, — сказали мне, — отпусти...» 311
«Не ждать ни переправы, ни улова...» 18
«Не живу, не умираю...» 374
«Не знаю кем, но я была ведома...» 166
«Не знаю. Не узнаю впрёд...» 84
«Не имей привычки жить...» 458
«Не мы, а воздух между нами...» 138
«Не надо истине рождаться...» 405
«Не пишется, не пишется...» 76
«Не плачь! Ведь это понарошу...» 365
«Не подводи черты...» 67
«Не проси у жизни смысла...» 319
«Не сплутни. Не сплутни.
Подходи осторожно...» 49
«Не стоит жить иль всё же стоит...» 390
«Не сыскать ни тех, ни этих...» 167
«Не увидеть своего наивысшего полёта...» 35
«Небо к земле прилегает не плотно...»
«Невесть чего мы ждали свыше...» 389
«Недолгого лета вершину венчая...» 313
«Нельзя ни проснуться, ни
в сон погрузиться...» 252
«Нельзя так серьёзно к себе
относиться...» 281
«Непознаваемая вечность...» 91
«Неслыханный случай.
Неслыханный случай...» 181
«Несовпадение, несовпадение...» 276
«Нет погоды давно...» 179
«Нету спроса на стихи...» 294
«Неужели Россия, и впрямь
подобрев...» 283
«Неужто этим дням, широким
и высоким...» 112
«Неуютное местечко...» 468
«Нечто дивное повисло...» 380
«Неясным замыслом токим...» 142
«Ни много времени, ни мало...» 370
«Ни пристаней и ни границ...» 20
«Ничего из того, что зовётся бронёй...» 60

«Ничего не выгорит...» 368
«Но в хаосе надо за что-то держаться...» 276
«Но выход рядом. Выход есть...» 434
«Но дали свет. И высветили всё...» 108
«Но душе нельзя без корма...» 256
«Но есть они — прагород, прарека...» 280
«Но только не спешి вторгаться...» 255
«Ну вот и мы внесли свои пожитки...» 48
«Ну вот и мы умудрены...» 40
«Ну, вырвись, попытайся, воспари...» 419
«Ну и как он в переводе...» 450
«Ну и так далее, далее, далее...» 414
«Ну чем не муза, чем не муза...» 426
«— Ну что ж, полетели...» 378
«Нынче проводы светлой минуты...» 448
«Нынче шлюты небеса столь рассеянный свет...» 421

О

«О Боже, всё звучит...» 140
«О, были б эти сны и бденья...» 110
«О, в душу ввешаяся норма...» 277
«О время, время-врачеватель...» 136
«О Господи, опять спешу
и обольщаюсь...» 266
«О душа твоя... Дым да завал...» 22
«О жизнь, под говор голубинный...» 92
«О, кто бы взылся, кто бы мог...» 9
«О мир, твои прекрасны штампы...» 349
«О, научи меня, Восток...» 161
«О нимфе этот древний миф...» 70
«О память — роскошь и мученье...» 220
«О пленительная эра...» 244
«О разнотравье, разноцветье...» 116
«О себе, о себе, о себе...» 435
«О том и об этом, но только без глянца...» 268
«О том, что было, не жалея...» 66
«О том, что пустынно и голо...» 473
«О юность, утренний озноб...» 330

«Обмелели все истоки...» 201
«Обобщаем, обобщаем...» 104
«Обрывки яви, снов обрывки...» 331
«Обыденность — рай и подарок, и чудо...» 282
«Одинокий лист безродный...» 483
«Однажды выйти из судьбы...» 180
«Одно смеётся над другим...» 203
«Оживление в больничке...» 329
«Окаянные дни, окаянные дни...» 285
«Он взял свою жизнь и куда-то унёс...» 400
«Он стоит лицом к стене...» 296
«Оно терзает и томит...» 288
«Опять жара. Какая нудь...» 395
«Опять минуты роковые...» 324
«Опять мы днём вчерашним бредим...» 55
«Опять неполная картина...» 443
«Опять утрата и урон...» 300
«Опять этот темп — злополучное
“presto”...» 164
Орфей 124
«Осенний ветер гонит лист и ствол
качает...» 144
«Осенний дождик льёт и льёт...» 63
«Осенний дух листвою шуршит...» 400
Осень 177
«Ослепительные дни...» 452
«Основа, твёрдая основа...» 358
«Осыпается жасмин, осыпается...» 358
«Осыпающийся сад...» 223
«От маеты, забот и хвори...» 15
«От привычного мне отдохнуть
бы обличья...» 27
«От разорённого уклада...» 184
«Открыта выставка. Апрель...» 290
«Откуда всхлип и слабый вздох?...» 418
«Откуда знать, важны ли нам...» 79
«Откуда ты?...» 342
«— Откуда ты родом...» 269
«Очень трудно быть живой...» 466

П

- «Пахнет мятой и душицей...» 253
«Пела горлица лесная...» 109
«Пели "Yesterday", пели на длинных волнах...» 387
«Пена дней, житейский мусор...» 320
«Пера прилежного касанье...» 200
«Первее первого, первее...» 259
«Перебрав столетий груды...» 242
«Пережди, говорят, пережди этот ливень...» 232
«Переживая бренность бытия...» 420
«Перемещённое лицо...» 408
«Переполнена чаша терпения...» 231
«Пёсик лает, козлик блеет...» 460
«Петух и скрипка, и букет...» 480
«Писал, не покладая рук...» 255
«Писать один пейзаж...» 296
«Письмо, послание, прошение...» 240
«Пиши поверх чужих письмён...» 402
«Пишу воспоминания. Тружусь...» 329
«Пишу — ни строчки на листе...» 123
«Пишу стихи, причём по-русски...» 322
«Пластинкой крутится земля...» 464
«Плохо дело, плохо дело...» 209
«Пльвут неведомо куда по небу облака...» 286
«По какому-то тайному плану...» 237
«Поблажки, сплошные поблажки...» 131
«Поверить бы. Икону...» 29
«Поверь, возможны варианты...» 414
«Погляди-ка, мой болезный...» 117
«— Поговорим о пустяках...» 430
«Поговорить начистоту...» 213
«Под каёмкой голубой...» 427
«Под небесами так страшно слоняться...» 466
«Подай мне реплику, трава...» 263
«Позови меня негромко...» 37
«Поиграй с нами, Господи...» 420
«Пойдём же под птичий неистовый гам...» 100
«Покину землю, так и не объяв...» 95
«Положено идти вперёд...» 391
«Полосой неудач, полосой неудач...» 21
«Получен счёт за телефон...» 345
«Поляна, речка, бережок...» 220
«Помоги мне уйти от запутанных троп...» 25
«Порою мнится, будто всё знакомо...» 68
«После бури ночной на суше...» 20
«Постой же, время, не теки...» 375
«Потом зашёлся соловей...» 221
«Почему не уходишь, когда отпускают на волю?...» 77
«Почти затоплена земля...» 46
«Пошادي чужие души...» 147
«Поющий циферблат. Крылатые часы...» 264
«Представь: осталось полчаса...» 255
«Предчувствуя близость последних минут...» 230
«Предъявите своих мертвецов...» 268
«Преходящему — вечности крылья...» 234
«Привести бы всё в систему...» 205
«Прикрепив крыло к плечу...» 405
«Прими на веру: свод небесный...» 199
«Приручи меня, жизнь, приручи, приручи...» 456
«Приснилось мне, едва уснула...» 198
«Приходит Верочка-Верушка...» 156
«Причитаешь и плачешь, и маешься. Что ж...» 163
«Прогорели все дрова...» 171
«Проживая в хате с краю...» 437
«Прозрачных множество полос...» 176
«Пройдёт и этот день, в небытие он канет...»
«Проникнуть в тайны бытия...» 52
«Пропахли дни сосной...» 174
«Проснулась... — где я? На земле, на ней...» 399
«Прости меня, что тает лёд...» 231
«Прости, о Господи, о Господи, прости...» 346
«Просто быть травой, межой...» 93
«Пустоте, черноте, уходящим годам...» 146

«Пусть манна Божия была...» 101
«Пью этот воздух натошак...» 222

Р

«Разыгралась непогода...» 382
«Расклевала горстку дней...» 90
«Раствориться в пейзаже...» 440
«Рожденные тайное стихов...» 221
«Роза, жасмин и шиповник, и роза...» 254
«Рисунки прежние стерев...» 178
«Ритенуто, ритенуто...» 176

С

«С землёй играют небеса» 404
«С тобою нянчатся с рожденья...» 272
«Сама себя я стерегу...» 80
«Светлые помыслы, светлые сны...» 273
«Себе клялась ещё приду...» 141
«Сегодня чёт, а завтра нечет...» 61
«Села на землю небесная птичка...» 445
«Сентябрьская ржа...» 20
«Серое небо над чёрной дырой...» 415
«Сил осталось — ноль...» 438
«Сию минуточку, сию...» 442
«Скажи мне: "Не спеши" ...» 253
«Сколько напора и силы, и страсти...» 260
«Сколько разных заморочек...» 476
«Скоро стает, скоро стает снег...» 10
«Скуднее ночь, светлей зазор...» 194
«Слишком много и крови и пота...» 300
«Слово — слеза, но без соли и влаги...» 241
«Смертный ужас и гибельный час...» 467
«Смертных можно ли страшать...» 227
«Смятение чувств и акцентов смещенье...» 252
«Снедаем чем? Терзаем чем?...» 379
«Снова август в крапинку...» 398

«Совершая путь извечный...» 302
«Совсем одни в большом и неуклюжем...» 13
«Сок со льдом, бананы, пицца...» 283
Сон 98
«Спасает историю от перегрузки...» 227
«Спасибо тебе, государство...» 284
«Спасут ли молитва и крестик нательный...» 134
«Сперва вступают небеса...» 180
«Спи — не спи, зажмурив глазки...» 157
«Спите с горем пополам...» 433
«Сплошная непогодь и хмарь...» 152
«Сплошная текучка, сплошная текучка...» 362
«Сплошные радости: кукушка...» 299
«Сплюю ногами к полю...» 270
«Сползает снег, как одеяло...» 13
«Среди деревьев белых-белых...» 160
«Среди сплошного дежа вю...» 439
«Средневековые картинки...» 428
«Срывание масок, сдирание бинтов...» 275
«Станет темною сонатной...» 125
«Старинный том и стул хромой...» 228
«Старухи, чёрные, как птицы...» 207
«Стояло лето, и стояли...» 363
«Стремится жизнь моя к нулю...» 340
«Строчка, сверкнувшая в тёмной ночи...» 365
«Ступни огромны, а головка...» 449
«Стынут стёкла телефонных будок...» 12
«Судьбу не надо умолять...» 334
«Сурова партия трубы...» 210
«Существует та черта, за которой нива Божья...» 59
«Сыграй, прошу, сыграй...» 170

Т

«Так будем легки на подъём...» 168
«Так и маемся на воле...» 327
«Так к чему же всё свелось?» 360
«Так память коротка...» 118

«Так пахнет лесом и травой...» 262
«Так тихо, будто снится...» 443
«Так хочется пожить без боли и без гнёта...» 281
«Так хрупок день — сосуд скудельный...» 95
«Такая началась метель...» 199
«Такая тишь и благодать среди берёз...» 35
«Такая тоска и такое веселье...» 209
«Такие сны бывают редко...» 222
«Такие творятся на свете дела...» 202
«Такое солнце в очи было...» 173
«Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть...» 84
«Творились дивные дела...» 107
«Творил Он без черновика...» 453
«Тебя опекает и этот листок...» 423
«Тебя целует ветер в темя...» 458
«Телячья нежности. Позор...» 239
«Тем временем, тем самым, тем...» 479
«Темна вода, темна вода...» 416
«Теплом опутана, как тинной...» 14
«Тёмный холст, а слева свет...» 244
«Тихонько дни перетасую...» 188
«Тишайший аквариум, дивное лето...» 473
«Тлело. Вспыхивало. Гасло...» 105
«То ли слёзы, то ли смех...» 42
«То мимолётна, то длинна...» 385
«То облава, то потрава...» 240
«Только дождями одними и сыты...» 294
«Только жалобную книгу, только жалобы...» 376
«Тоненькая женщина...» 43
«Тончайшим сделаны пером...» 175
«Торопиться — грех большой...» 247
«Тот живёт — обиду копит...» 186
«Тот мрак зовётся светом...» 468
«Точка, точка, запятая...» 172
«Точно вспышка — есть и нету...» 459
«Точно свет на маяке...» 74
«Туда. За той цветущей веткой...» 122
«Тусклый свет и робкий танец...» 36
«Тут ничем не помочь. Всё не так

и не то...» 136
«Ты где?...» 446
«Ты кто, смятенная душа...» 85
«— Ты куда? Не пойму, хоть убей...» 212
«Ты сброшен в пропасть — ты рождён...» 191
«Тьма никак не одолеет...» 310

У

«У всех свои Сокольники...» 9
«У тебя прошу прощенья...» 130
«Убить бы время, ну его...» 471
«Увы, опять упущен случай...» 352
«Увы, разния и неряха...» 183
«Увы, хлебаю, что дано...» 451
«Уйти легко, а вот остаться...» 317
«Улетать и опадать...» 406
«Умирал, как дело делал, умирал...» 355
«Устаревшее — “сквозь слёз”...» 323
«Ура, каникулы у нас!» 461
Урок английского 386
«Утоли моя печали...» 292
«Уюта нет. Живи и помни...» 190

Х

«Хлестал он по спине, по спине...» 384
«Хорошее уйма, хорошее сплошь...» 189
«Хорошо быть беглой гласной...» 312
«Хорошо покатались на шарике этом...» 394
«Хоть бы памятку дали какую-то, что ли...» 409
«Хоть кол на голове теши...» 149
«Хоть рождён в иные лета...» 91
«Хоть трудны пути земные...» 98
«Храни молчание. Хранить...» 354
«Хрустит ледком река лесная...» 14

Ц

- «Цвет жёлтый — это цвет измены...» 364
- «Цветные мелочи, ура!» 316
- «Цветы и капельки росы...» 328
- «Цветы на окнах и в руках...» 235
- «Церемония ранних часов...» 238

Ч

- «Час от часу не легче...» 425
- «Чем всё кончится? Чем? Листопадом?..» 233
- «Чем кончится век золотой? Чернотой...» 464
- «Чем кончится вся эпопея?..» 196
- «Чем кончить и с чего начать...» 94
- «Чем оказался Божий дар?..» 378
- «Чередуя чёт и нечет...» 15
- «Чёрный клавиш. Ночная тоска...» 261
- «Что делать?..» 431
- «Что держит на плаву — бог весть...» 360
- «Что до меня тебе за дело...» 29
- «Что же это? Боже, Боже...» 472
- «Что ж. Пой и радуйся дарам...» 78
- «Что за жизнь у человечка...» 165
- «Что кроме странствия, что кроме...» 362
- «Что мир без междометий...» 230
- «Что невозможно повторить...» 137
- «Что плакать ночи напролёт?..» 74
- «Что с городом моим, что с ним...» 394
- «Что скрывалось за тайным О. К.?..» 216
- «Что с того, что всё уж было...» 76
- «Что там — пир ли, затишь ли, плач по кому...» 23
- «Чья-то руки взметнулись над стылой водой...» 193

Ш

- «Шаг влево, шаг вправо — и будет пифпаф...» 419
- «Шито белыми нитками наше житьё...» 121
- «Шуршат осенние дожди...» 278

Э

- «Экспонат расклеился...» 145
- «Электронная начинка...» 446
- Эпитафия на смерть минуты 372
- «Эти поиски ключей...» 306
- «Этих дней белоснежная кша...» 132
- «Это всё до времени...» 242
- «Это всё твоё. Берн...» 246
- «Это надо раздуть. Это надо раздуть...» 215
- «Это — область чудес...» 282
- «Это только первый свет...» 274
- «Этот вечный вальсок...» 477
- «Этот лезет на рожон...» 288
- «Этот сладостный недуг...» 139

Я

- «Я вас лоблю, подробности, конкретные детали...» 263
- «Я в детстве жаждала чудес...» 27
- «Я верю: всё предreshено...» 18
- «Я верю в чудо, верю в чудо...» 211
- «Я в новый день вступаю не спеша...» 23
- «Я встретила погибшего отца...» 190
- «Я вхожу в это озеро, воды колыша...» 68
- «Я гуляю по росе...» 254
- «Я дарёному коню...» 314
- «Я живу в нигде...» 435
- «Я знаю лицо и изнанку...» 75
- «Я знаю тихий небосклон...» 12

- «Январский сумрак затяжной...» 17
«Я не знаю пути до небесного рая...» 62
«Я не иду сегодня на уловки...» 24
«Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь...» 219
«Я не хочу вас затруднять...» 321
«Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?...» 387
«Я прячусь в сонную подушку...» 10
«Я себя едва ли знаю...» 72
«Я хочу ходить по струнке...» 82

С

- «C'est dommage, dommage, dommage...» 436

L

- «"La vie", – поёт Эдит Пиаф...» 381

М

- «"Made in Russia", in Russia,
в России одной...» 397

Р

- Present Continuous. *Цикл стихов* 467
«Продлись же, вечное "сейчас"...» 467
«Проживаем с рассвета до темени...» 468

Т

- «"Tombe la neige", – хрипловато
поёт баритон...» 353

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

БЕЗЫМЯННЫЙ ДЕНЬ (1963—1976)

«В допотопные лета...» 8

1963

«О, кто бы взялся, кто бы мог...» 9

«У всех свои Сокольники...» 9

1964

«Скоро стает, скоро стает снег...» 10

«Я прячусь в сонную подушку...» 10

«На приполярном белом свете...» 11

1965

«Я знаю тихий небосклон...» 12

«Стынут стёкла телефонных будок...» 12

«Сползает снег, как одеяло...» 13

«Совсем одни в большом и неукложем...» 13

«Хрустит ледком река лесная...» 14

«Теплом опутана, как тиной...» 14

«От маеты, забот и хвори...» 15

«Чередуя чёт и нечет...» 15

«В Москве стоит сентябрь с ветрами...» 16

«Над сараем белые голуби...» 16

1966

«На лист бумаги, как следы на снег...» 17

«Январский сумрак затяжной...» 17

«Я верю: всё предreshено...» 18

«Не ждать ни переправы, ни улова...» 18

«А у нас ни двора ни кола...» 19

«Горячей галькой к морю выйду...» 19

«После бури ночной на суше...» 20

«Ни пристаней и ни границ...» 20

«Сентябрьская ржа...» 20

«Полосой неудач, полосой неудач...» 21

«А меж осин витает осень...» 21

«О душа твоя... Дым да завал...» 22

1967

«А у меня всего одна...» 22

«Что там — пир ли, затишье ли,
плач по кому...» 23

«Я в новый день вступаю не спеша...» 23

«На Беговой ли, на Садовой...» 24

«Я не иду сегодня на уловки...» 24

«Помоги мне уйти от запутанных троп...» 25

«А воды талые кругом...» 25

«Купальщиков схлынул поток...» 26

«И говорим о том о сём...» 26

«Я в детстве жаждала чудес...» 27

«От привычного мне
отдохнуть бы обличья...» 27

«Без докуки к тебе, без корысти...» 28

«А кругом туман густой...» 28

«Что до меня тебе за дело...» 29

«Поверить бы. Икону...» 29

1968

«Злые спутники сумеречной полосы...» 30

«И как шар наш земной ни крути...» 30

«Пройдёт и этот день, в небытие
он канет...» 30

«И снова я заговорила...» 31

1969

«Жить на свете —
что может быть проще?...» 31

«И всякий день — всё та же спешка...» 32

«Когда это было — вчера, не вчера...» 32

«Доводы, всё доводы...» 33

«Во времена до нашей эры...» 34

«Ах, всё о том же — как пою и плачу...» 34

«Такая тишь и благодать среди берёз...» 35

«Не увидит своего наивысшего полёта...» 35

«В старой голубятне...» 36

«Тусклый свет и робкий танец...» 36

«Позови меня негромко...»	37
«Для грусти нету оснований...»	38

1970

«Мне говорят и говорят...»	39
«Ну вот и мы умудрены...»	40
«Дети, дети, наши дети...»	41
«Завершается всё полосой закатной...»	41
«То ли слёзы, то ли смех...»	42
«Как всё сложится, как обернётся...»	42
«Тоненькая женщина...»	43
«Ложатся дни, как чуждые слои...»	44
«Вот он, омут моей души...»	44
«В пору долгих и тёмных ночей...»	45
«Наверно, прекрасно за тою горою...»	45
«Всё серьёзно — каждый шаг, каждая улыбка...»	45

1971

«Почти затоплена земля...»	46
«И что за странный вздор...»	47
«Ну вот и мы внесли свои пожитки...»	48
«Не спутни. Не спутни. Подходи осторожно...»	49
«Всё в мире есть — и пыльный тракт, и стёжки...»	49
«Где ты тут, в пространстве белом?»	50
«Не горечь, не восторг, не гнев...»	50
«И вновь, как все века назад...»	51
«Проникнуть в тайны бытия...»	52
«И ночью дождь, и на рассвете...»	52
«Всё предстоит, лишь предстоит...»	54
«Дней разнolikих вьётся череда...»	54
«Опять мы днём вчерашним бредим...»	55
«А лес весь светится насквозь...»	56
«И всё равно я буду поминать свет...»	57
«Измена, смута, изгнан, взят под стражу...»	58
«Существует та черта, за которой нива Божья...»	59
«Когда садилось солнце в пять...»	59
«Ничего из того, что зовётся броней...»	60

«На рассвете, на закате...»	60
«Сегодня чёт, а завтра нечет...»	61
«Люблю такой прекрасный бред...»	61
«Я не знаю пути до небесного рая...»	62
«И я испытывала страх...»	62
«Осенний дождик льёт и льёт...»	63
«Живём на волосок мы от всего на свете...»	64
«Любовь — не прах. И жизнь — не прах...»	64
«Как ручные, садятся на грудь...»	65
«Вот и на этом пепелище...»	65
«Всё фантазии и бредни...»	66
«О том, что было, не жалею...»	66
«И всё же уговор жестокий...»	67
«Не подводи черты...»	67
«Я вхожу в это озеро, воды колыша...»	68

1972

«Порою мнится, будто всё знакомо...»	68
«Муза. Оборотень. Чудо...»	69
«О нимфе этот древний миф...»	70
«Все эти солнечные маки июньским днём...»	70
«Нас годы предают...»	71
«Я себя едва ли знаю...»	72
«Всё поправимо, поправимо...»	72
«Жизнь побалует немного...»	73
«И день и ночь, и день и ночь...»	73
«Что плакать ночи напролёт?..»	74
«Точно свет на маяке...»	75
«Я знаю лицо и изнанку...»	75
«Не пишется, не пишется...»	76
«Что с того, что всё уж было...»	76
«Почему не уходишь, когда отпускают на волю?..»	77
«Что ж. Пой и радуйся дарам...»	78

1973

«Господи, не дай мне жить, взирая вчуже...»	78
«Откуда знать, важны ли нам...»	79

«Сама себя я стерегу...»	80
«Всё уходит. Лишь усталость...»	80
«Белый день мой в чёрной рамке двух ночей...»	81
«Каждый шаг с трудом даётся...»	81
«Я хочу ходить по струнке...»	82
«Всё исчезнет — только дунь...»	82
«Засилье синевы и трав...»	82
«Ветер клонит дерева...»	83
«Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть...»	84
«Не знаю. Не узнаю впредь...»	84
«Ты кто, смятенная душа...»	85
«И от начала далеко...»	86
«Да будет память справедливой...»	86
«Лететь, без усталости скользить...»	87
«Наступают сна неслышной...»	88
1974	
«Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд...»	88
«В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву...»	89
«Расклевала горстку дней...»	90
«Непознаваемая вечность...»	91
«Хоть рождён в иные лета...»	91
«О жизнь, под говор голубиный...»	92
«Легко дышать на вешнем сквозняке...»	92
«Просто быть травой, межой...»	93
«Чем кончить и с чего начать...»	94
«Так хрупок день — сосуд скудельный...»	95
«Покину землю, так и не объяв...»	95
«Было всё, что быть могло...»	96
«Жизнь до ужаса проста...»	97
Сон	98
«Хоть трудны пути земные...»	98
«А ветки сквозь осенний дым...»	99
1975	
«Казалось бы, всё мечено...»	100
«Пойдём же под птичий нейстовый гам...»	100
«Пусть магна Божия была...»	101

«Жизнь моя — цветочный дуг...»	102
«На заре и на закате...»	102
Заклиание	103
«Обобщаем, обобщаем...»	104
«Тлело. Вспыхивало. Гасло...»	105
«Какие были виды	106
«Научи меня простому...»	107
«Творились дивные дела...»	107
«А там, где нет меня давно...»	108
«Но дали свет. И высветили всё...»	108
«Пела горлица лесная...»	109
«За концом, пределом, краем...»	109
«О, были б эти сны и бденья...»	110
«Когда звучала сонатина...»	110
«Гуси-лебеди летят...»	111
«Неужто этим дням, широким и высоким...»	112
«Ещё и нет в черновиках...»	112
«Наверно, нехитра наука...»	112
«Казалось мне, я песнь пою...»	113
«Какое странное желанье...»	114
«На планете беспредельной...»	115
«Мир ловил и поймал меня в сети...»	116
«О разнотравье, разноцветье...»	116
1976	
«Погляди-ка, мой болезный...»	117
«Так память коротка...»	118
«Жить не тяжко дурочке...»	119
«Наверно, на птичьих правах...»	120
«Диаспора. Рассеянье...»	120
«Шито бельми нитками наше житьё...»	121
«Мне земных деяний суть...»	122
«Туда. За той цветущей веткой...»	122
«Пишу — ни строчки на листе...»	123
«Заварила целебную травку...»	124
Орфей	124
«Всё переплавится. Всё переплавится...»	125
«Станет темою сонатной...»	125
«А вместо благодати — намёк на благодать...»	126
«Безмянные дни. Безмянные годы...»	126

ЗЕМЛЯ И ДОМ (1977—1985)

«А чем здесь платят за построй...» 128

1977

«В час небесного обвала...» 129

«У тебя прошу прощенья...» 130

«Да будет душа терпеливой
и короткой...» 130

«Поблажки, сплошные поблажки...» 131

«Всё в воздухе висит...» 131

«Этих дней белоснежная кипа...» 132

«Когда любовь перегорала...» 132

«Иди сюда. Иди сюда...» 133

«Когда тону и падаю,
не вижу дня другого...» 133

«А я живу отсель досель...» 134

«Спасут ли молитва
и крестик натальный...» 134

«К юной деве Пан влеком...» 134

«И звал меня. И вёл. Но вдрут
он отнял руку...» 135

«О время, время-врачеватель...» 136

«Тут ничем не помочь. Всё не так
и не то...» 136

«Все спасёмся как-нибудь...» 136

«Что невозможно повторить...» 137

«Забить. Забить. Забить...» 138

«И снова стала погорельцем...» 138

«Не мы, а воздух между нами...» 138

«Этот сладостный недуг...» 139

«О Боже, всё звучит. Всё
требует огласки...» 140

«Всё лето шёл зелёный ливень...» 140

«Себе клялся: ещё приду...» 141

«Ещё немного всё сместится...» 142

1978

«Неясным замыслом томим...» 142

«И этот дар, и это зло...» 143

«Куда бежать? Как быть? О Боже...» 144

«Осенний ветер гонит лист

и ствол качает...» 144

«Экспонат расклеился...» 145

«Пустоте, черноте, уходящим годам...» 146

Взлетное 146

«Пощади чужие души...» 147

«Без обложки, без первых страниц...» 148

«Всё как будто не фатально...» 148

1979

«Хоть кол на голове теши...» 149

«Из дома выносили мебель...» 150

«Живи младенческое “вдрут”...» 150

«Наверно, так и будет длиться...» 151

«Сплошная непогодь и хмарь...» 152

«Всё происходит наяву...» 152

«И вижу улику родную...» 153

«Летаем, Господи, летим...» 154

«Дом — это Иверский или Казачий...» 154

«Приходит Верочка-Верушка...» 156

«Спи — не спи, зажмури глазки...» 157

«Всё было до меня, и я не отвечаю...» 157

«Батуми. Дикий виноград...» 158

«А за последнею строкой...» 159

«Среди деревьев белых-белых...» 160

«О, научи меня. Восток...» 161

«Встань, Яшка, встань. Не умирай.

Как можно!...» 162

«Вот какая здесь кормёжка...» 163

«Причитаешь и плачешь,

и маешься. Что ж...» 163

«Опять этот темп —

злополучное “presto”...» 164

1980

«Любовь до гроба...» 164

«Что за жизнь у человека...» 165

«Не знаю кем, но я была ведома...» 166

«Всё как по нотам, как по нотам...» 167

«Не сыскать ни тех, ни этих...» 167

«Так будем легки на подъём...» 168

«За всё земное заглянуть...» 168

«Дни весенние горчат...» 169

«Сыграй, прошу, сыграй...»	170
«Между облаком и ямой...»	170
«Благие вести у меня...»	170
«Прогорели все дрова...»	171
«Всё так — готова побойться...»	172
«Точка, точка, запятая...»	172
«Такое солнце в очи било...»	173
«Пропахли дни сосной...»	174
«А мне туда и не пробиться...»	174
«Тончайшим сделаны пером...»	175
«Ритенуто, ритенуто...»	176
«Прозрачных множество полос...»	176
Осень	177
«Рисунки прежние стерев...»	178
«Гори же, осень, пламенной!...»	178
«Нет погоды давно...»	179
«И при впадении тьмы в рассвет...»	179
«Сперва вступают небеса...»	180
«Однажды выйти из судьбы...»	180
«Неслыханный случай. Неслыханный случай...»	181

1981

«Адресую туда-то такому-то...»	181
«И не ищи его ни в ком...»	182
«Говорим, говорим...»	182
«И замысел тайный ещё не разгадан...»	183
«Увы, разиня и перяха...»	183
«От разорённого уклада...»	184
«Мы у вечности в гостях...»	184
«Как будто с кем-то различиться...»	185
«Ещё пролёт, ещё ступени...»	185
«Тот живёт — обиду копит...»	186
«Давай поедем по кольцу...»	186
«Мгновение. Ещё мгновение...»	187
«Вот жили-были ты да я...»	188
«Тихонько дни перетасую...»	188
«...А ведьма косточки глодала...»	189
«Хорошее уйма, хорошее сплошь...»	189
«Я встретила погибшего отца...»	190
«Уюта нет. Живи и помни...»	190
«В том царстве уснули на много веков...»	190

«Ты сброшен в пропасть — ты рождён...»	191
«Должно быть, под угрозой пытки...»	192
«На дерева дробится лес...»	192
«Чьи-то руки взметнулись над стылой водой...»	193
«Да будет лёгким слог...»	193
«Мой белый день, гори, гори...»	194
«Скуднее ночь, светлей зазор...»	194
«Есть удивительная брешь...»	194
«Бесшумно листья умирали...»	195
«Земля да небо. Третий — лишний...»	195
«А начинал он в до-мажоре...»	196
«Чем кончится вся эпопея?...»	196
«Жалко Ниневию. Господи, жалко...»	197
«Вот условие задачи...»	197
«Приснилось мне, едва уснула...»	198
«Легко сказать, легко сказать, сказать легко...»	198
«Такая началась метель...»	199
«Прими на веру: свод небесный...»	199
«Пера прилежного касанье...»	200
«Люблю начало речи плавной...»	200
«Обмелели все истоки...»	201
«Молчание — золото, золото, злато...»	201
«Зачем сводить концы с концами?...»	202
«Такие творятся на свете дела...»	202
«Одно смеётся над другим...»	203
«Картина та нерукотворна...»	203
«На хлеб и воду, хлеб и воду...»	204

1982

«И не осмыслить в словесах...»	204
«Привести бы всё в систему...»	205
«Моя любовь, моё проклятье...»	206
«А к вечеру того же дня...»	206
«Старухи, чёрные, как птицы...»	207
«Можно ль жить, ни о чём не жалея?...»	208
«Такая тоска и такое веселье...»	209
«Плохо дело, плохо дело...»	209
«Без гнева и ярости, взрыва и взлома...»	210
«И каждый глядит	

со своей колокольни...»	210
«Сурова партия трубы...»	210
«Я верю в чудо, верю в чудо...»	211
«— Ты куда? Не пойму, хоть убей...»	212
«Ещё смиренней и скромней...»	212
«Поговорить начистоту...»	213
«А на экране, на экране...»	214
«И если этот путь продлится...»	214
«Все небожители в опале...»	215
«Это надо раздуть. Это надо раздуть...»	215
«Что скрывалось за тайным О. К.?..»	216
«И лист, покружившись, летит с паутины...»	217
«Лёгкой поступью, с лёгкой душой...»	217

1983

«Желаю пуха и пера...»	218
«И плод, созревающий медленно, сладок...»	218
«Не больно тебе, неужли не больно...»	219
«Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь...»	219
«О память — роскошь и мученье...»	220
«Поляна, речка, бережок...»	220
«Рожденье тайное стихов...»	221
«...Потом зашёл соловей...»	221
«Такие сны бывают редко...»	222
«Пью этот воздух пнащак...»	222
«Осыпавшийся сад...»	223
«И звучит средь вселенского хаоса...»	223
«А если праздник по душе...»	224
«Кукушкины слёзки, кукушкины слёзки...»	224
«И троп извилистых тесьма...»	224
«Ах, кургузный давний век!..»	225
«Будто я Шехерезада...»	226
«Когда отчётливы приметы...»	226
«Итак, место действия — дом на земле...»	226

1984

«Смертных можно ли страшать...»	227
«Спасает историю от перегрузки...»	227
«И эта жизнь идёт к концу...»	228
«Старинный том и стул хромой...»	228
«Безумец, что затеял?!»	229
«Предчувствуя близость последних минут...»	230
«Что мир без междометий...»	230
«Переполнена чаша терпения...»	231
«Прости меня, что тает лёд...»	231
«Пережди, говорят, пережди этот ливень...»	232
«Крутом зелёная завеса...»	232
«И как писать на злобу дня...»	233
«Чем всё кончится? Чем? Листопадом?..»	233
«Второе августа. Прекрасно...»	234
«Преходящему — вечности крылья...»	234
«Цветы на окнах и в руках...»	235
«Ещё холстов, холстов и красок...»	235
«Лист движением нежным...»	236
«Дождь осенний моросил...»	236
«Люби без памяти о том...»	236

1985

«По какому-то тайному плану...»	237
«Вся эта гряда, громада, нелепица...»	237
«До чего регламент жёсткий...»	238
«Церемония ранних часов...»	238
«Легко проделав путь обратный...»	238
«Телячьи нежности. Позор...»	239
«Письмо, послание, прошение...»	240
«То облава, то потрава...»	240
«Жить сладко и мучительно...»	241
«Слово — слеза, но без соли и влаги...»	241
«Перебрав столетий гряду...»	242
«Это всё до времени...»	242
«Легко, на цыпочках, шутя...»	242
«Картина Пиромсани...»	243
«Небо к земле прилегает не плотно...»	243
«Концерт для ветра и берёз...»	244

«Тёмный холст, а слева свет...»	244
«О пленительная эра...»	244
«Нам выпало счастье, не так ли...»	245
«Близость фауны и флоры...»	246
«Это всё твоё. Бери...»	246
«Торопиться — грех большой...»	247
«Картина рисована примитивистом...»	247
«Короче говоря...»	248

А МЕЖДУ ТЕМ (1986—1994)

«И проступает одно сквозь другое...» ... 250

1986

«Коль поглядеть, когда рассвет...»	251
«Смятение чувств и акцентов смещение...»	252
«Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться...»	252
«Скажи мне: "Не спеш!"...»	253
«Пахнет мятой и душицей...»	253
«Роза, жасмин и шиповник, и роза...»	254
«Я гуляю по росе...»	254
«Но только не спешу вторгаться...»	255
«Представь: осталось полчаса...»	255
«Писал, не покладая рук...»	255
«Нам август, уходи, позолотил шишюлю...»	256
«Летучий слог, легчайшее перо...»	256
«Но душе нельзя без корма...»	256
«И через влажный сад, сбивая дождь с ветвей...»	257
«Высота берется с лёту...»	258

1987

«Идти на убыль не пора...»	258
«Первое первого, первое...»	259
«Мой любимый рефрен: "Синь небес, синь небес"...»	259
«Сколько напора и силы, и страсти...»	260

«Мы одержимы пеньем...»	260
«Чёрный клавиш. Ночная тоска...»	261
«Мелким шрифтом в восемь строк...»	261
«Так пахнет лесом и травой...»	262
«Идёт безумное кино...»	262
«Я вас люблю, подробности, конкретные детали...»	263
«Подай мне реплику, трава...»	263
«Поющий циферблат. Крылатые часы...»	264
«В тишине тону с головкой...»	264
«А я ещё живу, а я ещё дышу...»	265

1988

«В эпицентре тоски и страдания...»	265
«А за тьмою снова тьма...»	266
«Всё угасает, чтоб вновь озариться...»	266
«О Господи, опять спешу и обольщаюсь...»	266
«На влажном берегу, на пенистой волне...»	267
«Предъявите своих мертвецов...»	268
«О том и об этом, но только без глянца...»	268
«Давайте отменим вселенскую гонку...»	269
«— Откуда ты родом...»	269
«Сильно ногами к полю...»	270
«Не бывает горше мифа...»	270

1989

«Из пышного куста акации, сирени...»	271
«Возвращаемся на круги своя...»	272
«С тобою нянчатся с рожденья...»	272
«Если что-то мне и светит...»	273
«Светлые помыслы, светлые сны...»	273
«Это только первый свет...»	274
«И в чёрные годы блестяли снега...»	274
«Срывание масок, сдиранье бинтов...»	275
«И в городе живя, олакиваю город...»	275
«Но в хаосе надо за что-то держаться...»	276
«И речи быть не может...»	276

«Несовпадение, несовпадение...»	276
«О, в душу вьевшаяся норма...»	277
«Шуршат осенние дожди...»	278
«А лес в шелку зелёном...»	278
«Да разве можно мыслить плоско...»	279

1990

«Но есть они – прагрод, прарека...»	280
«И ещё виток, и ещё виток...»	280
«Так хочется пожить без боли и без гнёта...»	281
«Нельзя так серьёзно к себе относиться...»	281
«Обыденность – рай и подарок, и чудо...»	282
«Это – область чудес...»	282
«Сок со льдом, бананы, пицца...»	283
«Неужели Россия, и virkelig подобрев...»	283
«Спасибо тебе, государство...»	284
«Мемуары, флёр и дымка...»	284
«Окаянные дни, окаянные дни...»	285
«Давайте в чёрный день подумаем о снеге...»	285
«Двадцатый век идёт к концу...»	285
«Пльвут неведомо куда по небу облака...»	286

1991

«Блажен, кто посетил сей мир...»	287
«Этот лезет на рожон...»	288
«А ты в пути, а ты в бегах...»	288
«Оно терзаёт и томит...»	288
«День голубой, голубей голубого...»	289
«Открыта выставка. Апрель...»	290
«Мир в лазоревых заплатах...»	290
«Войти в картинку и вращаться...»	291
«Мы ещё и не живём...»	292
«Утоли моя печали...»	292
«А листьям падать и кружить...»	293
«Нету спроса на стихи...»	294
«Только дождями одними и сыты...»	294

«И снова мир угоден Богу...»	295
«Писать один пейзаж...»	296
«Он стоит лицом к стене...»	296
«Из года в год играем пьесу...»	297
«Московское детство: Полянка, Ордынка...»	298

1992

«Звук протяжен, точно провод...»	298
«Сплошные радости: кукушка...»	299
«Жили-были старик со старухой...»	300
«Слишком много и крови и пота...»	300
«Опять утрата и урон...»	300
«Миру всякая смерть...»	301
«Дней ослепительные вспышки...»	302
«Совершая путь извечный...»	302
«До чего красивый дятел!...»	303
«На крыше – мох и шишки...»	304
«Не ведаю, как быть, и как не быть – не знаю...»	304
«Краткой осени момент...»	305
«Эти поиски ключей...»	306
«Мильон оранжевых штрихов...»	306
«Любовь – испытание. Счастье – мученье...»	307
«Всё разрешится чистым ля...»	307

1993

«Концы с концами я свожу...»	308
«В ночной тиши гуляет ветер...»	309
«Господи Боже мой, лёгким касанием...»	309
«Тьма никак не одолест...»	310
«Закреть бы лавочку да вывеску убрать...»	310
«Не держись, – сказали мне, – отпусти...»	311
«Всё это движется, шуршит...»	311
«В этой области скорби и плача...»	312
«Хорошо быть беглой гласной...»	312
«А если говорить по существу...»	313
«Недолгого лета вершину венчая...»	313
«Ах, друг Аркадий, друг Аркадий...»	314

«Я дарёному коню...»	314
«Время пишет бегущей строкой...»	315
«Всё отодвинуть и всё миновать...»	316
«Цветные мелочи, ура!...»	316
«Уйти легко, а вот остаться...»	317
«Надоел ты, человечек, нету сил...»	317
«Взорвать бы всё или взорваться...»	318
«Не проси у жизни смысла...»	319
«Вновь играем в игры эти...»	320
«Пена дней, житейский мусор...»	320
«Я не хочу вас затруднять...»	321
«Пишу стихи, причём по-русски...»	322
«Всех слов и строчек, всех “ля-ля”...»	322
«Устаревшее — “сквозь слёз”...»	323
«Кривоколенный, ты нетленный...»	324
«Опять минуты роковые...»	324
«А следом, следом шёл июль...»	325
«И я сгораю в том огне...»	326

1994

«Надоели хмарь и хаос...»	326
«Так и маемся на воле...»	327
«Цветы и капельки росы...»	328
«Кнудом и пряником. Кнудом...»	328
«Оживление в больничке...»	329
«А я мечтаю только об одном...»	329
«Пишу воспоминания. Тружусь...»	329
«Если память жива, если память жива...»	330
«О юность, утренний озноб...»	330
«Обрывки яви, снов обрывки...»	331
«Наливаю в вазу воду...»	332
«Взгляни на всё сквозь пальцы, сквозь...»	332
«На Николиной Горе да на Николкиной...»	332
«Вы в наличии имелись, мы имеемся...»	333
«Белый день за белым днём...»	334
«Судьбу не надо умолять...»	334
«Дни текли. Душа алкала...»	335
«И останешься ты в дураках, в дураках...»	335

«Кинень вся июльская, весь жасмин...»	336
«На небе — тишь, на небе — птица...»	336
«И ты попался на крючок...»	336
«Зачем-то сна себя лишаю...»	337
«В машинном рёве тонет зов...»	338
«Живём себе не ведаем...»	338
«Исписан лист простой и нотный...»	338
«Ах, dolce vita, dolce vita...»	339
«И кто его выдумал — мостик шатучий...»	339
«Стремится жизнь моя к нулю...»	340
«А между тем, а между тем...»	340

МЕСТОИМЕНЬЕ «Я» (1995—1999)

«Откуда ты?»	342
--------------	-----

1995

«Живём, а значит, длим попытку...»	343
«Земля из-под ног уплывает. Бывает...»	343
«А после дождя, пролетевшего presto...»	344
«Ждали света, ждали лета...»	344
«Во всех ситуациях — только слова...»	345
«Получен счёт за телефон...»	345
«Вели меня и довели...»	346
«Все жили где-то и когда-то...»	346
«Прости, о Господи, о Господи, прости...»	346
«Всё дорого нынче, а жизнь дешева...»	347
«Глагол, струись от счастья бытия...»	347
«Мы все как кур попали во щи...»	348
«Время с вечностью сверьте...»	348
«Года друг друга неустанно...»	349
«О мир, твои прекрасны штампы...»	349
«И золотым дождем прольётся...»	349
«А пока из этой жизни нас не выбили...»	350
«Заполним форму: год рожденья...»	350

1996	
«Заметки, записи, штрихи...»	351
«А дождик, выбившись из сил...»	352
«Увы, опять упущен случай...»	352
«Коль связать два слова нечем...»	353
«Tombe la neige», — хрипловато поёт баритон...»	353
«Храни молчание. Хранить...»	354
«Нашёл себя? Ну, слава Богу...»	354
«Кто та, с малиновою грудкой...»	354
«Умирал, как дело делал...»	355
На смерть Максима Шебалина.	
<i>Цикл стихов</i>	
«Отчалила Харона лодка...»	356
«И снова в этом мире Божьем...»	356
«Всё дело в том, что дела нет...»	357
«Всё в порядке вещей,	
а верней, в беспорядке...»	358
«Осыпается жасмин, осыпается...»	358
«Основа, твёрдая основа...»	358
«Всё по порядку: до, ре, ми...»	359
«Что держит на плаву — бог весть...»	360
«Так к чему же всё свелось?...»	360
«Дождь идёт да идёт...»	361
«На том стою, на том...»	361
«Батарейка кончилась	
у меня в часах...»	362
«Сплошная текучка,	
сплошная текучка...»	362
«Что кроме странствия, что кроме...»	362
«Стояло лето, и стояли...»	363
«Музыка, музыка, музыка, мука...»	363
«Все эти времена лихие...»	364
«Цвет жёлтый — это цвет измены...»	364
Не плачь! Ведь это понарошку...»	365
Строчка, сверкнувшая	
в тёмной ночи...»	365
Всё страньше жизнь моя	
и страньше...»	366

1997

«И лишь в последний

день творенья...»	367
«Ничего не выгорит...»	368
«А кстати... Впрочем, всё некстати...»	368
«Как Бог на душу положит...»	369
«На чём всё держится? На честном...»	369
«Живи, покада поглощён...»	370
«Ни много времени, ни мало...»	370
«Во влажные кусты жасмина...»	371
Эпитафия на смерть минуты	372
«Возникли трудности в связи...»	372
«Не вмещаю, Господи, не вмещаю...»	373
«Мелькают дивные места...»	374
«Не живу, не умираю...»	374
«Постой же, время, не теки...»	375
«Всё на земле безнадежно запутано...»	375
«Только жалобную книгу,	
только жалобы...»	376
«Здесь почва впитывает влагу...»	376
«Идут по свету дяди, тётки...»	376

1998

«На земле-то жить нельзя...»	377
«Чем оказался Божий дар?...»	378
«— Ну что ж, полетели...»	378
«Снедаем чем? Терзаем чем?...»	379
«Нечто дивное повисло...»	380
«Дни тяжёлы и неподъёмны...»	380
«“La vie”, — поёт Эдит Пиаф...»	381
«Местоименье “я”	
имеет место быть...»	382
«Разыгралась непогода...»	382
«Ах, тонус, тонус, нужный тонус...»	383
«Хлестал он по спинам, по спинам...»	384
«А что там над нами в дали голубой?...»	384
«То мимолётна, то длинна...»	385
Урок английского	386
«Пели “Yesterday”, пели	
на длинных волнах...»	387
«Я опять за своё, а за чьё же,	
за чьё же?...»	387
«Голос ломок, слеза солоня...»	388
«А где же мелос? Мелос где?...»	388

«Невесть чего мы ждали свыше...»	389
«Не стоит жить иль всё же стоит...»	390
1999	
«На излёте зимы, на излёте...»	390
«Положено идти вперёд...»	391
«Иссякло время, и со временем ушло...»	391
«Апрель. И сыро и серо...»	392
«Жизнь почти истаяла, стала тоньше льдинки...»	392
«Всё вполне выносимо, но в общих чертах...»	392
«Живём, то бишь, спешим...»	393
«Что с городом моим, что с ним...»	394
«Хорошо покатались на шарике этом...»	394
«Опять жара. Какая нудь...»	395
«— Как живёшь?...»	395
«На столе алеют розы...»	396
«И всё же он невыносим...»	396
«Время сбрендило, спятило, тихо свихнулось...»	397
«“Made in Russia”, in Russia, в России одной...»	397
«Господи, подай словечко...»	398
«Снова август в крапинку...»	398
«Где хорошо? Повсюду и нигде...»	399
«Проснулась... — где я? На земле, на ней...»	399
«Осенний дух листвою шуршит...»	400
«Он взял свою жизнь и куда-то унёс...»	400
«На деревьях стая соек...»	401
«Всё надоело, — говоришь...»	401
«Жизнь — исчезновение...»	402
«Пиши поверх чужих письмён...»	402
«“Да” и “нет” не говорите никогда...»	402
«Когда сгину, Господи, когда сгину...»	403
«Живём, а значит, умираем...»	403
«Всё скоро кончится — увы или ура...»	404
«С землёй играют небеса...»	404
«Не надо истине рождаться...»	405

«Прикрепив крыло к плечу...»	405
«Как жизнь? Идёт себе, идёт...»	406
«Улетать и опадать...»	406
«Жить на земле, земли касаясь...»	407
«Перемещённое лицо...»	408
«Хоть бы памятку дали какую-то, что ли...»	409
«А звук дрожит, дрожит, боится...»	409
«И голуби взлетают из-под ног...»	410
«На линии огня, огня...»	410

НАДЫШАЛИ И ЖИВЁМ (2000—2002)

«Звонят отсюда через ноль...»	412
-------------------------------	-----

2000

«Мир мал и тесен — просто жуть...»	413
«Поверь, возможны варианты...»	414
«Ну и так далее, далее, далее...»	414
«В тех юных строках её, первых, начальных...»	415
«Серое небо над чёрной дырой...»	415
«Темна вода, темна вода...»	416
«Господь посылает сырую погоду...»	417
«Манна с неба, манна, манна...»	417
«“А” и “Б”, что на трубе...»	418
«Откуда всхлип и слабый вздох?...»	418
«Шаг влево, шаг вправо — и будет пиф-паф...»	419
«Ну, вырвись, попытайся, воспарь...»	419
«Переживая бренность бытия...»	420
«Поиграй с нами, Господи...»	420
«В ночь из ночи прямым...»	421
«Нынче шлют небеса столь рассеянный свет...»	421
«Каков текущести итог?...»	422
«Интересно, что случится...»	422
«Тебя опекает и этот листок...»	423
«Куда ни глянь — сплошные нети...»	423
«День потух, почти потух...»	424
«Всё рифмуется со всем...»	424

«На чём настаивает лето?»	425
«Час от часу не легче...»	425
«Всё бессмысленно и плохо...»	426
«Ну чем не муза, чем не муза...»	426
«Под каёмкой голубой...»	427
«Вокруг да около — чего?»	428
«Средневековые картинки...»	428
«Досадно, Господи, и больно...»	429
«— Поговорим о пустяках...»	430
«А птички всё летают...»	430
«Ах, жизнь, опять твои проделки...»	431
«Что делать?»	431
«Для печали есть резон...»	432
«Мир становится всё суше...»	432
«Спите с горем пополам...»	433
«Коль за душой осталось что-то...»	434
«Но выход рядом. Выход есть...»	434
«О себе, о себе, о себе...»	435
«Я живу в нигде...»	435
«C'est dommage, dommage...»	436
«Проживая в хате с краю...»	437

2001

«Всё способно умереть...»	437
«Сил осталось — ноль...»	438
«А день имеет бледный вид...»	438
«Среди сплошного дежа вю...»	439
«Раствориться в пейзаже...»	440
«А что в записке? Что в записке?»	440
«Когда-нибудь и где-нибудь...»	441
«Итак, не приходя в себя...»	441
«Жизнь — тяжёлая обуза...»	442
«Сию минуточку, сию...»	442
«Так тихо, будто снится...»	443
«Опять неполная картина...»	443
«— Между нами, entre nous...»	444
«Всё осадки да осадки...»	444
«Села на земле небесная птичка...»	445
«И это всё от Бога...»	445
«Электронная начинка...»	446
«— Ты где?»	446
«Жизнь — загадка, тайна, пазл...»	447

«Нынче проводы светлой минуты...»	448
«Ступни огромны, а головка...»	449
«Боже мой, какое счастье!»	449
«Ну и как он в переводе...»	450
«Вторник, пятница, среда...»	450
«Увы, хлеба, что дано...»	451
«Всё от лукавого, ей-ей...»	452
«Ослепительные дни...»	452
«Творил Он без черновика...»	453
«Дай, Боже мой, к Тебе припасть...»	454
«Где же всё это — язвы, проказа?»	454
«Иди со мною. Vade mecum...»	455
«Всё будет хорошо, как вы хотели...»	456
«Приручи меня, жизнь, приручи, приручи...»	456
«Взаимоотношения...»	457
«Не имей привычки жить...»	458
«Тебя целует ветер в темя...»	458
«Вроде просто — дважды два...»	459
«Точно вспышка — есть и нету...»	459
«Всего лишь несколько недель...»	460
«Пёсик лает, козлик блеет...»	460
«Ура, каникулы у нас!»	461
«Лист изъеденный и ржавый...»	462
Кольбельная	462
«Вроде живы, живы вроде...»	463
«Всё говорю и говорю...»	463
«Пластинкой крутится земля...»	464
«Чем кончится век золотой? Чернотой...»	464
«На поверхности воды...»	465
«А дальше будет день, а дальше...»	465
«Под небесами так страшно слоняться...»	466
«Очень трудно быть живой...»	466
«Смертный ужас и гибельный час...»	467
Present Continuous.	

Цикл стихов

«Продлись же, вечно “сейчас”...»	467
«Проживаем с рассвета до темени...»	468
«Тот мрак зовётся светом...»	468
«Неуютное местечко...»	468

2002

«Дай руку, Господи, дай руку...»	469	«Тем временем, тем самым, тем...»	479
«Как под яблоней неспелый...»	469	«А в этом лучшем из миров...»	479
«А на этой акварели...»	470	«Петух и скрипка, и букет...»	480
«Убить бы время, ну его...»	471	«Как поживаешь, первый снег?...»	481
«На что надеюсь? На потом...»	471	«Время шло вперёд, назад...»	482
«Что же это? Боже, Боже...»	472	«Ангел бедный, ангел мой...»	482
«Всё как с гуся вода, всё как с гуся вода...»	472	«День прошёл и был таков...»	482
«О том, что пустынно и голо...»	473	«Одинокий лист безродный...»	483
«Тишайший аквариум, дивное лето...»	473	Примечания	484
«Жить не умею и зову...»	474	О поэзии Ларисы Миллер. <i>Отклики разных лет</i>	486
«Какое там сражение...»	474	Лодочка формы. <i>Из беседы</i> <i>Инги Кузнецовой с Ларисой Миллер</i>	517
«Жизнь легка, легка, легка...»	475	Книги Ларисы Миллер	532
«Не бросай меня, не надо...»	476	Алфавитный указатель	533
«Сколько разных заморочек...»	476		
«Этот вечный вальсок...»	477		
«Жизнь идёт, и лето длится...»	477		
«А по миру кружение...»	478		
«Лето – чистый изумруд...»	478		

В серии «Поэтическая библиотека»
издательства «Время»
вышли:

Максим Амелин *«Конь Горгоны»*
Михаил Генделев *«Неполное собрание сочинений»*
Георгий Геннис *«Сгоревшая душа Кроткера»*
Леонид Губанов *«Я сослан к Музе на галерею...»*
Евгений Евтушенко *«Я ворвусь в двадцать первый век...»*
Дмитрий Кедрин *«Вкус узнавший всего земного...»*
Тимур Кибиров *«Кто куда, а я – в Россию...»*
Юрий Левитанский *«...год две тысячи...»*
Владимир Луговской *«Мне кажется, я прожил десять жизней...»*
Давид Самойлов *«Мне выпало всё...»*
Русская поэзия Китая

Готовятся к выпуску:

Александр Ревич *«Сквозь перекрёстки, города и лица...»*
Илья Сельвинский *«Из пепла, из поэм, из сновидений...»*

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Миллер Лариса Емельяновна

«Где хорошо? Повсюду и нигде...»

Редактор

Лариса Спиридонова

Макет серии

Константин Журавлев

Художественный редактор

Валерий Калмыньш

Изд. лиц. № 0985 от 17.02.2000.

Подписано в печать 24.10.2003.

Формат 60x70/16. Бумага офсетная.

Гарнитура NewBaskervilleС. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. . Тираж 1500 экз.

Заказ №

Издательский дом «Время».

115326, Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон: (095) 231-18-77